

"Девиственница"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Джуд Деверо

Девственница

Глава 1

Англия, 1299 год

Вильям де Боун стоял, укрывшись в тени каменных стен замка, и смотрел на племянника, сидевшего у раскрытого окна. В золотых волосах Руана купалось солнце, его красивое лицо слегка хмурилось: он сосредоточенно изучал лежащие перед ним бумаги. Вильяму не хотелось думать о том, как много стал значить для него этот юноша. Руан стал ему вместо сына, которого он хотел бы иметь.

Глядя на высокого, широкоплечего, красивого молодого человека, Вильям снова и снова поражался, как смуглый, уродливый Тал смог произвести на свет такого красавца, как Руан. Тал называл себя королем Ланконии, но при этом носил звериные шкуры. Его длинные, грязные волосы свисали до плеч, он ел и говорил, как варвар, которым и был. Вильям презирал себя за то, что уступил просьбе короля Эдварда, позволил Талу остаться в своем доме. Вильям велел слугам ублажать этого грубияна, но сам старался держаться от него подальше.

Сейчас, глядя на Руана, Вильям почувствовал, как у него от обиды засосало под ложечкой.

Пока он был в отъезде, его красивая, добрая, милая сестра Анна влюбилась в этого отвратительного типа. Когда Вильям осознал, что произошло. Тал уже настолько вскружил ей голову, что Анна поклялась покончить с собой, если ей не позволят выйти за него замуж. Король варваров, похоже, даже не понимал, какой опасности подвергает Анна свою бессмертную душу, помышляя о самоубийстве.

Что бы ни говорил Вильям, ничто не могло разубедить Анну. Он старался открыть ей глаза, показать, насколько омерзителен Тал, но она лишь с сожалением смотрела на брата.

— Для женщины он не отвратителен, — говорила она и смеялась так, что Вильяму становилось не по себе при одной мысли о том, как смуглые, жирные руки Тала коснутся ее нежной, белой кожи.

В конце концов, решение за Вильяма принял король Эдвард. Он сказал, что на свете не так много ланконцев, и если их король хочет взять в жены богатую, знатную англичанку, ему следует это позволить.

Итак, король Тал женился на сестре Вильяма, красавице Анне. Вильям пил десять дней, надеясь, что, когда протрезвеет, все случившееся окажется сном. Но когда он очнулся от пьяного угара, то первое, что увидел, был высокий, смуглый Тал в обнимку с его белокурой сестрой.

Спустя девять месяцев родился Руан. Бездетный в собственном браке и давно истосковавшийся по сыну, Вильям с первой минуты влюбился в хорошенького, белокурого мальчика. Тал, напротив, не проявлял к ребенку никакого интереса.

— Фу! Он орет с одного конца и воняет с другого. Детьми должны заниматься женщины. Я подожду, пока он станет мужчиной, — ворчал Тал, коверкая английские слова.

Его гораздо больше интересовало, когда Анна достаточно поправится, чтобы вернуться к нему

в постель.

Вильям растил Руана, как своего сына. Он проводил с ним бесконечные часы, изобретал для него игрушки, играл с ним, держал за крошечные пальчики, когда тот делал первые шаги.

Когда Руану был почти год, родилась его сестра Лора. Как и ее брат, она была хорошенькая и белокурая, словно ничего не унаследовала от своего смуглого отца.

Анна умерла, когда Лоре было пять дней от роду.

Ослепленный горем, Вильям не видел ничего вокруг. Все, что он знал, это то, что Тал стал причиной смерти его любимой сестры, и велел ему покинуть свой дом.

Тал угрюмо заявил, что возьмет своих слуг, детей и завтра утром отправится в Ланконию.

Вильям не придавал значения словам Тала, но, когда услышал шум во дворе, понял, что Тал собирается увести Руана, и новорожденного младенца с собой. Всегда уравновешенный, Вильям пришел в бешенство. Он собрал своих рыцарей и, когда Тал уснул, напал на него.

Вильям никогда не видел, чтобы кто-нибудь дрался, как ланконцы. Их было вчетверо меньше, чем воинов Вильяма, тем не менее, троем из них, включая Тала, удалось бежать.

Заливаясь кровью. Тал взобрался на стену замка и проклял Вильяма и весь род его. Он сказал, что знает о желании Вильяма оставить у себя принца Руана, но тот его никогда не получит. Руан — ланконец, а не англичанин, и однажды вернется к себе домой.

Затем Тал спрыгнул со стены и исчез в лесу.

С этой ночи удача отвернулась от Вильяма. Спустя месяц от оспы умерла его жена, потом болезнь скосила половину его крестьян. На полях остался необранный урожай, и ранний снег похоронил его.

Вильям снова женился, на этот раз на пышущей здоровьем, пятнадцатилетней девице, обещавшей быть плодотворной, как кролик. За четыре года она родила ему четырех сыновей и благополучно скончалась во время родов пятого. Вильям не особо горевал, ибо, когда его страсть к ее красивому, молодому телу остыла, оказалось, что она глупа и легкомысленна.

На попечении Вильяма остались четыре собственных сына и двое детей Анны. Контраст между ними был разительный. Руан и Лора были высокими, красивыми, с золотистыми волосами. Они были умны и горели желанием учиться, тогда как его собственные дети были глупы, неуклюжи, злы и упрямы. Они ненавидели Руана и жестоко издевались над Лорой. Вильям знал: это ему наказание за то, что он бесчестно напал на Тала. Ему даже стало казаться, что это дух Анны мстит за мужа.

Когда Руану исполнилось десять лет, в замок Вильяма пришел человек: старик со свисающей на грудь бородой и золотым обручем вокруг головы. Он сказал, что его зовут Фейлан, что он ланконец и пришел учить Руана.

Вильям собрался мечом прогнать старика, но Руан словно знал, что старик должен прийти, и ждал его. Он вышел вперед и торжественно произнес:

— Я принц Руан.

В этот момент Вильям понял, что теряет самое драгоценное на свете и ничто не сможет предотвратить его утрату.

Стариц-ланконец остался в замке и все время проводил с Руаном. Руан всегда был старательным, толковым мальчиком, но сейчас его способности к учению показались Вильяму просто безграничными. Старый ланконец учил Руана и в классной комнате, и на спортивной площадке. Вильям сначала протестовал, потому что ланконские методы ведения боя любой английский рыцарь счел бы бесчестными. Ни Руан, ни Фейлан не обратили на это никакого внимания, и Руан научился владеть не только мечом и копьем, но и палкой, булавой и, к ужасу Вильяма, драться на кулаках.

Руан воспитывался не как другие дети аристократов. Он остался в замке своего дяди, всецело предоставленный ланконцу, тогда как собственные дети Вильяма один за другим покинули дом и ушли обучаться рыцарскому искусству. Получив рыцарство, они вернулись. Их ненависть к Руану стала еще сильнее. Они по очереди вызывали Руана на бой, надеясь победить его и этим завоевать расположение отца.

Но поединка не получалось, потому что Руан легко выбивал каждого из них из седла и, даже не вспотев, возвращался к занятиям.

Сыновья Вильяма требовали, чтобы Руан убрался из их дома. Вильям видел, как они подкладывали Руану колючки под седло, воровали его книги и высмеивали перед гостями. Но Руан никогда не выходил из себя, что особенно бесило его грубых кузенов. Только один раз Вильям видел, как Руан рассердился. Это было, когда его сестра Лора попросила разрешения выйти замуж за барона, нанесшего визит Вильяму. В бешенстве Руан сказал Лоре, что она ланконка и, когда ее позовут, должна вернуться домой. Вильям был глубоко задет, отчасти потому, что Руан проявил свой нрав, но более из-за того, что он назвал Ланконию своим «домом». Он почувствовал, что его предали и что его любовь к юноше безответна. Вильям помог Лоре устроить свадьбу, но ее муж умер через два года, и Лора вернулась в дом дяди с сыном Филипом на руках.

— Теперь мы готовы, — с улыбкой сказал Руан, обнимая Лору и своего нового племянника.

И вот сегодня Вильям стоял под окном и смотрел на Руана. Прошло двадцать пять лет с тех пор, как его любимая сестра родила златоволосого сына, и за это время Вильям полюбил его больше, чем кого бы то ни было на свете.

Но теперь все кончилось, по тому что за стенами замка на коротконогих, толстых лошадях восседает сотня готовых к бою, высоких, смуглых, исчерченных шрамами ланконских воинов, и на каждом по сто фунтов оружия.

Их предводитель вышел вперед и заявил Вильяму, что они приехали за сыном Тала, что Тал лежит на смертном одре, и Руан станет королем Ланконии.

Первым побуждением Вильяма было отказать, принять бой и драться до последнего дыхания, но Руан вышел навстречу ланконцам с распростертыми объятиями. Увидев это, Вильям понял, что потерпел поражение.

С тяжелым сердцем он поднялся по лестнице в покои Лоры, где у окна сидел Руан. Его учитель, пришедший стариком, теперь стал древним старцем, но при виде Вильяма поднял со стула свое измученное артритом тело и медленно опустился на одно колено.

— Да здравствует король Руан, — произнес старик и склонил голову.

Руан важно кивнул и посмотрел на Лору, отложившую в сторону шитье.

— Пора, — тихо сказал он. — Мы отправляемся домой.

Вильям вышел из комнаты, чтобы никто не увидел его слез.

Ланкония

Джура стояла по колено в воде, держа на весу легкое копье и выбирая момент, чтобы пронзить им рыбу. Солнце только вставало, неясно очертив за ее спиной Тарновианские горы. Она оставила брюки на берегу и стояла в тонкой, расшитой тунике, прикрывавшей ее ноги лишь до середины бедра. Вода была ледяная, но Джура с детских лет привыкла к спартанской жизни.

Слева от себя она услышала шорох. Кто-то приближался, судя по шагам, женщина. Джура не шелохнулась, но ее мышцы напряглись, словно она приготовилась к прыжку. Она все еще держала в вытянутой руке копье, но теперь была готова метнуть его в пришельца.

Не поворачивая лица, она улыбнулась. Это была Сайлин. Сайлин, ее наставница и друг, как всегда беззвучно, вышла из леса.

Джура резким движением пронзила копьем рыбу.

— Позавтракаешь со мной, Сайлин? — спросила она, выходя с добычей на берег.

Джура была шести футов роста; годы тяжелых, изнурительных тренировок сделали ее фигуру великолепной.

Сайлин вышла из-за дерева и улыбнулась подруге.

— У тебя отличный слух.

На ней тоже были туника и брюки ирландского воина. Сайлин была такого же роста, как Джура, с длинными ногами и высокой, крепкой грудью. Она была стройна, как береза, но ее лицо не поражало красотой, как лицо Джуры. Когда она стояла рядом с восемнадцатилетней Джурой, было видно, что ей уже двадцать четыре.

— Он вернулся, — тихо сказала Сайлин. Джура прилаживала палки, чтобы поджарить рыбу. Когда она услышала слова подруги, прут задрожал в ее руке.

— Джура, — умоляюще сказала Сайлин. — Однажды тебе придется посмотреть правде в глаза.

Она говорила на ирландском диалекте Ланконии, смягчая согласные и глотая «л».

— Он будет нашим королем. Джура выпрямилась и резко повернулась к подруге. Ее красивое лицо исказилось гневом.

— Он не мой король! И никогда им не будет! Он англичанин, а не ланконец. Его мать была бледнокожей, чахоточной англичанкой, которая целый день сидела у огня и шила. Она даже не смогла родить Талу нормальное количество детей. Настоящий король — Джералт, потому что его мать — ланконка. Сайлин это слышала сотни раз. — Да, Астри была красивой женщиной, и Джералт — прекрасный воин, но он не старший сын, а Астри не законная жена Тала.

Джура отвернулась, пытаясь взять себя в руки. Во время тренировок она могла сохранять спокойствие и ясность мыслей, даже когда Сайлин изобретала всякие штуки, типа напасть на

нее впятером, но несправедливость по отношению к Джералту приводила ее в бешенство. Задолго до рождения Джуры Тал отправился в Англию на переговоры с английским королем о заключении союза. Там он подпал под обаяние какой-то слабой, никчемной англичанки, женился на ней и провел в Англии два года, произведя на свет двух хилых отпрысков, которые были так слабы, что, когда его жена умерла, не смогли вернуться вместе с ним в Ланконию.

Люди говорили, что после возвращения из Англии Тал уже никогда не был таким, как прежде. Он отказался жениться на женщине-ланконке, хотя и проводил время в постели с красивой и знатной Астри. Она родила ему Джералта — сына, о котором мог бы мечтать любой мужчина, но Тал оставался холоден. В отчаянии, надеясь заставить Тала жениться на ней, Астри спросила у него разрешения выйти замуж за Джоста, его самого преданного телохранителя. Тал пожал плечами и согласился. Через три года после рождения Джералта Астри произвела на свет Джуру.

— Джералт имеет право быть королем, — повторила Джура уже спокойно.

— Тал сделал свой выбор. Если он хочет, чтобы королем стал его сын-англичанин, мы должны покорно согласиться.

Джура с ожесточением скребла ножом рыбу.

— Я слышала, у него белая кожа и белые волосы. Говорят, он тонкий и гибкий, как колос пшеницы. И у него есть сестра. Не сомневаюсь, что она поднимет плач по английским перинам. Как мы можем уважать короля-англичанина, если он ничего о нас не знает?

— Тал много лет назад отправил к нему Фейлана. Я слышала легенды о его мудрости.

— Ха! Он поленец, — презрительно сказала Джура. — Он из другого племени ланконцев. Поленцы думают, что войну можно выиграть одними речами. Молодые люди больше читают книги, чем упражняются с мечом. Как поленец может научить кого-то быть королем? Конечно, Фейлан учил его читать и красиво говорить, но что поленцы знают о битве? Когда на нас нападут зернанцы, наш новый король будет рассказывать им сказки до тех пор, пока они не заснут и не свалятся с лошадей?

— Джура, ты несправедлива. Мы еще не видели этого человека. Он сын Тала и...

— Джералт тоже! — парировала Джура. — Неужели ты думаешь, что этот англичанин знает о Ланконии хоть половину того, что знает Джералт?

Она указала на горы — любимые горы, которые веками защищали Ланконию от чужеземцев.

— Он даже никогда не видел наших гор, — сказала она, словно это было самым тяжким обвинением.

— И меня, — спокойно сказала Сайлин. Глаза Джуры округлились.

Когда-то давно Тал сказал, что хочет, чтобы Руан женился на Сайлин.

— Тал наверняка уже забыл об этом. Он сказал это много лет назад. Ты тогда была еще совсем ребенком.

— Нет, не забыл. Сегодня утром, когда он услышал, что его английский сын уже около реки Сиар, он послал за мной. Он хочет, чтобы мы с Дайри встретили его.

— Дайри? — взволнованно спросила Джура и улыбнулась, подумав о красивом, темноглазом Дайри, мужчине, за которого она собиралась замуж и которого любила с самого детства.

Сайлин презрительно посмотрела на подругу.

— Ты думаешь только о себе. Тебе наплевать, что мне приказано выйти замуж за мужчину, которого все называют слабым, тщедушным...

— Прости, — сказала Джура и устыдилась себя. Это действительно ужасно: быть невестой человека, который об этом не знает. Думать, как будешь день и ночь с мужчиной, чьи мысли тебе непонятны или даже отвратительны. — Прости меня. Неужели Тал действительно хочет, чтобы ты вышла замуж за этого... этого..?

Она не могла придумать, как назвать его.

— Тал сказал, что всегда мечтал об этом. Сайлин с опечаленным лицом села на землю около костра, который развела Джура.

— Я думаю, что Тал боится того же, чего и ты.

Что сын, которого он не видел двадцать лет, окажется тем, что про него говорят. Но Тал никогда не отступит от своего слова. Чем больше людей стараются разубедить его, тем упрямее он становится.

— Понятно, — задумчиво сказала Джура и долгим взглядом посмотрела на Сайлин. — Возможно, Тал не так уж выжил из ума. Сайлин — умная женщина, проявившая себя в нескольких битвах. Она хладнокровна и рассудительна. Если английский принц окажется слабым и нерешительным, как о нем говорят, твердая и мудрая Сайлин уберезет Ланконию от развала.

— Возможно, королем Ланконии станет глупый английский отпрыск, но нашей королевой будет мудрая ланконка, — сказала Джура.

— Спасибо, — ответила Сайлин. — Да, мне кажется, что Тал именно так и думает, и я горда, что он доверяет мне, но я...

— Ты хочешь в мужья настоящего мужчину, — усмехнулась Джура. — Кого-нибудь вроде Дайри: высокого, сильного, умного...

Сайлин засмеялась.

— Да, я должна признаться тебе как своей ближайшей подруге: с одной стороны, я очень горда, а с другой, мне ужасно жаль себя. Неужели у англичанина действительно белые волосы? Кто тебе это сказал?

— Тал, — ответила Джура. — Как-то в подпитии он рассказывал об англичанке, на которой имел глупость жениться. Он рассказывал это моей матери, и отец тогда увел ее из комнаты.

От горького воспоминания Джура поджала губы, но это не уменьшило привлекательности ее лица. Ее родители умерли, когда ей было пять лет, и она росла в доме Тала.

— Тал рассказывал больше, чем нам следовало бы знать о его жизни в Англии, — продолжила Джура. Сайлин знала, что «нам» относится к Джералту, сводному брату Джуры, и Дайри,

который рос с ними.

— Джура, — резко прервала ее Сайлин, — ты собираешься есть свою рыбу или нет? Если да, то поторапливайся. Ты должна помочь мне решить, что взять с собой в поездку. Как ты думаешь, дочь Тала носит шелковые платья? И она действительно божественно прекрасна? Она тоже будет задирать нос перед ланконскими женщинами, как франкийские два года назад?

Глаза Джуры заблестели.

— Тогда мы ей сделаем то же самое, что и им, — сказала она с набитым ртом.

— Ты жестокая, — засмеялась Сайлин. — Мы не можем сделать такое женщине, которая станет моей золовкой.

— Мы должны подумать, как спасти Ланконию. Конечно, самый простой способ — это вывести англичанина на один-единственный бой, который станет для него последним. Или ты думаешь, что он сидит на бархатной подушке, пьет пиво и издали наблюдает за сражением?

Джура встала, бросила остатки еды в костер и надела брюки и ботинки.

— Дайри тоже едет с тобой?

— Да, — ответила Сайлин и хитро посмотрела на Джуру. — Тебе придется провести несколько дней без него. Мы выезжаем, чтобы встретить англичанина и сопровождать его. Я думаю, Тал боится зернанцев.

Зернанцы были самым свирепым племенем ланконцев. Они любили сражаться так же сильно, как поленцы читать книги. Они нападали на любого где угодно и когда угодно, и то, что они делали с пленными, повергало в ужас видавших виды воинов.

— Ирлианцы не боятся зернанцев, — сердито возразила Джура.

— Да, но этот принц думает, что он король всей Ланконии.

Джура ехидно улыбнулась.

— Тогда пусть сходит к Броейну, королю зернанцев и скажет ему об этом. Это положит конец всем нашим тревогам. Во всяком случае, английский сын Тала будет похоронен в ланконской земле, и я клянусь, что мы закопаем каждый кусочек, который отрубит от него Броейн.

Сайлин засмеялась.

— Ладно, помоги мне выбрать, что взять с собой. Мы отправляемся через час, а тебе еще надо попрощаться с Дайри.

— На это часа не хватит, — кокетливо заявила Джура, и Сайлин снова засмеялась.

— Может, я смогла бы одалживать у тебя Дайри на ночь-другую, после того как выйду замуж за нашего хилого англичанина?

— В ту же ночь ты и умрешь, — спокойно ответила Джура. — Будем молиться, чтобы Тал жил долго и сам увидел, как ошибся, и успел исправить ошибку. Нашим королем станет Джералт. Идем, я провожу тебя.

Положив руки под голову, Руан растянулся на западном берегу реки Сиар и сонно смотрел на кроны деревьев. Солнце играло на его обнаженной мускулистой груди, покрытой темно-золотистыми волосами. На нем были только короткие, мешковатые брюки и чулки, обтягивающие его крепкие ноги.

Внешне он казался совершенно спокойным. Годы тренировок не прошли даром: он умел скрывать свои чувства. Его старый учитель никогда не упускал возможности напомнить Руану, что он наполовину ланконец и слабую английскую половину нужно отсечь, сжечь или уничтожить любым другим способом. По словам Фейлана, ланконцы были тверже стали и непоколебимы, как горы.

На бедре Руана заныл шрам: так бывало всегда, когда он думал о Фейлане. Ланконцы не позволяют чувствам управлять их мыслями, и ланконцы никогда не плачут. Его учитель крепко вбил это ему в голову. Когда Руан был ребенком, умерла его любимая собака — единственный верный друг в доме дяди Вильяма. Руан заплакал, и старый учитель пришел в ярость. Он прикоснулся раскаленной докрасна кочергой к бедру мальчика и предупредил Руана, что если он будет плакать, то получит второе клеймо. Больше Руан не плакал.

Раздались чьи-то шаги, и Руан мгновенно схватил лежащий около его руки меч.

— Это я, — услышал он рассерженный голос Лоры.

Руан потянулся за туникой. Было слышно, как невдалеке засуетились ланконцы. Наверняка, они ищут его.

— Можешь не одеваться, — сказала Лора. — Мне уже доводилось видеть раздетых мужчин.

Она молча села на землю около него и обхватила руками колени. Ее стройное молодое тело сотрясало от гнева. Край ее парчового платья испачкался, но она не обращала на это внимания. Она заговорила, и это было словно извержение вулкана.

— Меня бесят эти ланконцы! Они обращаются со мной, словно я глупый, испорченный, ленивый ребенок, с которого нельзя спускать глаз. Они не дают мне сделать ни шага. А этот Ксант хуже всех. Еще один презрительный взгляд, и я ударю его по лицу.

Руан тихо хмыкнул. Лора остановилась и взглянула на него сверкающими голубыми глазами. Гнев лишь прибавлял привлекательности ее утонченному лицу и высокому, стройному телу.

— Как ты можешь смеяться? — спросила она сквозь зубы. — Это ты виноват, что они так со мной обращаются. Каждый раз, когда кто-нибудь из них предлагает тебе подушку, ты вздыхаешь и улыбаешься. А вчера ты держал мою пряжу! Ты никогда раньше этого не делал, а теперь с удовольствием притворяешься слабым и изнеженным.

Руан улыбнулся. Он был очень красив: темно-русые волосы, глубокие синие глаза. Рядом с ланконцами он казался человеком другого вида. Лора привыкла, что мужчины смеются над Руаном, полагая, что легко одержат победу над безбородым юнцом, чье крупное тело, несомненно, было сплошным жиром. Лора от души веселилась, когда Руан вышибал насмешника из седла и поверженный противник обнаруживал, что крупное тело Руана — это две сотни фунтов крепких мускулов.

— И почему ты не говоришь с ними на их языке? — не унималась Лора. — Почему ты

заставляешь переводить тебе каждое слово? И кто такие зернанцы, которых боятся ланконцы? Я думала, что зернанцы — это ланконцы. Руан! Перестань смеяться. Они дерзкие, наглые люди.

— Особенно Ксант? — тихо спросил он и лукаво посмотрел на сестру.

Лора отвела взгляд.

— Ты можешь смеяться над ними, но твои солдаты и оруженосцы другого мнения. Молодой Монтгомери уже весь в синяках, и я думаю, он получил их, защищая твое имя. Ты должен...

— Что я должен? — перебил ее Руан.

Он не мог сказать Лоре, что он думает о ланконцах и их отношении к нему. Эти ланконцы — его собственный народ. Но они относятся к нему с огромным презрением и ясно дают понять, что он им не нужен. Он не хотел, чтобы Лора увидела, что он взбешен этим не меньше, чем она.

— Мне нужно сразиться с кем-нибудь из них? — язвительно спросил он. — Убить или покалечить одного из моих подданных? Ксант — капитан королевской гвардии. Зачем же мне драться с ним? — Мне кажется, ты зря так уверен, что одержишь победу над этими варварами.

Руан вовсе не был в этом уверен. Ланконцы, как и Фейлан, считали его слабым и бесполезным для страны. Руан порой и сам начинал так думать.

— Ты хочешь, чтобы я убил твоего Ксанта? — сердито спросил Руан.

— Моего? — возмутилась Лора и, схватив горсть травы, кинула в брата. — Хорошо. Может быть, ты не можешь драться со своими будущими подданными, но ты должен запретить им так обращаться с тобой. Это неуважительно.

— Я начинаю любить мягкие подушки, которые мне предлагают, куда бы я ни садился.

Руан взглянул на Лору и вдруг стал серьезным. Он знал, что может доверять ей.

— Я слушаю, что они говорят, — сказал он после некоторой паузы. — Я сижу невдалеке от них и слушаю.

Лора внезапно прозрела. Ей следовало бы понять, что у Руана есть причины изображать дурака. О, но как она ненавидела все это с того момента, как она, ее сын, Руан, трое рыцарей Руана и оруженосец Монтгомери де Варбрук покинули Англию и отправились в путь в сопровождении угрюмых, черноглазых ланконцев! В первый день она чувствовала себя прекрасно: ее мечта начала сбываться. Но ланконцы быстро дали понять, что она и Руан — англичане, а не ланконцы, и что они считают англичан слабыми и никчемными людьми. Они не упускали возможности показать им свое презрение. Уже в первую ночь Нейл, один из рыцарей Руана, чуть не поднял меч на ланконца, но Руан вовремя остановил его.

В другой раз Ксант спросил Руана, держал ли он когда-нибудь в руках меч? Юный Монтгомери бросился на него, и, учитывая, что в свои шестнадцать лет он был такого же роста, что и Ксант, Лора очень сожалела, что Руан остановил их схватку. Монтгомери с отвращением отошел в сторону, когда Руан наивно ответил, не будет ли Ксант любезен показать ему свой меч, потому что он всегда хотел посмотреть на него вблизи.

Лору настолько бесило поведение брата, что ей не приходило в голову, какие у Руана могут быть причины так себя вести, кроме той, что его окружала сотня смуглых наблюдающих за ними ланконцев, а их было всего шесть взрослых англичан и ребенок.

У нее нет оснований сомневаться в брате.

— Что ты услышал? — тихо спросила Лора.

— Фейлан рассказывал мне о племенах Ланконии, но он не сказал мне, или я не придавал этому значения, что эти племена враждуют между собой.

Руан немного помолчал.

— Похоже, я король только ирлианцев.

— Наш отец. Тал, ирлианец?

— Да.

— Раз ирлианцы — правящее племя, то ты король всех ланконцев, как бы они себя ни называли.

Руан усмехнулся и пожалел, что в жизни не все так просто, как видится Лоре.

— Ирлианцы так и считают, но я боюсь, что другие племена с ними не согласны. Мы сейчас всего в миле от земли, которую зернанцы провозгласили своей. Поэтому ирлианцы так угрюмы и настроены. О зернанцах говорят, что они очень жестоки.

— Ты хочешь сказать, что ланконцы их боятся? — спросила Лора, затаив дыхание.

— Зернанцы — это тоже ланконцы.

— Но если ирлианцы их боятся...

Руан понял ее намек и улыбнулся. Неужели эти высокие, угрюмые, исчерченные шрамами ирлианцы могут кого-то бояться? С ними и дьявол не рискнет сразиться.

— Я пока не видел ни одного ланконца в битве. Они только хвастаются и говорят о войне.

— Да, но дядя Вильям говорил, что они дерутся, как черти, и ни один англичанин с ними не сравнится.

— Вильям — ленив и мягкотел. Нет, не возражай! Я тоже люблю его, но любовь не мешает мне видеть его недостатки. И все его солдаты ленивы и проводят время в драках друг с другом.

— За исключением его сыновей, — вставила Лора.

— Что тебе нравится больше: оставаться с четырьмя сыновьями Вильяма или жить здесь, в нашей красивой стране?

— Мне нравится эта страна, но только без людей. Сегодня утром один ланконец, разделявая кролика, велел мне отвернуться. Он сказал, что боится, что я лишусь чувств. Ты помнишь, как в прошлом году я подстрелила кабана? Почему они так обо мне думают?

— Как о нежной английской леди? А как, ты думаешь, выглядят их женщины? — спросил Руан.

— Мне кажется, что эти мужчины запирают своих женщин в клетку и выпускают их только два раза в год: чтобы оплодотворить и чтобы они родили детей.

— Это неплохая идея.

— Что? — изумилась Лора. — Если их женщины выглядят Так же, как мужчины, их следует запереть в клетку.

— Но мужчины выглядят не так плохо, — запротестовала Лора. — Просто у них плохой характер.

— Да?

Руан удивленно поднял голову.

Лора покраснела.

— Я хочу быть справедливой. Они все удивительно высоки, стройны, их глаза...

Руан насмешливо посмотрел на сестру, и она умолкла.

— Вот почему мы здесь. Я полагаю, наша мать испытывала к ланконцам те же чувства, что и ты.

Лора разозлилась, проклиная про себя всех мужчин на свете, но вдруг хитрая улыбка появилась на ее лице.

— Держу пари, я слышала такое, чего ты не знаешь. Наш отец выбрал тебе невесту. Ее зовут Сайлин, и она предводительница чего-то, что называют женской гвардией. Она женщина-рыцарь.

Лора с удовольствием отметила, как изменилось Яйцо Руана. Наконец-то она заставила его стать Серьезным.

— Из того, что мне удалось узнать, она такого же роста, как и ты, и все время проводит в военных упражнениях на поле. Полагаю, у нес есть свои собственные доспехи.

Она улыбнулась и нанесла Руану еще один удар.

— Как ты думаешь, ее фата будет из кольчуги? Лицо Руана из мальчишески мягкого стало тверже стали.

— Я не выбирал, становиться мне королем или нет. Это было решено до моего рождения, и я посвятил этому свою жизнь. Я женюсь на ланконской женщине, как хочет отец, но есть жертвы, на которые мужчина не может пойти даже ради своей страны. Я женюсь на женщине, которую люблю.

— Не представляю, чтобы ланконец мог влюбиться. Вообрази Ксанта, со шрамами па лбу, преподносящего женщине букет цветов.

Руан не ответил. Он думал о всех тех прекрасных англичанках, на которых он мог бы жениться, но не женился.

Но через все эти годы Руан пронес мечту о том, что однажды встретит женщину, нежную и красивую, умную и любящую, которой сможет доверять.

Каждый год Фейлан отправлял Талу письмо, перечисляя все промахи Руана и сомневаясь, что мальчик сможет стать настоящим ланконцем. Фейлан жаловался, что Руан похож на свою мать-англичанку и слишком много времени проводит в обществе сестры.

Руан про себя ругал Фейлана за это. Он целыми днями тренировался и выносил все испытания, которые изобрел для него старик, но он также учился играть на лютне и петь. И он понял, что ему нужна мягкость его сестры. Возможно, он никогда не станет настоящим ланконцем, но он хотел, чтобы его будущая жизнь была тихой и безмятежной, как сейчас с Лорой. С возрастом они становились все ближе друг другу, объединяясь против глупых и жестоких сыновей дяди Вильяма. Руан часто утешал Лору, когда она плакала после стычек с мальчишками, которые дразнили ее, били палкой и рвали на ней одежду. Он успокаивал ее, рассказывая о Ланконии.

Повзрослев, Руан стал защищать Лору. Ему нравилась ее слабость, после целого дня тренировок он часто приходил к ней; опускал на пол у ее ног свое усталое, израненное тело, и она пела ему или просто гладила по голове. Единственный раз он дал выход своим эмоциям, когда Лора сказала, что хочет выйти замуж за англичанина и уехать с ним. Он был страшно одинок эти два года без нее, но потом она вернулась с маленьким Филипом. Когда он женится, его жена будет мягкой и нежной, как Лора. Он не собирался брать в жены ланконского воина в юбке.

— У короля есть несколько привилегий, и одна из них жениться на том, на ком он хочет, — сказал он наконец.

Лора нахмурилась.

— Руан, это не совсем так. Короли женятся, чтобы заключить союз с другими странами.

Он поднялся и быстро оделся. Лора поняла, что разговор окончен.

— Если на то пошло, я лучше заключу союз с Англией. Я попрошу у Варбука руки одной из его дочерей, но не женюсь на ведьме в доспехах. Пойдем, я проголодался.

Лора пожалела, что завела этот разговор. Она всегда считала, что хорошо знает брата, но теперь ей временами казалось, что она его совершенно не понимает. Часть его души оставалась для нее полной тайной. Она оперлась на протянутую ей руку.

— Ты научишь меня говорить по-ланконски? — спросила Лора, чтобы сменить тему.

— Существуют три ланконских языка. Какому из них ты хочешь научиться?

— На котором говорит Ксант, — неожиданно для себя сказала она и тут же поправилась: — Я... я имею в виду — ирлианскому языку.

Руан понимающе улыбнулся. Он больше не сердился.

Они еще не дошли до лагеря, когда перед ними вырос Ксант. Он был больше шести футов росту, широкоплечий и худощавый. Его черные волосы доставали ему до плеч, обрамляя смуглое лицо с глубоко посаженными глазами, густыми черными усами и квадратным подбородком. Широкий шрам на лбу делал его суровое лицо еще более мрачным.

— У нас гости. Мы повсюду ищем тебя, — хрипло сказал Ксант. — Почему ты ушел без охранников? Поверх короткой туники на нем была подпоясанная медвежья шкура, которая оставляла неприкрытыми его мускулистые ноги.

Лора хотела резко ответить Ксанту, но Руан больно сжал ей пальцы.

Он не стал объяснять свой уход из лагеря.

— Кто приехал? — спросил он. Руан был на несколько дюймов ниже Ксанта, по моложе и более коренастый.

— Тал направил к нам Сайлин, Дайри и еще сотню солдат.

— Сайлин? — переспросила Лора. — Это та женщина, на которой должен жениться Руан?

Ксант бросил на нее недовольный взгляд, словно хотел сказать: «Не лезь не в свое дело».

Лора надменно посмотрела на него.

— Нам нужно ехать им навстречу? — нахмурившись, спросил Руан.

Его лошадь уже была оседлана и ждала его. Как всегда Руана окружили пятьдесят всадников. Они обращались с ним, как с ребенком, который нуждается в постоянной защите. Они поскакали на север, в сторону гор, где в лучах заходящего солнца показалось приближающееся войско. По дороге он старался настроить себя на встречу с женщиной, удостоенной звания рыцаря.

Он увидел ее издали. Ошибиться было невозможно. Высокая, изящная, прямая, с высокой, крепкой грудью, поясом в три дюйма шириной вокруг узкой талии и округлыми бедрами.

Не обращая внимания на протесты охранявших его всадников, Руан пришпорил лошадь и поскакал ей навстречу.

— Приветствую вас, моя леди, — сказал он и улыбнулся. У нее было красивое лицо. — Я Руан, смиренный принц вашей волшебной страны.

Ланконцы притихли. Мужчина не должен вести себя так. Особенно мужчина, которому предстоит стать королем. Они смотрели на заходящее солнце, позолотившее русые волосы Руана, и думали, что все, чего они боялись, оказалось правдой: он глупый, изнеженный англичанин.

Стараясь не обращать внимания на смех за спиной, Сайлин поскакала к Руану, чтобы ответить рукопожатием на его приветствие. Она тоже была разочарована. Он был достаточно красив, но глупая ухмылка на его лице и высокопарные слова лишали ее последней надежды.

Руан на мгновение сжал руку Сайлин и но ее глазам понял, что она о нем думает. Взгляды ланконцев, полные снисходительного превосходства, привели его в бешенство. Или это была злость на самого себя? Шрам на ноге заныл, и улыбка исчезла с лица Руана.

Он ошутил руку Сайлин. Одно дело изображать дурака перед мужчинами, другое — перед прекрасным созданием, которое должно стать твоей женой.

Руан развернул лошадь.

— Мы возвращаемся в лагерь, — ни на кого не глядя скомандовал он.

Трое его английских рыцарей первыми последовали за ним.

Внезапно раздался крик, и ланконцы мгновенно окружили Руана, защищая от внезапно возникшей опасности.

— Вы встали слишком близко от зернанцев, — услышал Руан чей-то голос. Он обернулся и увидел молодого, со строгим лицом мужчину, ехавшего рядом с Сайлин. Он в чем-то упрекал Ксанта. «Должно быть, это Дайри», — подумал Руан.

Хотя ланконцы пытались остановить его, он пришпорил коня и вырвался вперед, чтобы выяснить, что случилось.

На холме в лучах угасающего солнца вырисовывались три силуэта.

— Зернанцы, — сказал Ксант Руану, словно это все объясняло. — Мы отвезем тебя назад в лагерь. Дайри! Возьми пятьдесят человек и приготовься к бою.

После стольких дней притворства Руан больше был не в силах сдерживаться.

— Черта-с-два! — крикнул он Ксанту на безупречном ирлианском языке. — Вы не причините вреда зернанцам, потому что они мои подданные. Я отправляюсь приветствовать этих людей. Нейл, Вайтелин, Белсур! — окликнул он английских рыцарей.

Все трое бросились к своему господину, готовые выполнить любой приказ. Они решительно растолкали ланконцев и встали рядом с Руаном.

— Останови этого дурака, — сказал Дайри Ксанту. — Тал нам не простит, если его убьют. Руан смерил Дайри гневным взглядом.

— Выполняйте мои приказания, — сказал он, и Дайри умолк.

Ксант с некоторым любопытством посмотрел на Руана, но он был старше Дайри, и его не так просто было поколебать.

— Они зернанцы и не признают ирлианского короля, — терпеливо, словно ребенку, принялся объяснять Ксант. — Они считают своим королем Брокейна и с большим удовольствием убьют тебя.

— Я не доставлю им этого удовольствия. Едем, — не оборачиваясь, скомандовал Руан своим рыцарям.

Ксант остановил ирлианцев, собравшихся последовать за Руаном.

— Пусть лучше этого дурака убьют сейчас, пока Тал не сделал его королем, — сказал он.

С бесстрастными лицами ланконцы смотрели, как принц, которого они так ненавидели, поскакал навстречу смерти.

Трое зернанцев стояли на холме и смотрели на приближающегося Руана и трех рыцарей. Это были молодые люди, отправившиеся на охоту и, вне всякого сомнения, испуганные появлением такого количества ирлианцев там, где их не должно было быть.

У Руана все еще стучало в висках от гнева. Его всегда учили, что он будет королем всех ланконцев, а здесь ирлианцы пытаются убить зернанцев.

Руан сделал знак рыцарям остаться сзади и дальше поехал один. Он остановился примерно в ста ярдах от молодых охотников.

— Я принц Руан, сын Тала, — торжественно провозгласил он. — Я приветствую вас и предлагаю мир.

Молодые люди неподвижно сидели на лошадях, пораженные видом белокурого мужчины, подъехавшего к ним на стройном, красивом коне. Зернанец-подросток, находившийся в середине, первым пришел в себя. Легким, изящным движением он достал лук и выстрелил в Руана.

Руан резко отклонился вправо, и стрела лишь слегка царапнула его левую руку. Он выругался про себя и резко пришпорил копя. Это было уже слишком. Презрение и насмешки — это одно, но быть убитым мальчишкой после того, как он предложил мир — такого оскорбления он вынести не мог. В секунду он достиг зернанцев и вышиб мальчишку из седла, затем спрыгнул на землю и прижал его к земле.

— Убирайтесь отсюда, — прорычал он двум оставшимся всадникам.

— Мы не можем, — почти шепотом сказал один, с ужасом глядя на мальчика, которого Руан всем весом своего тела придавил к земле, — Он сын нашего короля.

— Я ваш король! — взревел Руан. Весь его гнев наконец прорвался наружу. Он поднял глаза и увидел скачущих к нему верных рыцарей.

— Прогоните их, — приказал он, кивнув в сторону зернанцев. — Иначе Ксант разорвет их на куски.

Зернанцы бросились наутек.

Руан посмотрел на пойманного мальчика. Это был красивый юноша лет семнадцати, пытавшийся с бешенством дикой кошки вырваться из его рук.

— Ты не мой король. Король — мой отец, Великий Брокейн, — прохрипел он и плюнул Руану в лицо.

Руан вытер губы и пренебрежительным жестом ударил мальчика по щеке, как мужчина мог бы ударить женщину, чей острый язык вывел его из терпения. Он поднял его на ноги.

— Ты пойдешь со мной.

— Я скорее умру, чем...

Руан повернул мальчика к приближающимся ирлианским войскам. Это было устрашающее зрелище. Мускулистые люди, мускулистые кони и сверкающее в последних лучах солнца оружие.

— Если ты попытаешься бежать, они убьют тебя.

— Зернанцы не боятся ирлианцев, — ответил мальчик, но лицо его побледнело.

— Бывают ситуации, когда мужчина должен работать головой, а не руками. Веди себя как мужчина. Сделай так, чтобы твой отец гордился тобой.

Он отпустил мальчика, и тот, слегка поколебавшись, остался стоять рядом. Руану оставалось только надеяться, что мальчик достаточно умен и не сделает какой-нибудь глупости. Можно не сомневаться, что ирлианцы получают огромное удовольствие, убив этого зернанца.

Ланконцы окружили Руана и мальчика. Их лица были суровы, оружие готово к бою. Потные кони судорожно шевелили ноздрями.

— Неплохо, — сказал Ксант. — Ты взял пленного. Сейчас мы его накажем за то, что он хотел убить ирлианца.

Руан обрадовался, что при этих словах Ксанта мальчик не шелохнулся и не выказал трусости. Теперь пришло время поставить ланконцев на место.

— У меня гость, — сказал Руан и посмотрел на Ксанта. — Это сын Броейна. Он согласился отправиться с нами и провести через земли своего отца.

Ксант фыркнул так же громко, как это делала его лошадь.

— Так это гость стрелял в тебя? Руан только сейчас заметил, что у него по руке течет кровь.

— Я оцарапался о скалу, — спокойно ответил он Ксанту.

Сайлин выехала вперед и встала между мужчинами.

— Добро пожаловать, гость, пусть даже ты зернанец, — сказала она, словно приглашала в постель ядовитую змею.

Ее глаза были прикованы к Руану. Не многие мужчины рискнули бы бросить вызов Ксанту, и, уж во всяком случае, она не думала, что это сделает их белокурый англичанин. На ее глазах он в одиночку поскакал против зернанцев, ловко увернулся от стрелы, спрыгнул с лошади на мальчика, который теперь послушно стоял около него. Возможно, этот человек гораздо умнее, чем они думают.

Рыцарь Руана Белсур подвел к нему под уздцы коня. Руан вскочил на него и подал руку мальчику, приглашая сесть сзади. Развернув лошадь к лагерю, он спросил:

— Как тебя зовут?

— Кеон, — гордо ответил тот, но дрожь в голосе выдавала его страх. — Сын короля зернанцев. — Я думаю, нам лучше дать твоему отцу другой титул. Я единственный король в этой стране.

Мальчик презрительно рассмеялся:

— Мой отец уничтожит тебя. Ирлианцы никогда не будут править зернанцами.

— Посмотрим, но сегодня ночью тебе лучше слушаться меня и держаться рядом. Я не уверен, что другие ланконцы так же незлопамятны, как я.

За Руаном ехали его рыцари, а за ними — остальное войско ланконцев с Дайри, Сайлин и Ксантом впереди.

— Он всегда такой дурак? — спросил Дайри Ксанта. — Как вам удалось довести его живым до Ланконии?

Ксанти задумчиво смотрел то на Руана, то на зернанского мальчика.

— До сегодняшней ночи он был послушен, как домашняя собачка. Его сестра вела себя решительнее, чем он. И до сих пор он говорил только по-английски.

— Если он и дальше будет ездить вдоль границ с зернанцами, ему не долго жить, — сказал Дайри. — Нам не следует мешать ему делать глупости. Пусть ездит. Это отличный способ избавиться от него, и нашим королем станет Джералт. Иначе я боюсь, что Ланкония окажется под правлением этого глупца. Он откроет ворота Эскалона любым захватчикам.

— Ты думаешь, он глуп? — спросила Сайлин. — Если бы мы напали на этих зернанцев и убили сына Брокейна, мы бы не знали покоя, пока Брокейн не перебил бы сотню наших людей. А теперь у нас в руках ценный заложник. Брокейн не нападет на нас из боязни, что мы убьем его сына. И ты говоришь, что за неделю путешествия не догадался, что Руан понимает наш язык? Ну-ну, Ксанти, я удивляюсь тебе. Что еще этот человек знает о нас, о чем мы не подозреваем? — Она стегнула лошадь и поравнялась с Руаном.

Весь вечер Сайлин наблюдала за Руаном, его сестрой и рыцарями, сидевшими в темноте вокруг костра около красивой шелковой палатки. Кеон сидел рядом с ними, настороженный, тихий и угрюмый. Сайлин подумала, что поведение Руана для него так же странно, как и для ирлианцев. Руан взял на руки маленького племянника и что-то прошептал ему на ухо, от чего малыш рассмеялся. Ни одного ланконского ребенка в таком возрасте отец не возьмет на руки. К четырем годам мальчиков уже учат обращаться с оружием, да и девочек, которых отобрали для женской гвардии, тоже.

Сайлин видела, как Руан улыбался сестре, слышала, как он спросил, удобно ли ей. Она пыталась понять, каково ей будет жить с человеком, который один скачет против троих зернанцев, а спустя два часа баюкает на руках ребенка. Как такой человек может сражаться? Как он может быть королем?

На следующее утро, еще до восхода солнца тревожные звуки горна возвестили об опасности. Ланконцы мгновенно вскочили на ноги. Руан вышел из палатки в одной набедренной повязке, впервые давая ланконцам возможность увидеть свое тело, которое они считали слабым и изнеженным. Такие мускулы можно было приобрести только упорными тренировками.

— Что это? — спросил он по-ланконски у Ксанта.

— Зернанцы, — коротко ответил Ксанти. — Брокейн идет сражаться за своего сына. Мы выступаем ему навстречу.

Он хотел вскочить на коня, но Руан схватил его за плечо.

— Не смей! Кеон! Приготовься ехать к отцу. Ксанти бросил на Руана холодный взгляд.

— Твоя жизнь, тебе ее и терять.

Руан удержал готовые сорваться с губ проклятия и предостерегающе посмотрел на Нейла, сделавшего шаг к Ксанту.

Через минуту он был одет. Но оделся он не в кольчугу, как для битвы, а в расшитый бархатный

костюм, словно для светского ужина. Руан сделал вид, что не слышал, как ланконцы засмеялись над очередной глупостью «иностранца». Даже Кеон удивленно замотал головой. В этот момент он подумал, что лучше бы его вчера убили. Встреча с отцом была хуже смерти.

Сайлин, издали наблюдавшая за Руаном, заметила, как гневное выражение появилось и быстро исчезло с его лица. Если ей придется выйти замуж за этого мужчину, будет лучше заключить с ним союз уже сейчас. И, кроме того, ей было очень интересно, как он собирается улаживать дело с таким старым и коварным врагом, как Броейн.

— Могу я поехать с тобой? — спросила Сайлин Руана.

— Нет! — в один голос крикнули Дайри и Ксант. Руан посмотрел на них. Его взгляд был холоден как сталь.

— Они не боятся за голову английского принца, но оберегают жизни ланконцев, — с горечью произнес Руан.

Сайлин взяла длинное копьё, лук и повесила за спину колчан со стрелами.

— Я воин, и сама могу принимать решение. Улыбка Руана словно солнечный свет ослепила Сайлин. Господи, как красив этот мужчина!

— Тогда садись на коня, — сказал Руан, и Сайлин поспешила к своей лошади, словно взволнованный новичок, желающий заслужить похвалу учителя.

Руан проводил ее взглядом. Фейлан не рассказывал ему об уме и красоте ланконских женщин.

Другие ланконцы не были так поражены внешностью Руана и со своих лошадей молча наблюдали, как Руан, Сайлин, трое английских рыцарей и Кеон выезжают навстречу двум сотням зернанских воинов и верной смерти.

— Держи спину прямо, — сказал Руан Кеону, — а не так, словно ты боишься своего короля.

— Мой король — отец, — дерзко откликнулся Кеон, но его лицо было очень бледным.

Зернанцы сидели на конях и поджидали приближающуюся процессию. Когда до них осталось ярдов сто, Руан сказал, что дальше поедет один. Солнце блестело в золоченой вышивке его туники, играло в его волосах, переливалось в алмазах рукоятки его меча. Ланконцы — ни иррианцы, ни зернанцы — никогда не видели так богато одетого мужчину. Он выглядел, как роза среди песков и колючек. Они с изумлением смотрели на него.

После недолгого колебания навстречу Руану выехал огромный мужчина. Все его лицо было в шрамах: самый крупный тянулся от левого глаза к шее, половина одного уха была отрублена. Он выглядел так, словно ни разу в жизни не улыбнулся.

— Ты англичанин, который взял в плен моего сына? — спросил он так громогласно, что лошадь под Руаном заплясала.

Руан улыбнулся, успешно скрыв, как колотится у него сердце. Он сомневался, что сколь угодно долгие тренировки позволят кому-нибудь на равных сразиться с этим воином.

— Я ланконец, наследник короля Тала и будущий король всей Ланконии, — произнес он с удивительной твердостью в голосе.

— Я убью сотню человек за каждый волос, который упадет с головы моего сына.

— Кеон, выйди вперед, — приказал Руан, не оборачиваясь.

Брокейн оглядел сына с ног до головы, удовлетворенно хмыкнул и велел ему присоединиться к зернанцам на холме.

— Нет! — резко сказал Руан.

Его рука опустилась на колено в дюйме от рукоятки меча. Он не мог позволить Кеону уйти. Судьба отдала мальчика ему в руки, и Руан хотел оставить его у себя. Он не собирался упустить эту крошечную возможность установить мир.

— Кеон останется со мной.

Брокейн обомлел. Слова и дела этого мужчины не вязались с его внешностью.

— Мы будем сражаться за него, — прохрипел Брокейн и потянулся к мечу.

— Я бы предпочел, чтобы этого не случилось, — ответил Руан, надеясь, что никто не видит, как побледнело его лицо. — Но я готов, если это необходимо. Я хочу, чтобы Кеон остался со мной, потому что считаю его твоим наследником.

Брокейн бросил на Кеона быстрый взгляд.

— Да, он им будет, если таким дуракам позволяют управлять страной.

— Он не дурак. Просто он молод, горяч и плохо стреляет. Я хотел бы оставить его у себя, чтобы показать, что ирлианцы не звери, и, возможно, когда-нибудь между нашими народами воцарится мир.

Руан прищурился.

— И я хотел бы научить его хорошо стрелять. Брокейн долго смотрел на Руана, и Руан знал, что в эту минуту коварный старик решает, жить или умереть его сыну и этому англичанину. Руан не верил, что такого человека, как Брокейн, может остановить столь слабое препятствие, как любовь к сыну.

— Тебя вырастил не старый Тал, — сказал он наконец. — Он бы уже давно убил моего сына. Где гарантии, что с ним ничего не случится?

— Даю слово, — торжественно сказал Руан. — Я отдам тебе мою жизнь, если ирлианцы причинят ему вред.

Руан затаил дыхание.

— Если с ним что-нибудь случится, я убью тебя так медленно, что ты будешь молить о смерти. Руан кивнул.

Брокейн некоторое время молчал, изучающе глядя на Руана. Этот человек не походил на ланконца. И хотя он был одет более пестро, чем любая женщина, Брокейн понимал, что он совсем не таков, каким кажется на первый взгляд. Внезапно Брокейн почувствовал себя старым и усталым. Он видел, как один за другим гибли его сыновья. Он потерял на поле боя трех жен. Все, что у него осталось — этот мальчик. Он перевел взгляд на сына.

— Езжай с ним. Учись у него. Он повернулся к Руану.

— Только на три года. Через три года день в день отошли его домой, или я сожгу твой город дотла. Он дернул поводья и поскакал к своим воинам. Кеон повернул к Руану удивленное лицо. Его глаза были широко раскрыты.

— Ну, мальчик, поехали домой, — сказал наконец Руан, переводя дух и чувствуя себя так, словно сотворил чудо. — Держись около меня, пока люди не привыкнут к тебе. Меня не радует мысль о долгой и мучительной смерти.

Проезжая мимо Сайлин, Руан кивнул ей и она последовала за ними. Она не могла вымолвить ни слова. Этот англичанин, разодетый, как павлин, только что одними словами одержал победу над старым Брокейном. Либо он величайший дурак, либо самый храбрый человек на свете.

«Я надеюсь ради Ланконии и — ради моего будущего брака с ним, что второе», — подумала она.

Глава 3

Джура стояла не шевелясь, оттянув тетиву лука, и ждала, когда из леса появится олень. Темно-зеленая туника и брюки делали ее незаметной для животного. В то мгновение, как олень появился перед ней, она выстрелила, и животное бесшумно и грациозно упало.

Из-за деревьев выскочили еще семь молодых девушек. Они были высокие и стройные; темные волосы у всех были заплетены в косы. На них были такие же зеленые охотничьи туники и брюки женской гвардии.

— Отличный выстрел, Джура, — сказала одна из Девушек.

— Да, — равнодушно согласилась Джура.

Девушки принялись свежевать оленя.

Весь вечер Джура не находила покоя, чувствуя, что что-то должно произойти. Прошло четыре дня с тех пор, как Сайлин и Дайри уехали. Джура сильно скучала по своей подруге, скучала по изящному юмору Сайлин, по ее уму. Теперь рядом с ней не было человека, на которого можно было положиться. И еще она скучала по Дайри. Она росла вместе с ним и привыкла, что он всегда рядом.

Из армии пришло только одно сообщение о том, что англичанин Руан двигается к ирлианской столице Эскалону к своему умирающему отцу. Старый Тал хотел видеть, каким вырос его сын, и только это, казалось, удерживало его на этом свете. Пока что, судя по сведениям, которые пришли от Ксанта, Руан был дураком. Он вмешивался в споры крестьян, один выехал против зернанцев, хотя Ксант и Дайри пытались остановить его. Он неженка и слабак, который больше разбирается в бархате, чем в том, как держать меч.

Молва быстро распространялась по Эскалону, и уже поговаривали о восстании против глупого англичанина, который не годится на роль короля.

Джура обхватила себя за локти.

— Я пойду искупаюсь, — тихо сказала она девушкам.

Одна из них подняла голову.

— Ты хочешь, чтобы кто-нибудь пошел с тобой? Мы далеко от города.

Джура не обернулась. Эти девушки были из учебного отряда, все не старше шестнадцати, и рядом с ними Джура чувствовала себя взрослой.

— Нет, я пойду одна, — сказала она и направилась через лес к реке.

Джура зашла дальше, чем собиралась. В уединенном месте она скинула одежду и скользнула в воду. Может, купание снимет напряжение долгого дня.

Руан гнал коня во всю мочь. Он хотел скрыться, побыть один, ускользнуть от осуждающих глаз ланконцев. Дна дня назад они проезжали мимо горящего крестьянского дома, но когда Руан остановил ланконских воинов и приказал потушить огонь, они лишь презрительно посмотрели на него. Сидя на своих лошадях, они наблюдали, как Руан и его английские рыцари помогали крестьянам загасить пламя.

Когда пожар был потушен, крестьяне рассказали Руану запутанную историю вражды между двумя семействами. Руан велел им приехать в Эскалон, где он, король, лично их рассудит. Крестьяне рассмеялись такому предложению. Король управляет солдатами, которые вытаптывают их поля. Он не может управлять крестьянами.

Но Руан знал, что, если ему предстоит быть королем и если он хочет, чтобы между племенами был мир, он должен стать королем всех ланконцев: от мелкого крестьянина до вождя зернанцев Брокейна.

Сегодня Руан уже достаточно натерпелся молчаливой, а иногда и не молчаливой враждебности ланконцев. В глазах своих рыцарей он видел сомнение и от этого сам начинал сомневаться. Ему нужно было побыть одному, подумать и помолиться.

Руан знал, что находится всего в миле от Эскалона. Он выехал на берег реки. Здесь было тихо и красиво.

Он слез с коня, привязал его и упал на колени, сложив руки для молитвы.

— О Господь мой, — прошептал он. — Я старался подготовить себя к миссии, которую Ты и мой земной отец возложили на меня, но я всего лишь человек. Если я должен исполнить то, что считаю справедливым, мне нужна Твоя помощь. Люди против меня, и я не знаю, как завоевать их сердца. Я прошу Тебя, Господи, покажи мне, как это сделать. Научи меня. Направь Меня. Я вверяю тебя Твоим рукам. Если я ошибаюсь, дай мне знать. Если я прав, тогда прошу, помоги мне.

Руан опустил голову и некоторое время в изнеможении стоял неподвижно. Он ехал в Ланконию, зная, что должен делать, но с каждым днем его уверенность таяла. Каждый день и каждый час он должен был доказывать себе и им, что он ланконец. Они уже составили представление о нем, и что бы он ни делал, ничто не могло изменить их мнения. Если он был храбр, они говорили, что дураки часто храбрые. Если он заботился о своих людях, они говорили, что он заигрывает с ними. Что он должен сделать, чтобы доказать, что он ланконец? Убить зернанского мальчика, которого они считают дьяволом во плоти?

Он встал, снял потную одежду и шагнул в холодную, чистую воду. Резко нырнув, он поплыл,

желая, чтобы вода смыла с него усталость прошедшего дня, и час спустя, вернувшись на берег, почувствовал себя лучше. Он надел набедренную повязку и насторожился. Справа от него раздался шорох. Руан вытащил из ножен меч и, крадучись, направился к месту, откуда раздался звук.

Но к такому удару он готов не был. Кто-то свесился с ветки над его головой, стукнул ногами в плечи, и, потеряв равновесие, Руан упал. В то же мгновение он почувствовал, как сталь меча уперлась ему в горло.

— Не шевелись, — услышал он женский голос.

Руан поднял глаза и тут же забыл обо всем. Расставив обнаженные бедра, на нем сидела самая красивая женщина, которую Руан когда-либо видел в жизни. В доме дяди Вильяма Руана всегда дразнили, что он живет, как монах. Сверстники смеялись над ним, потому что у него не было желания затащить крестьянскую девушку в стог сена. У него был сексуальный опыт, но ни одна женщина не смогла воспламенить его чувства так, чтобы он возжелал ее больше всего на свете.

Так было до сих пор.

Взглянув на женщину, на ее высокую грудь, лицо с черными, горящими, как раскаленные угли, глазами, Руан почувствовал, как его тело пронзил огонь. Каждая пора его кожи ожила, пробудилась ото сна. Он ощущал эту женщину, чувствовал ее запах. Ему казалось, что теплота ее тела слилась с его теплотой и они стали одним целым.

Руан протянул руки и прикоснулся к ее ногам, впитывая их божественную красоту. Женщина отбросила меч, но он не заметил этого. Он чувствовал только свое прикосновение к ее великолепным ногам. Его руки скользнули выше, лаская гладкую, загорелую кожу.

Ему показалось, что он слышит ее стон, но он не был уверен, что это не звук его собственного сердца, плавающего в экстазе страсти.

Ее колени стали медленно сгибаться, как воск свечи тает под приближающимся огнем. Его руки скользили все выше и выше, поднимая влажную тунику и касаясь высоких, крепких округлостей ее ягодиц. Под туникой у девушки ничего не было, и ему открылось ее драгоценное сокровище.

Она прильнула к его груди, и когда ее обнаженное тело коснулось его, Руан задрожал от желания. Ее кожа была так же горяча, как его. Руан прижал девушку к себе.

Ее лицо было рядом с его лицом, глаза полузакрыты, красные сочные губы жаждали его губ.

Лишь только их губы соприкоснулись, она в изумлении отпрянула, но уже в следующее мгновение обвила руками его шею и страстно поцеловала. Он обнял ее так крепко, что удивительно, как со ребра не хрустнули в его объятиях. Не отрывая губ, они покатались по земле, и она оказалась на спине. Он целовал ее крепко, неистово, выплескивая годами копившееся желание, которое ждало именно эту женщину и в это самое мгновение.

Она сжала ногами его талию, сорвав набедренную повязку. — Джура, — позвал кто-то.

Руан пожирал ее губы, ничего не видя и не слыша вокруг. Его крепкое тело прижалось к ее телу.

— Джура, где ты?

Женщина стала колотить Руана кулаками по обнаженной спине, но он был слишком охвачен желанием, чтобы почувствовать это.

— Нас увидят, — прошептала она прерывающимся от волнения голосом. — Отпусти меня. Если бы по нему сейчас проехала лошадь, он бы не почувствовал.

Его руки искали и нашли ее грудь.

— Джура!

Голос был уже ближе.

Джура схватила камень и бросила Руану в голову. Она не хотела ударить его — только привлечь внимание, но он потерял сознание.

Она слышала, что девушка из учебного отряда совсем близко. Проклиная ее, Джура столкнула мужчину на землю и мгновение смотрела на его великолепное тело. Никогда еще она не видела такого прекрасного мужчину, мускулистого, но стройного и крепкого. Она провела рукой по его телу и поцеловала в губы.

— Джура! Где ты?

Она снова мысленно обругала глупую девушку и встала. Высокая трава скрывала мужчину, лежащего у ее ног.

— Я здесь, — ответила она. — Нет, не подходи ближе, здесь грязно. Подожди меня у дороги.

— Уже темнеет, Джура, — сказала девушка.

— Да, я вижу, — отрезала Джура. — Иди, я догоню тебя через минуту.

Она с нетерпением выждала, пока девушка скроется из виду, и опустилась на колени около лежащего без сознания мужчины.

Возможно, ей следовало бы стыдиться того, как она поступила с этим незнакомцем, но ей не было стыдно. Она снова прикоснулась к его груди. Кто он? Не зернанец и не вателец, как Дайри. Может, он из фаренцев, живущих в горах и держащихся особняком, Но для фаренца он слишком крупный.

Мужчина зашевелился. Джура знала, что ей надо уходить, пока он снова не взглянул на нее своими бездонными глазами и не лишил ее рассудка.

Она побежала к берегу, схватила одежду, быстро оделась и поспешила к девушкам. Она все еще ощущала прикосновение его рук и губ на своем теле.

— Джура, что ты так раскраснелась? — спросила одна из девушек.

— Наверно, потому, что скоро вернется Дайри, — ехидно сказала другая.

— Дайри? — переспросила Джура, словно никогда не слышала этого имени. — О да, Дайри, — быстро добавила она. Дайри никогда не заставлял ее сердце kloкотать у самого горла, ее ноги никогда не становились послушнее воска. — Да, Дайри, — твердо произнесла она.

Девушки понимающе переглянулись.

— Руан! Где ты был? — гневно спросила Лора. — Я... я ходил купаться.

Он был как помешанный. Из головы не выходил образ этой женщины. Он ощущал ее тело в своих ладонях и был уверен, что кожа, которой она касалась, все еще красная.

— Руан, — нежно спросила Лора, — тебе не плохо?

— Никогда не было лучше, — пробормотал Руан. «Это и есть вожделение, — подумал он. — Чувство, которое заставляет мужчин терять рассудок и совершать безумные поступки». Если бы эта женщина приказала ему покончить с собой ради нее, покинуть свою страну, предать своих рыцарей, то вряд ли он стал бы колебаться.

Руан заметил, что все вокруг смотрят на него. Он наклонился в седле, тело его обмякло, на губах блуждала полуулыбка.

Он резко выпрямился и спрыгнул с коня.

— Прогулка освежила меня, — сказал он сонно. — Монтгомери, возьми моего коня и дай ему еще овса.

«Это милое животное привезло меня к ней», — подумал он и ласково потрепал коня по шее.

Он направился к своей палатке и остановился около Дайри. Дайри был высокий, молчаливый мужчина. Его лицо не выражало презрения, как лицо Ксанта. — Ты слышал о женщине по имени Джура?

Дайри смутился и ответил не сразу. — Да. Она дочь Тала. Ужас охватил Руана. — Моя сестра? — выдавил он из себя.

— Но не по крови. Король считает ее своим ребенком.

Руан облегченно вздохнул.

— Значит, мы с ней не в кровном родстве? Дайри пристально посмотрел на него.

— Джералт — твой брат по крови. У него и у Джуры одна мать, а у тебя с ним — один отец.

— Понятно.

Именно это и хотел узнать Руан. — Она в женском отряде? Как Сайлин? Дайри снова смутился.

— Да, хоть Джура младше. Руан улыбнулся.

— Она в самом прекрасном возрасте, сколько бы ей ни было лет. Спокойной ночи.

Этой ночью Руану не спалось. Он лежал с открытыми глазами, заложив руки за голову и глядя в темноту, снова и снова проживая каждое мгновение, проведенное с Джурой.

Конечно, он женится на ней. Он сделает ее королевой, и они вместе будут управлять Ланконией... или, по крайней мере, ирлианцами. Джура будет его утешением в этой враждебной стране. Он просил Бога дать ему знак, и в следующее мгновение появилась Джура.

Руан поднялся еще до рассвета, оделся и вышел из палатки. В туманной дымке виднелись горы, воздух был морозен и свеж. Никогда Ланкония не казалась ему такой прекрасной.

Рядом с ним остановилась Сайлин.

— Доброе утро. Я собираюсь ловить рыбу. Может, составишь мне компанию?

Руан окинул ее долгим взглядом и впервые подумал, что его планам жениться на Джуре может помешать ряд обстоятельств.

— Хорошо, — сказал он. — Идем. Они направились к реке.

— Сегодня мы приедем в Эскалон, — сказала Сайлин.

Руан не отвечал. Что, если король Тал будет настаивать на том, чтобы он женился на Сайлин? Что, если для того, чтобы стать королем, ему придется на ней жениться?

— Можно тебя поцеловать? — внезапно спросил он.

Сайлин вздрогнула и покраснела.

— Я полагаю, что если нам предстоит пожениться, то...

Он недоговорил, потому что Сайлин обхватила руками его шею и прижалась губами к его губам. Это было приятно, но поцелуй не заставил Руана забыть все на свете и заключить союз с дьяволом.

Он осторожно высвободился. Сомнений не было:

Джура послана ему Богом. Они пошли к реке. Руан, поглощенный мыслями о Джуре, не подозревал, как счастлива Сайлин. Она думала, что ее поцеловал мужчина, который станет ее мужем. Мысль о предстоящей свадьбе грела ее сердце.

До Эскалона оставалось пять часов езды. Дороги почти не было, и Руан подумал, что первым делом займется постройкой дорог. Ланконцы проклинали четырнадцать карет с багажом, которые Руан и Лора везли из Англии. Ирлианцы обходились минимальными удобствами и, отправляясь в поход, брали с собой только то, что можно увезти на лошади. Руан подозревал, что еду они воровали на дороге у крестьян.

Эскалоп располагался на берегу реки Сиар, которая защищала его с двух сторон; с двух других его защищали крутые склоны холмов. Стены в двенадцать футов высотой окружали город. Внутри возвышались другие стены, а за ними — каменный замок, должно быть, его отца.

— Мы почти дома, — сказала Лора.

Она ехала на лошади рядом с Руаном. Маленький Филип сидел впереди нее. По его лицу было видно, насколько трехнедельное путешествие утомило его.

Лора вздохнула.

— Горячая еда, ванна, мягкая постель и кто-то, с кем можно поговорить. Как ты думаешь, придворные музыканты знают английские песни? И какие танцы танцуют ланконцы?

Руан не знал, что ответить сестре, потому что Фейлан не считал нужным рассказывать ему о

развлечениях ланконцев. Кроме того, в Ланконии существовало только одно удовольствие, которое интересовало Руана — красавица Джура. Самая прекрасная женщина, самая... Он думал о ней весь оставшийся путь.

Въезд процессии в город не вызвал у ланконцев особого интереса. Город был грязный и шумный: отовсюду раздавались звон молотков по наковальням и крики людей. Пахло так, что Лора достала ароматический шарик.

— А где женщины? — спросила Лора у Ксанта.

— Здесь их нет. Город для мужчин.

— Вы запираете женщин подальше от города? — съязвила Лора. — И не позволяете им выходить из дома?

Дайри повернул к ней удивленное лицо.

— Мы роём ямы на горе и держим их там, — ответил Ксанти. — Раз в неделю бросаем им волка. Если они сумеют его убить, им будет что поесть.

Лора смотрела на него, гадая, насколько это может быть правдой.

В самой северной части города располагался замок, в котором жил Тал. Это был даже не замок, а крепость: низкая, длинная и неприступная.

Крепость тоже была окружена каменной стеной в восемь футов толщиной и двадцать высотой. В стене были огромные, ржавые железные ворота, увитые виноградом. Левее от них располагались ворота поменьше, позволяющие проехать только одному всаднику.

Ксанти отдал приказ, и ланконские воины выстроились в колонну, чтобы проехать через маленькие ворота.

— Подождите! — крикнул Руан. — Мы откроем большие ворота для карет с багажом.

Ксанти дернул поводья и остановился около Руана. По его лицу было ясно, что его терпению приходит конец. Он походил на человека, которого заставили заботиться о глупом, испорченном, своенравном ребенке.

— Кареты здесь не пройдут. Их придется разгрузить, а крупную мебель разобрать на части.

Руан скрипнул зубами. Его терпению тоже пришел конец. Эти люди совсем не имеют уважения к своему будущему королю.

— Прикажи своим людям открыть ворота.

— Эти ворота не открываются, — презрительно ответил Ксанти. — Их не открывали уже сотню лет.

— А теперь пришла пора их открыть, — с трудом сдерживая бешенство, произнес Руан. Он повернул голову и увидел четырех мужчин, несущих большое бревно в столярную мастерскую. — Монгомери!

— Да! — радостно откликнулся тот. Наперекор ланконцам он был готов сделать что угодно.

— Бери это бревно и открой ворота. Английские рыцари моментально вскочили на коней. Они схватили за шиворот шестерых самых мускулистых рабочих и велели им таранить бревном ворота.

Вытянувшись на коне, Руан наблюдал, как мужчины, разогнавшись, стукнули бревном в ворота, но те даже не шелохнулись. Он не осмеливался взглянуть в насмешливые лица ланконцев.

— Ворота сварены намертво и не открываются, — сказал Ксант. В его голосе слышались превосходство и презрение.

Руан знал, что с воротами связано какое-то суеверие, но спросить об этом у ланконцев сейчас было невозможно.

— Я открою эти ворота, — сказал он, слезая с коня.

В его распоряжении были его боевой конь и кони троих его рыцарей. Это были огромные, сильные животные, способные сдвинуть вес в несколько тонн. Если ворота не удалось протаранить, то, может быть, их смогут открыть кони.

Вокруг собиралась толпа. Рабочие бросили бревно и вместе со всеми следили за чудачеством английского принца. С городских стен за этой сценой с любопытством наблюдали стражники. Так вот каков этот заморский сын Тала! Он думает, что сможет открыть ворота Святой Елены.

— Ксант, спросил кто-то из толпы, — это и есть наш новый король?

Взрыв хохота прокатился по площади и звоном отозвался в ушах Руана. Лора была права. Ему следовало в первый же день вызвать на поединок несколько человек и проучить их.

Он подошел к воротам и остановился. Они были очень старые, покрытые ржавчиной и увитые плющом. Руан поглядел на огромный железный замок. Конечно, тараном здесь ничего нельзя было сделать.

— Этот белокурый англичанин думает, что сможет открыть ворота? — раздавались голоса сзади.

— Разве ему не сказали, что их может открыть только ланконец?

Толпа потешалась над ним.

— Я ланконец, — прошептал Руан. — Я ланконец больше, чем вы думаете. Господи, помоги мне. Я прошу тебя. Помоги.

Он уперся ладонями в ржавое железо ворот и почувствовал, как они задрожали.

— Откройтесь! — прошептал он. — Откройтесь перед вашим ланконским королем. Сверху посыпалась ржавчина.

— Ну же! — сказал он, пристально глядя на замок и собирая в ладонях всю энергию своего тела. — Я ваш король. Я приказываю вам открыться.

— Смотрите! — крикнул кто-то из толпы. — Ворота дрогнули!

Толпа внизу и стража на стене притихли, потому что ворота издали резкий скрип. Они

дрожали, как живые.

Наступила мертвая тишина. Старый железный замок упал к ногам Руана. Он толкнул рукой левую створку ворот, и старые петли протестующе заскрежетали. Руан обернулся к своим рыцарям.

— Внесите мой багаж через ворота; — сказал он и внезапно почувствовал, как устал.

Но никто не шевелился. Руан смотрел на ланконцев, а сотни ланконцев — и крестьяне, и стража — с изумлением смотрели на него.

— Что теперь не так? — повысив голос, обратился Руан к Ксанту. — Я открыл для вас ворота, так поезжайте!

Ни один человек не шелохнулся.

— Что с ними такое? — прошептал Монтгомери. Ксант медленно, словно во сне, слез с коня. В наступившей тишине его движения выглядели театрально и очень торжественно. Руан глядел на него, пытаясь угадать, что теперь сделает этот презирающий его человек.

К крайнему изумлению Руана, Ксант подошел к нему, опустился на колени, склонил голову и сказал:

— Да здравствует принц Руан!

Руан посмотрел на Лору, неподвижно сидящую в седле. Она выглядела такой же ошарашенной, как и он.

— Да здравствует принц Руан! — раздался один голос, потом другой, и через мгновение голоса сотен людей слились в единый крик.

К Руану подошел рыцарь Вайтелин.

— Разрешите, мы проедем с багажом через ворота, пока эти дураки не подумали, что вы дьявол, а не Бог, — взволнованно сказал он.

Руан засмеялся, но прежде, чем он успел ответить, Ксант вскочил на ноги.

— Он наш принц, — чеканно произнес Ксант, — наш ланконский принц. Мы провезем его кареты через ворота.

Ксант повернулся и начал отдавать приказания воинам и крестьянам.

Улыбнувшись Лоре, Руан пожал плечами и вскочил на коня.

— Похоже, я был прав, решив открыть эти старые ворота. Ну, дорогая сестра, добро пожаловать в наше королевство.

— Принцесса, если не возражаешь, — смеясь ответила Лора.

Руан и Лора въехали в город. По обеим сторонам от них, склонив головы, неподвижно стояли воины мужского и женского отрядов. Руан разглядывал их лица, надеясь увидеть Джуру, но ее не было.

Перед старой каменной крепостью Руан помог Лоре слезть с коня.

— Пора встретиться с отцом? — спросил он, и Лора кивнула.

Глава 4

Джура была одна на поле, где располагались мишени для метания копья и стрельбы из лука, песчаные площадки для борьбы, дорожки для бега и преграды для прыжков в высоту. Все остальные девушки из отряда бросились в город, когда прискакавший гонец объявил, что приехал новый принц.

— Принц! Ха! — буркнула Джура, бросила копье в мишень и попала в самую середину. Этот англичанин хочет занять место на троне, которое по праву должно принадлежать ее брату. Ее утешала мысль, что все ланконцы считают так же. Это была единственная вещь, которая объединила все племена: англичанин не должен стать их королем.

Услышав шорох за спиной, Джура повернулась. Кончик ее копья застыл у горла Дайри.

— Слишком поздно, — улыбаясь произнес он. — Я давно мог застрелить тебя из лука. Тебе не следует оставаться здесь одной, без охраны.

— Дайри, о Дайри! — вскрикнула Джура и обвила руками его шею. — Я так по тебе скучала.

Она хотела прикоснуться к нему, обнять, поцеловать и избавиться от воспоминаний о мужчине у реки. Прошлой ночью она проснулась в холодном поту, и ее единственная мысль была об этом чужеземце — мужчине, которого она никогда раньше не видела. Наверно, он крестьянин, дровосек, возвращавшийся домой к жене и детям.

— Поцелуй меня, — попросила она.

Дайри поцеловал ее, но это совсем не походило на поцелуй того мужчины в лесу. В ней не вспыхнуло ни обжигающего желанья, ни безудержной страсти. Она приоткрыла рот и просунула язык ему между губ.

Дайри отпрянул и нахмурился. Он был красивый, темноглазый, с высокими скулами. Но не так красив, как тот мужчина в лесу, невольно подумала Джура.

— Что случилось? — строго спросил Дайри. Джура опустила руки и отвернулась, чтобы он не увидел, как она покраснела.

— Я соскучилась по тебе, вот и все.

Дайри молчал так долго, что она обернулась и взглянула на него. Они выросли вместе. Дайри был из племени вательцев. Во время одной из стычек отец Дайри убил отца Джуры. Тал убил отца Дайри, и тогда на него с палкой и сломанным копьем бросился двенадцатилетний мальчик. Тал перекинул мальчика через седло и увез в Эскалон. Поскольку мать Джуры умерла двумя неделями раньше, Тал стал присматривать за всеми тремя: своим сыном Джералтом, Джурой и Дайри. Джуре тогда было всего пять лет. Потеряв сразу обоих родителей, она чувствовала себя такой одинокой, что сразу вцепилась в высокого, молчаливого мальчика. С годами их привязанность друг к другу только росла. Но хотя Джура провела с ним большую часть жизни, она не могла сказать, что хорошо знает его.

— Он приехал? — спросила Джура, чтобы переменить тему.

— Да, — тихо ответил Дайри, все еще пристально глядя на нее.

— И народ не освистал его?

— Он открыл ворота Святой Елены. Джура расхохоталась.

— И сколько ему понадобилось лошадей? Тал, наверно, рассердится, когда услышит, что его трусливый сын...

— Он открыл их просто руками. Джура уставилась на Дайри.

— Он решил открыть ворота, чтобы провезти через них кареты с багажом. Он приказал таранить ворота бревном, но это не помогло, и тогда принц Руан уперся в них руками и стал молить Бога помочь ему. И ворота открылись.

Джура от изумления не могла прийти в себя. Существовала легенда, что, когда появится настоящий король Ланконии, ворота сами откроются перед ним.

Наконец она собралась с мыслями.

— Никто никогда не пытался открыть ворота. Они просто проржавели. Бревно повредило замок, и когда англичанин толкнул их, они открылись. Это ясно каждому.

— Ксант встал перед принцем на колени.

— Ксант? — переспросила Джура. — Ксант? Который смеялся при одном упоминании об англичанине? Тот самый Ксант, который слал сообщения, что англичанин дурак?

— Он склонил перед ним голову и назвал принцем. И все войско, и весь народ, который там был, сделали то же самое.

Джура отвела взгляд.

— Тем хуже. Крестьяне суеверны, но о воинах я думала лучше. Мы должны убедить их, что это были всего лишь старые, ржавые ворота. Талу уже рассказали?

— Да, — ответил Дайри. — Они сейчас у него.

— Они?

— Принц Руан и его сестра с сыном.

Джура была ошеломлена. Выходит, она осталась единственным здравомыслящим человеком. Неужели ланконцы готовы все забыть только потому, что открылись какие-то ржавые ворота? Нет, Дайри, во всяком случае, согласится с ней.

— Мы должны убедить Тала, что королем должен стать Джералт.

Вдруг Дайри резким движением схватил Джуру за волосы и намотал их на руку, заставляя подойти к нему почти вплотную.

— Дайри, — вскрикнула Джура. Она не была готова к такому выпаду. Рядом с ним она позволяла себе забыть об осторожности: она доверяла ему.

— Ты моя, — прохрипел Дайри. — И я ни с кем не собираюсь делить тебя.

Бешенство в его глазах испугало ее.

— Что случилось? — прошептала Джура. — Что сделал этот Руан?

— Возможно, ты можешь ответить на это лучше, чем я.

Она оправилась от испуга. В левой руке она все еще держала копье и теперь ловко уперлась его острием ему под ребро.

— Отпусти меня, или я проделаю в тебе дыру. Дайри так же внезапно отпустил ее и улыбнулся, но Джура осталась серьезной.

— Объясни, в чем дело. Дайри пожал плечами.

— Может влюбленный немного поревновать?

— Поревновать к кому? — обиженно спросила Джура.

Он не ответил. Джура не нравилось, что он улыбался одними губами, а глаза его оставались серьезными. Они провели вместе столько лет, что он умел читать ее мысли. И теперь по их первому поцелую он понял, что что-то произошло.

Джура попыталась улыбнуться.

— У тебя нет повода ревновать.

— Идем, — сказал наконец Дайри. — Разве ты не хочешь посмотреть на нового принца?

Она с облегчением вздохнула. Неприятная сцена закончилась.

— Я скорее в одиночку пойду в лагерь ултенов. Дайри снова странно посмотрел на нее.

— Возвращайся, — сказала Джура. — Тал ждет тебя. Каждый должен засвидетельствовать свое почтение этому белокурому англичанину.

Дайри не двинулся с места.

— Я слышал, что вечером будет пир.

Джура метнула копье и попала точно в красный кружок.

— Не думаю, что я к вечеру проголодаюсь. Иди, мне нужно тренироваться.

Дайри хмуро посмотрел на нее, словно пытался разрешить какую-то загадку. Потом повернулся и, ни слова не говоря, направился к городу.

Джура со злостью выдернула копье из соломенной мишени. «Он вел себя слишком странно для возлюбленного», — подумала Джура. Она обняла его, а он оттолкнул ее руки, а через минуту дернул за волосы и сказал, что ревнует. Почему он не выразил свою ревность в поцелуях? Почему не обнял ее?

Джура бросала копье снова и снова. Она хотела сильнее устать за день, чтобы потом, ночью, у

нее не осталось сил вспоминать, как тот мужчина гладил ее ноги или как прижался губами к ее губам... Она тряхнула головой, метнула копье и промахнулась.

Черт бы побрал этих мужчин! Один дергает ее за волосы, другой гладит бедра, а в это время англичанин собирается завладеть всей Ланконией. Она снова метнула копье и на этот раз попала в самую середину.

Руан замешкался перед дверью в комнату отца, чтобы отряхнуть с одежды дорожную пыль. У него не было времени переодеться. Ему передали, что Тал не может ждать и хочет видеть его немедленно.

Дом был грязный и запущенный. Постучав ногой об ногу, он расправил плечи и толкнул тяжелую дубовую дверь. В комнате было темно, и глаза Руана не сразу стали различать очертания предметов.

Тал лежал на гряде грубых меховых шкур. Он был необычайно высок, по крайней мере на четыре дюйма выше Руана, и, в отличие от него, более худощав. Возможно, его лицо когда-то было красивым, но сейчас оно все было покрыто шрамами — следами минувших боев. Руан легко представил, как отец, сидя на боевом коне, размахивает над головой мечом и ведет своих воинов в победный бой.

— Подойди ко мне, сын мой, — глухо прошептал Тал. — И сядь рядом.

Стараясь скрыть волнение, Руан приблизился и сел на край его постели. Все эти годы он не щадил себя на тренировках, чтобы отчеты его учителя доставили радость этому человеку. И теперь он беспокоился, что отец будет разочарован, увидев белокурого, бледнолицего сына.

Тал протянул израненную, но все еще сильную руку и прикоснулся к щеке сына. Темные глаза старика увлажнились.

— Ты похож на нее. Ты похож на мою прекрасную Анну.

Он провел рукой по руке Руана.

— А волосы! Это волосы Анны! Но ростом ты в меня. Других сходных черт я не вижу.

Тал засмеялся, по его смех сразу перешел в кашель, и Руан терпеливо ждал, пока приступ прекратится.

— Что-то ест меня изнутри. Я давно знаю об этом, но я не подпускал смерть. Я должен был увидеть тебя. Вильям с тобой хорошо обращался?

— Очень хорошо, — тихо сказал Руан. Тал улыбнулся и на минуту прикрыл глаза. — Я знаю. Он всегда любил тебя. С самого рождения. После того, как умерла Анна... — он сделал паузу. — Когда приближается смерть — набегают воспоминания. Я молюсь, чтобы вскоре снова увидеть твою мать. После смерти моей дорогой Анны я бы сам отдал тебя на воспитание Вильяму, но он напал на меня и моих людей. Он хотел отобрать тебя силой. Тал снова закашлялся, но быстро взял себя в руки.

— Ты мог послать за мной, — мягко сказал Руан, — и я бы приехал.

Тал улыбнулся. Слова Руана были явно приятны ему.

— Да, но я хотел, чтобы ты вырос среди англичан. Анна открыла для меня мир. — Он взял Руана за руку. — Никто не сможет победить ланконцев, мой мальчик. Мы устояли против гуннов, славян, аварцев и Карла Великого. — Он помолчал. — Правда, мы не пережили проповедников. Они крестили нас. Но устояли против всех захватчиков. Мы, ланконцы, можем победить кого угодно, кроме самих себя, — печально добавил он.

— Племена враждуют друг с другом, — сказал Руан. — Я сам видел это. Тал сжал руку Руана.

— Я слышал, ты в одиночку вышел против зернанцев и встречался с самим Брокейном.

— Зернанцы — тоже ланконцы.

— Да, — через силу выговорил Тал, и Руану пришлось подождать, когда отец справится с новым приступом кашля. — Когда я поехал в Англию и встретил Анну, я увидел, что страной может управлять один король. Я провозгласил себя королем Ланконии, но на самом деле я король только ирлианцев. Ни зернанцы, ни вательцы меня королем не считают. Мы всегда были разделены на племена. Но если мы не объединимся, Ланкония погибнет.

Руан начал понимать, о чем просит его отец.

— Ты хочешь, чтобы я объединил ланконцев? Ему не удалось полностью скрыть волнение. Он не представлял, как можно помирить враждующие племена.

— Я оставил тебя в чужой стране, — продолжал Тал. — И потому, что ты наполовину англичанин, племена, может быть, примут тебя.

— Я понимаю, — сказал Руан.

Ему тоже хотелось, чтобы в Ланконии наступил мир, и, став королем, он надеялся остановить вражду между племенами. Но объединить их? Разве можно сделать старого Брокейна и хитрого Ксанта друзьями? На это не хватит человеческой жизни. Сейчас ланконцы поверили, что он король, потому что он открыл старые, ржавые ворота, но страсти быстро улягутся, и он снова станет чужеземцем.

— Ты выбрал меня, а не Джералта, потому что я англичанин? — спросил Руан. — Но ланконцы хотят, чтобы королем был мой брат. Лицо Тала стало сердитым.

— Джералт — ирлианец. Он ненавидит всех, кроме ирлианцев. Я слышал, ты привез сына Брокейна. Получше смотри за ним. Джералт убьет его, как только представится случай. Он мечтает, чтобы в Ланконии жили только ирлианцы.

— А другие племена мечтают о том же для себя? — устало спросил Руан.

— Да, — ответил Тал. — Во времена моего деда у нас было много врагов и мы были счастливы, сражаясь с ними. Война у нас в крови. Но захватчиков не стало, и мы начали воевать друг с другом.

Он поднял израненные руки.

— Слишком многих я убил этими руками. Я не мог остановиться, потому что я ирлианец.

Он схватил Руана за руку и с мольбой произнес:

— Я оставляю Ланконию тебе, и ты должен спасти ее. Ты сможешь. Ты открыл ворота Святой

Елены.

Руан кивнул умирающему отцу. Он вспомнил о девушке, которую ему предлагали в жены в Англии. Если бы он тогда согласился, то сидел бы теперь перед камином, у его ног лежала бы гончая собака, а на коленях играли дети.

— Я удивляюсь, как их не повалило ветром лет двадцать назад.

Тал приподнялся на подушках.

— Ты скромн, как Анна, и, я слышал, так же краток. Наверно, в дороге тебе досталось от моих ланконцев?

— Ужасно, — широко улыбнулся Руан. — Они не высокого мнения об англичанах.

— Ланконцы верят только в ланконцев. Он посмотрел на Руана, словно хотел запомнить его лицо.

— Но ты изменишь это. Ты сможешь сделать то, чего я не смог. Ланконцы истребят друг друга, если не объединятся. Я верю в тебя, мой мальчик.

Тал закрыл глаза, словно для того, чтобы собраться с силами. Он боготворил женщину, в которую когда-то влюбился, и верил, что сын, родившийся от их союза, совершит великие подвиги. Руан попытался представить, что ему предстоит: заставить твердолобых ланконцев изменить выработанный веками образ мыслей. Эта задача казалась ему непосильной. У него снова мелькнула мысль вскочить на коня и ускакать домой, в Англию. Но затем он вспомнил о Джуре. Джура была единственным человеком, способным его здесь удержать.

— Отец, — ласково произнес Руан. — Это правда, что ты хочешь, чтобы я женился на Сайлин? Тал устало открыл глаза.

— Я выбрал ее, когда она была еще ребенком. Она напоминала мне Анну: такая же спокойная и добрая. Она капитан женской гвардии. Сайлин не только сильна и умна, но и красива. Она будет тебе отличной женой.

— Да, я уверен, что это так, но... Руан смутился под взглядом Тала. Тело старика умирало, но разум оставался совершенно ясным.

— Есть другая женщина. Я думаю, она тоже из войска и годится мне в жены. Ее зовут Джура. Тал уронил голову на подушку.

— Ты уверен, что любишь ее? Кровь бросилась Руану в голову.

— Да, — с трудом вымолвил он, и в этом слове были и его страсть, и желание, и надежда.

Тал снова поднял голову и тяжелым взглядом посмотрел на сына.

— Когда я хотел Анну, я получил ее. Я бы выкрал ее глухой ночью, если бы английский король отказался отдать ее мне. А Джура тоже любит тебя?

Руан вспомнил, с какой страстью она вернула ему его поцелуй.

— Да, — сказал он.

— Я не хочу знать, как ты с ней познакомился. Наверняка она была там, где ей быть не положено. Это так на нее похоже. О сын мой, почему ты не можешь влюбиться в Сайлин? С Джурой тебе будет нелегко. У нее горячая голова, как у ее брата, и она злая, как ее мать. Та когда-то пыталась угрожать мне и вынудить жениться на ней. Чтобы досадить мне, Она вышла замуж за Джоста, моего самого верного воина, и превратила его жизнь в сущий ад.

Тал умолк, чтобы передохнуть.

— Если я отдам тебе Джуру, Сайлин станет твоим врагом, а ирлианцы любят Сайлин. Они возненавидят тебя за то, что ты отверг их любимицу. А Джуру я обещал выдать замуж за...

— Обещал? — воскликнул Руан.

— Да, — ответил Тал. — Она должна выйти замуж за сына Бриты — вождя вательцев. С ней тоже нельзя ссориться.

Руан от удивления открыл рот. — Женщина — вождь племени?

Ему предстояло бороться с женщиной? Неужели ланконцы думают, что он выйдет с ней на рукопашный поединок?

Тал улыбнулся сыну.

— Брита умеет работать не только руками, но и головой. Она стала вождем после того, как убили ее мужа. Брита всегда ненавидела ирлианцев, и меня, и весь мой род, поэтому не стоит подливать масла в огонь. Тебе предстоит немало трудностей со сторонниками Джералта. Может, передумаешь и женишься на Сайлин? Или на какой-нибудь еще? Но Джура...

— Единственная, кого я хочу, — закончил за него Руан.

Тал глубоко вздохнул.

— Это будет сложный путь.

— Я готов пройти его.

— Ты можешь потерять и Джуру, и Сайлин.

— Если в бою, то я приму вызов.

— Это может быть не твой бой, а Джуры, — сказал Тал. — Ланконские женщины очень сильные. Во время битвы они защищают мужчин с тыла, а когда нет мужчин, сами вступают в бой. Хорошо иметь сильную жену, но мужчина должен выбрать ее на турнире невест.

— Как это? — спросил Руан.

— Это похоже на ваши английские турниры, только в них участвуют женщины.

— Схватка между женщинами? — опешив, спросил Руан.

— Нет, но они соревнуются в ловкости, стрельбе, метании копья, прыжках через преграду, борьбе — в турнире много заданий. Победительница достается мужчине.

Прежде чем Руан пришел в себя, Тал взял сына за руку и сказал:

— Если речь идет о короле, то приглашения рассылаются всем племенам. Джура молода, у нее мало опыта. Ты не знаешь, как она поведет себя в соревновании. Она может проиграть... — он помедлил, — как и Сайлин.

— Это возможность, которой я обязан воспользоваться.

— Ты не понимаешь. Большинство женщин в войске — красавицы, но другие племена, чтобы выразить свое презрение ирлианскому королю, пришлют зверски уродливых. Ты никогда не видел ултенских женщин. Это отвратительные создания, хитрые и бесчестные. Они срежут у тебя ночью волосы, если найдут на них покупателя. И Брокейн пришлет какую-нибудь мегеру. У меня коровы лучше, чем зернанские женщины. Подумай, что ты делаешь, мальчик, и бери Сайлин. Она красива и...

— А ты бы отважился на турнир, чтобы завоевать мою мать?

— Ради нее я бы решился на что угодно, — спокойно ответил Тал. — Во мне кипела кровь...

— Моя кровь тоже вскипела, когда я увидел Джуру, — твердо ответил Руан. — Созывай турнир. Тал кивнул.

— Хорошо, по держись пока от нее подальше. Пусть никто не знает, что ты хочешь получить ее. Ты не представляешь, какую заварить кашу, если мы отвергнем сына Бриты. Я скажу, что этим турниром ты хочешь показать, что уважаешь права всех племен. У каждого племени должна быть возможность посадить на трон свою королеву. А сейчас иди. И пришли ко мне Сиомуна, я объявлю о турнире невест.

— Может, ты хочешь увидеть свою дочь и внука? Глаза Тала округлились.

— Лора? Крошечная девочка, которую я оставил у Вильяма? Она с тобой?

— Да, и с нею ее сын Филип. Умный мальчик.

— Держу пари, не такой умный, как ты в этом возрасте, — с нежностью произнес Тал. — Да, пришли их ко мне. Я буду молиться, чтобы Лоре понравился какой-нибудь достойный ланконец.

Руан улыбнулся.

— Уже не нужно. Похоже, она имеет виды на Ксанта.

Тал расхохотался и снова закашлялся.

— Этот старый боевой конь? О, это будет отличная пара. Он никогда не был женат, и понадобится огненная женщина, чтобы растопить его каменное сердце.

— Если кто-то и сможет это, так только Лора. Руан поднялся, затем в порыве схватил руку отца и поцеловал ее.

— Мне жаль... мне жаль, что... — Нет! — резко оборвал его Тал. — Никаких сожалений. Я молился каждую ночь, чтобы ты вырос именно таким. Ты не принадлежишь никакому племени. Ты ланконский король, для которого все племена равны. Ты сможешь объединить страну. Нет никаких сожалений. Пришли ко мне мою дочь и внука.

— Хорошо, отец, — ответил Руан и направился к двери.

— Сын, — окликнул его отец, — скажи Сиомуну, чтобы он дал тебе подходящую одежду, а то ты выглядишь слишком по-английски.

Руан кивнул и вышел из комнаты.

Он прислонился к каменной стене и прикрыл глаза, словно ощущая весь груз, возложенный отцом на его плечи. Он всегда думал, что будет королем целой страны, а оказалось, что ему предстоит объединить шесть племен, которые грабят и убивают друг друга без зазрения совести. Руан помолился Богу, прося помочь ему. Он сделает все, что в его силах, и надеется, что Бог поможет ему. И Джура, подумал он, открывая глаза. Джура тоже поможет ему. Он направился по темному коридору и остановился, услышав гневный голос Лоры и сдавленный смех Ксанта.

— Позвольте перебить вас, — сказал Руан. — Отец хочет видеть тебя и Филипа. И еще, Ксанти, найди, пожалуйста, мне человека по имени Сиомун.

— Да, мой господин, — почтительно ответил Ксанти и скрылся.

— Сначала к Сиомуну, — прошептал Руан, — потом к Джуре. — И он, насвистывая, последовал за Ксантом.

Джура с сожалением оставила поляну для тренировок, но пришедший за ней молодой человек сказал, что ее срочно зовут. Непонятно, зачем она понадобилась в конюшне, но в последнее время все было непонятно.

С тех пор как Тал послал за своим английским сыном, ее мир перевернулся. Сейчас нужно пойти и выяснить, кто ждет ее в конюшне, потом найти Джералта.

В конюшне было темно и пусто. Она с отвращением подумала, что если бы зернаны сейчас напали на них, то без труда бы победили.

— Эй, — позвала она, но никто не ответил. Джура заподозрила неладное, вытащила нож и, крадучись, медленно пошла вдоль стойл.

Как Джура ни была осторожна, она не была готова отразить это нападение: кто-то зажал ей рукой рот; выбил из ладони нож и втащил в лошадиное стойло.

Она попыталась сопротивляться, но мужчина повернул ее и крепко прижал к себе. В темноте она не могла видеть его лица, но ее тело подсказало ей, что это он.

Когда его рот коснулся ее рта, она ответила на поцелуй со всей страстью, которая пылала в ней. Вчера Джура убеждала себя, что ее встреча с незнакомцем была случайностью и это никогда больше не повторится. Просто так совпало. Она соскучилась по Дайри, и к тому же этот мужчина был почти голый. Она лишь немного удовлетворила свою страсть. Это так естественно — почувствовать удовольствие, когда тебя целует красивый мужчина.

Но сейчас Джура снова провалилась в волшебный сон. Она не помнила, как оказалась в объятиях незнакомца, как ее тело обмякло и затрепетало от его прикосновений.

Когда он поднял голову, ее руки были обвиты вокруг его шеи, пальцы перебирали волосы на его голове.

— Джура, — прошептал он, и его голос пронзил ее. — Мы сейчас будем вместе.

Она почувствовала его губы около своих губ и раскрыла рот, как цветок раскрывается перед пчелой, желая, чтобы взяли его пыльцу. «Вместе» означало займемся любовью, и она была готова. Она не думала о последствиях.

Джура слегка раздвинула ноги и прижалась бедрами к нему, полностью вверяя себя его сильным рукам.

— Любимая, — шептал он, горячо целуя ее в шею. — Мы будем вместе. Я все устрою.

— Да, — бормотала она, прикрыв глаза и откинув голову. — Вместе. Сейчас.

Он отпрянул, чтобы посмотреть ей в лицо.

— Ты так искушаешь меня, что я не могу сдержаться. Джура, любимая моя, я впервые испытываю такое чувство. Скажи, что ты любишь меня. Я хочу услышан, эти слова.

Она не могла говорить. Она ощущала его тело и желала раствориться в нем.

— Джура! — воскликнул он и так страстно поцеловал, что она потеряла равновесие и, попятившись, стукнулась спиной о каменную стену конюшни. Но он не выпустил ее из рук, а лишь крепче прижался к ней губами. Ей показалось, что его тело сейчас раздавит ее, но вместо того, чтобы попытаться освободиться, она лишь сильнее прильнула к нему.

Внезапно он отпустил ее и отпрянул.

— Уходи, — сказал он прерывающимся от волнения голосом. — Уходи, или ты больше не будешь девушкой. Оставь меня, Джура.

Чтобы не упасть, Джура схватилась сзади за камни. Ей казалось, что сердце колотится у нее в горле.

— Уходи, пока нас не увидели, — сказал он. Сознание стало возвращаться к Джуре. Да, их никто не должен видеть. У нее подгибались колени. Цепляясь за стены, она направилась к выходу.

— Джура, — позвал он.

Она не обернулась. У нее не осталось сил на это последнее движение.

— Запомни, что ты моя, — сказал он. — Не позволяй сыну Бриты прикасаться к тебе.

Она кивнула, не понимая смысла его слов. Она не помнила, как пришла к баракам, где жили женщины-воины, потому что в голове у нее был только он. Ее пальцы еще помнили ощущение его тела.

— Джура, — позвал кто-то, но она не ответила.

— Джура! — громко сказала Сайлин. — Что с тобой? Где твой нож? Почему ты так растрепана? Что за следы у тебя на шее? На тебя напали?

— Все в порядке, — прошептала Джура и постаралась улыбнуться.

Сайлин, нахмурившись, взяла Джуру за руку и завела в свою комнату. Комната была обставлена по-спартански, в ней было только самое необходимое: кровать, стол, стул, умывальник и большой сундук для вещей. На стенах висело оружие, а над кроватью — резной деревянный крест.

— Сядь, — велела Сайлин, подтолкнув Джуру к кровати. Она намочила полотенце и положила на лоб подруге. — А теперь расскажи, что с тобой случилось.

Джура постепенно приходила в себя.

— Я... я в порядке. Со мной ничего не случилось. Она бросила полотенце. Ее руки еще немного дрожали, но мысли уже пришли в порядок. Она должна держаться подальше от этого мужчины. Это болезнь, которая может убить ее.

— Расскажи, какие новости, — сказала Джура. — Ты видела этого англичанина?

Она надеялась, что эта тема поможет ей отвлечься от страсти к незнакомцу.

— Он действительно так глуп, как мы и предполагали?

Сайлин все еще была озадачена видом подруги.

— Он совсем не глуп. И, по-видимому, довольно храбрый. Он в одиночку выехал против Броейна. Джура хмыкнула.

— Значит, он глупее, чем я думала. На этот раз ему повезло, но в следующий раз его обязательно убьют. Ты должна пойти к Талу, пока он еще жив, и попросить освободить тебя от обязанности выходить замуж за этого отвратительного англичанина.

Сайлин хитро улыбнулась.

— Он не отвратительный. Он поцеловал меня, и это было очень приятно.

Джура пристально посмотрела на Сайлин.

— Он слишком самоуверен. Он думает, что у ланконских женщин совсем нет гордости? Как он смел поцеловать гвардейца, словно простую крестьянку?

При этих словах Джура почувствовала, что у нее запылали щеки. Тот мужчина отважился на большее, чем поцелуй, и она, вместо того, чтобы думать о гордости, чуть не отдалась ему на полу конюшни среди соломы и конского навоза.

— Он получил мое разрешение делать это, когда ему захочется, — сказала Сайлин и отвернулась. — Но он больше этого не делал. Тал созывает турнир невест, желающих сразиться за возможность стать королевой.

— Турнир невест? — недоуменно переспросила Джура. — На моей памяти такого еще не было. Она вскочила на ноги.

— Как он посмел? Он оскорбил тебя! Это значит, что женщина, которую он выбрал, оказалась недостаточно хороша для роли королевы. Ах он негодяй! Он старый, жалкий...

— Джура! — сказала Сайлин, оборачиваясь. — Ты несправедлива к Талу. Он сказал, что его сын станет королем всех ланконцев, и, значит, невесту нужно выбирать при участии всех племен.

Руан поступил очень благородно, когда согласился на это. Что, если победит зернанка? Или ултенка? — задала она вопрос, и ее голос задрожал от ужаса. — Турниры невест не проводились со времен короля Лоркана и королевы Метты. Я слыхала, что она была просто зверь, не вылезала из сражений и была старше короля лет на десять. Так или иначе, но принц Руан согласился жениться на победительнице турнира.

— Ему просто наплевать на исход состязания. Или он такой послушный, что сделает все, о чем его ни попросят?

Сайлин рассмеялась.

— Что угодно, только не послушный. Джура, ты должна встретиться с ним. Сегодня вечером будет пир. Приходи. Я вас познакомлю, и ты сама увидишь, какой он.

— Я не предаю моего брата, — взорвалась Джура. — Королем должен стать Джералт. Все, что я до сих пор слышала об этом англичанине, только укрепляет мою уверенность. Я не пойду на пир. Кому-то нужно остаться в лагере, а мне еще надо заточить оружие.

— Ты имеешь в виду свой нож? — многозначительно спросила Сайлин, кивнув на пустые ножны Джуры.

— Я... я уронила его в темноте, — поспешно сказала Джура. Кровь бросилась ей в голову, и она снова вспомнила о мужчине в конюшне. — Я вернусь и найду его. А ты иди. Увидимся утром.

Прежде чем Сайлин успела спросить еще что-нибудь про нож или следы у нее на шее, Джура вышла, из комнаты.

От одной мысли об этом мужчине ее бросило в жар, и она обрадовалась прохладной темноте, освежившей ее покрасневшее лицо.

Ножа в конюшне не было. Наверняка его взял он. Джура на мгновение прислонилась к стойлу и закрыла глаза. Какая же она дура! Она дважды встречалась с этим жестоким эльфом, и всякий раз падала ему в руки, даже не спросив, кто он и как его зовут. Скорее всего он один из рабов, работающих в городе. Но в отличие от них, он чистый и прекрасно говорит по-ирлиански.

«А что если он будет шантажировать меня? — подумала Джура. На ноже был ее знак в виде двух стоящих на задних лапах львов. — Он просто покажет его Дайри, или, как он сказал, сыну Бриты. А когда Дайри увидит мой нож в руках мужчины, начнется война между вательцами и ирлианцами».

— Дура! — выругалась она вслух. — Ты не заслуживаешь звания гвардейца.

Проклиная себя, она вышла из конюшни.

Глава 5

В эту ночь Джуре не спалось, а утром, еще до рассвета, в дверь забарабанил Джералт. Джура встала, надела тунику, брюки и отодвинула засов.

— Ты видела его? — спросил он. — Он околдовал моего отца. Из-за того, что он открыл старые, ржавые ворота, отец думает, что англичанин может все. Мне надо было открыть эти ворота год назад.

Джура покачивалась со сна и, моргая, смотрела на брата. Джералт выглядел смуглым даже среди смуглых мужчин их племени. Его черные волосы доставали ему до плеч; когда он хмурился, тяжелые брови почти сходились на переносице.

Джералт стукнул кулаком о дверной косяк.

— Он уже говорит о постройке дорог и о... — он замолчал, словно слова застряли у него в горле. — Он говорит о торговой ярмарке. Мы не впустили ни викингов, ни гуннов. Неужели он думает, что мы впустим сюда торговцев? Кто знает, может, они в фургонах привезут солдат. Он хочет для всех открыть наши границы. От Ланконии ничего не останется.

Джералт на мгновение остановился, чтобы перевести дух.

— Англичанин привез сына Броейна и защищает его, словно он его собственный сын. Мы выкрадем у него этого щенка, а когда Броейн нападет на нас, уьем. Зернанцы — наши враги.

— Открыть наши границы? — пробормотала Джура. — Я этого не слышала. Ланкония перестанет существовать. Нас поглотят другие пароды.

Это стало еще одной причиной в длинном списке, почему англичанин не должен стать королем. Рассудок Тала пришел в негодность, как и его тело. Она посмотрела на Джералта. Наконец-то рядом с ней был разумный человек.

— Да, но Тал этого не понимает. Я пытался поговорить с ним сегодня утром, но он выгнал меня из комнаты. Ты слышала о турнире невест? Ты можешь представить, чтобы нашей королевой стала женщина из чужого племени? Я слышал, у Броейна есть дочери. Что будет, если победит одна из них?

Джералт подошел, сел рядом с ней на кровать и обнял за плечи.

— Победа в твоих руках, Джура.

— В моих? — смутившись, переспросила она.

— Ты должна помочь Сайлин получить этого мужчину. Ты должна принять участие в турнире и сражаться как львица. Ты должна одержать победу над всеми участницами, пока очередь не дойдет до Сайлин.

— Да, — сказала Джура и кивнула. — Сайлин должна победить.

Джералт поморщился.

— Она смотрит на англичанина затуманенным взором. Она не видит его недостатков, не слышит, что он говорит.

Джура мгновенно встала на защиту подруги:

— Сайлин — гвардеец. Она не может не видеть, что он дурак.

— Сайлин еще и женщина, и смотрит на него, как девушка, только что вступившая в нежный возраст. Он приподнял одну бровь.

— Ты его уже видела?

— Нет, но что я могу такого увидеть, что изменит мои представления о нем?

— Он бледнокожий, со светлыми волосами, и некоторые женщины уже влюбились в него. Те, что думают не головой, а телом.

Он пристально посмотрел на нее. Джура подняла глаза.

— Ты думаешь, я могу оказаться одной из них? — презрительно спросила она. — Мне наплевать, даже если он красив, как Аполлон. Я не изменю своего мнения. Он не имеет права быть королем Ланконии.

— Отлично, — сказал Джералт и хлопнул ее по спине, словно одного из своих солдат, от чего Джура чуть не упала. — Отец просит, чтобы ты пришла в замок и познакомилась с этим принцем. Тал был расстроен, что ты не пришла на пир.

— Тал приходил на пир? — изумилась она.

— Он боится выпустить англичанина из виду. Джералт отвернулся, пытаясь скрыть обиду. Он всегда боготворил отца, но Тал сделал королем не его, а англичанина, которого не видел двадцать лет. Успокоившись, Джералт повернулся к сестре.

— Мы должны спасти Ланконию, и для этого рядом с ним должен быть умный ланконец. Для начала мы посадим на трон Сайлин. Нельзя допустить в Эскалон королеву из чужого племени. Она приведет с собой охрану, которая однажды ночью подкупит стражу и откроет ворота. Как ты думаешь, ты сможешь выиграть состязание?

— Да, конечно, смогу, — ответила Джура. И в этот момент она была уверена, что сможет.

— Отлично. — Он встал. — Идем со мной. Нам предстоит встреча с сыном моего отца. Джура скривилась.

— Прямо сейчас? Без завтрака?

— Сейчас. Отец требует.

Чувствуя себя так, словно ее поведут на казнь, Джура поспешно оделась и последовала за Джералтом. Она решила не надевать длинного платья, а облачилась в военный костюм из туники, брюк и голубого плаща, свисающего с одного плеча. Она заколебалась, брать ли пустые ножны, но решила надеть их сзади, спрятав под плащом.

Джералт ворчал, что она слишком долго одевается. Наконец она распахнула дверь и последовала за ним. Не проявляя особой галантности, Джералт шел впереди, а Джура, как надоевшая маленькая сестричка, плелась сзади.

Он повел ее к поляне, на которой тренировались мужчины. В тени деревьев на кровати лежал исхудалый, с землистым лицом Тал. Он возлежал на горе расшитых перьевых подушек, чего раньше никогда не бывало. Тал презирал комфорт. Рядом с ним на стуле сидела красивая женщина с золотистыми волосами, одетая в длинное платье из странной материи, переливающейся в лучах солнца. Около ее стула стоял маленький мальчик с такими же, как у матери, золотистыми волосами. Все трое смотрели туда, где двое мужчин упражнялись в стрельбе из лука.

В одном из них Джура без сомнения угадала взятого в плен зернанца, потому что он был одет в полосатую, красно-малиновую тунику, которую носили в их племени. Значит, второй был англичанин.

Он был почти такого же роста, как ланконцы, но более коренастый. Толстый, подумала Джура. От праздной жизни он весь заплыл жиром. Его волосы были подстрижены до уровня воротника и оказались совсем не белые, как ей говорили, а золотистые и мягкие, как у женщины.

На мужчине была туника, которую мать Джуры много лет назад вышила для Тала. Но ему она оказалась несколько свободной, а этому мужчине пришлось в самый раз. Под туникой были видны мускулистые бедра.

Джура фыркнула. Может, он одурачил других женщин, но ее ему одурачить не удастся. Дайри тоже очень красив.

Она расправила плечи и направилась к королю, чтобы поприветствовать его. Джералт в это время пошел к центру поля к стрелкам.

Джуре было неприятно видеть Тала таким, как сейчас: жалким, беспомощным, ждущим смерти. Она всегда относилась к нему враждебно, хоть и была вынуждена выказывать уважение. Она считала, что это он виноват в смерти ее родителей. Ей было пять лет, когда она осиротела и Тал взял ее к себе. Она нуждалась в ласке и утешении, но Тал сказал, что нечего распускать нюни, и дал ей вместо игрушки меч. Когда ей исполнилось шесть, Дайри начал учить ее стрелять из лука.

— Ты посылал за мной? — спросила Джура, глядя на Тала. Ее взгляд красноречиво говорил, что она думает о его расшитых подушках. На англичанку она демонстративно не смотрела.

— А, Джура, — сказал Тал с улыбкой. Он выглядел как глупый старикашка. Трудно было поверить, что этот воин отразил набеги тысячи захватчиков. — Какой чудесный день. Ты уже знакома с моей дочерью?

Лицо Джуры не изменилось.

— У тебя есть только один настоящий ребенок — Джералт.

Джура слышала, как англичанка затаила дыхание, и с удовлетворением подумала: «Пусть эти чужеземцы знают, что их здесь не ждут».

Тал вздохнул и откинулся на подушки.

— Джура, почему ты такая упрямая? Они мне такие же дети, как и Джералт.

Он посмотрел в сторону, и его лицо просветлело. Джура поняла, что к ним приближается англичанин.

— Вот человек, который заставит тебя улыбнуться.

Джура резко повернулась. Настало время познакомиться с человеком, которого она заранее ненавидела.

При первом же взгляде на него у нее подогнулись ноги. Мужчина протянул руку и легко сжал ее ладонь, от чего Джура вся задрожала.

Он! Тот незнакомец, с которым она втайне встречалась! Как она не увидела его золотистых волос? Ну конечно, при их первой встрече его волосы были мокрыми и казались темнее, а в конюшне ничего не было видно.

Она выдернула руку и отвернулась.

— Вы встречались раньше? — хитро спросил Тал. — Нет, — выпалила Джура. — Да, — одновременно с ней произнес Руан.

Джура застыла от ужаса. У нее путались мысли, но она уже понимала, как он собирается ее использовать. Он думает, что если склонит ее на свою сторону, то, возможно, и Джералт, и те, кто считают Джералта настоящим принцем, последуют за ней.

— Я имел честь видеть эту леди, — сказал Руан. — Но только издали.

К ужасу Джуры, он провел рукой по ее спине и сжал ее косу.

— Я тоже о вас слышала, — вежливо сказала Лора, но Джура не повернула головы. — Я слышала только о вашем боевом искусстве, но не о вашей красоте.

Джура стояла не шевелясь, сосредоточенно глядя перед собой.

— Джура! повысил голос Тал и закашлялся. Лора засуетилась вокруг старика, и, к отвращению Джуры, он не только не запротестовал, а, казалось, был польщен ее вниманием. Джура хотела отойти от них, но Руан крепко держал ее за волосы.

— Тебе следует с большим уважением относиться к моим детям, — задыхаясь от кашля, произнес Тал. — Скажи спасибо Лоре за комплимент.

Джура смотрела прямо перед собой и молчала. Ей было непросто собраться с мыслями, когда рядом стоял этот мужчина.

Тал снова попытался приподняться, и Лора бросилась ему на помощь.

— Отец, пожалуйста, не сердись. Я уверена, что Джура привыкла к таким комплиментам. Руан! Твой оруженосец и пленник, кажется, собираются убить друг друга. Может быть, ты подойдешь к ним?

Руан заколебался, но тут раздалось нешуточное позвякивание мечей, и он направился к дерущимся юношам. Джура не удержалась, чтобы не повернуться в их сторону. В одном из юношей она узнала молодого человека, который сказал ей, что ее ждут в конюшне. Он был смуглым, как ланконец. Вот почему она не догадалась, что он англичанин. Он говорил с ней по-ланконски, и сейчас ей пришло в голову, что он просто заучил непонятные ему слова наизусть.

Руан приблизился к юношам, без малейшего колебания шагнул между ними и легким движением ладоней толкнул каждого в грудь, от чего оба упали на землю.

— Мои подданные не дерутся друг с другом, — тихо сказал Руан, и это произвело большее впечатление, чем если бы он прикрикнул на них.

— Я не твой подданный! — закричал Кеон. — Мой отец — Брокейн и...

— Я твой господин, — оборвал его Руан. — Ты не зернанец, ты ланконец, и я твой король. А

сейчас оба отправляйтесь чистить мою кольчугу.

Монтгомери с обиженным лицом поднялся с земли.

Чтобы почистить кольчугу, ее надо было погрузить в чан с маслом, а потом долго тереть травой.

Тал просиял от удовольствия, увидев, как искусно Руан прекратил драку.

Джура резко повернулась к Талу.

— Все, что он делает, доставляет тебе удовольствие, — набросилась она на старика. — Он хочет стать королем, но не имеет на это права. Он хвастается, что он король всех ланконцев, но чтобы стать им, ему нужно объявить войну другим племенам. Он собирается убить Брокейна и Бриту? А как насчет Марека и Айна? У нас сейчас с ними мир, но продлится ли он, если этот человек начнет убивать всех подряд? Я прошу тебя, не делай его королем. Нам не нужны новых войн между племенами. Каждое племя охраняет часть границ. Если племя погибнет, на нас нападут, и Ланкония перестанет существовать. Пожалуйста, я прошу тебя, мы все просим, пусть королем станем Джералт.

Тал пристально смотрел на нее. Его лицо побагровело от гнева. Он закашлялся так сильно, что не мог остановиться.

— Уходите! — воскликнула Лора. — Вы уже достаточно его расстроили.

Джура повернулась и, ни на кого не глядя, пошла прочь.

Руан возвратился к отцу, но его глаза были прикованы к уходящей Джуре.

— Ты дурак, — проворчал Тал, обращаясь к сыну. — Она испортит тебе жизнь. Руан улыбнулся.

— У меня нет выбора. Если я стану королем, то она будет моей королевой.

— Королевой? — изумилась Лора. — Что это значит? Руан, скажи мне, ты собираешься... вступить в союз с этой женщиной? Она груба, глупа, думает только о себе и не уважает тебя. Ей не место в нашем доме.

— Гм, — было единственным словом Руана. — Он повернулся и пошел к мишеням для стрельбы из лука.

Следующие несколько дней Джура тренировалась так, что все только диву давались. Она не была ни на одном ужине в честь прибывающих претендентов, боясь оставить тренировочное поле хоть на минуту. Джура вставала до рассвета и бежала несколько миль по еле заметным тропкам. Она прыгала через широкие ручьи, ходила по узким бревнам, метала копье и стреляла из лука. Она делала передышки только для того, чтобы поесть, а ночью падала без сил и погружалась в глубокий сон.

— Джура, — сказала Сайлин на четвертый день. — Передохни. Ты растратишь все силы еще до соревнования.

— Я должна тренироваться. Я должна победить.

— Ты хочешь победить? — осторожно спросила Сайлин.

— Моя победа — это гарантия твоей победы. Рядом с ним на троне должен сидеть умный человек. Его тщеславие и глупость просто ошеломляют. Если рядом с ним не будет тебя, то он погубит Ланконию.

Сайлин нахмурилась.

— Джура, я не уверена, что ты права. Он совсем не тщеславный. Он тренируется почти так же много, как и ты. Он справедлив и беспристрастен, когда судит споры, и очень добр с женщинами, которые приехали на турнир. — Она остановилась и засмеялась. — Ты помнишь, как три года назад мы наткнулись на зернанских охотников? Нас было всего двое, а они остановились, чтобы напоить коней.

— Да, мы спрятались в кустах и ждали, пока они уйдут.

— Помнишь их главного? Огромную женщину со шрамами на лице?

— Мы услышали ее голос и подумали, что это мужчина.

— Да, — ответила Сайлин. — Так вот она здесь. Ее зовут Мелла, и она приехала, чтобы стать королевой.

Джура зло ухмыльнулась.

— Он заслуживает как раз такую. Потом выражение ее лица изменилось.

— Но мы — нет. Сайлин, ты должна победить. Сайлин недовольно посмотрела на подругу.

— Почему ты его так ненавидишь? С тех пор как он открыл ворота, многие изменили свое отношение к нему.

— Да, — перебила ее Джура, — многие готовы забыть, что он не ланконец и займет место, которое по праву принадлежит Джералту. Ты смотришь на его красивую внешность и не видишь опасности, которая таится в его душе.

— Я не думала, что ты так хорошо знаешь его.

— Я его совсем не знаю, — отрезала Джура, сообразив, что проговорила. — И не собираюсь его узнавать. Мы будем тренироваться или болтать весь день?

Турнир невест должен был продлиться три дня. К концу первого дня треть участниц с наименьшим числом очков сойдут с турнира, другая треть — к концу второго дня. Оставшиеся будут состязаться в парах, и каждый проигравший в паре выбывает из турнира. К концу третьего дня должны остаться только две женщины, которые сойдутся в рукопашной схватке с кольями, и победительница станет королевой Ланконии.

Дважды Джура получала послания, что ее ждут в темном, уединенном месте, и ни разу не приходила. Он думает, что она вертихвостка, легкая добыча его похоти. Она уже два раза поддалась его чарам, но больше этого не будет. Ее терзал вопрос, сколько еще женщин он обольстил таким же способом. Каждый раз, когда Джура видела возвращающуюся из Эскалопа девушку, ей казалось, что она возвращается от Руана.

— А кого он выбрал себе в любовницы? — спросила Джура у Сайлин в разгар тренировок. Мелкие капельки пота усеяли ее лицо, мышцы болели, но она не собиралась уходить с поля.

— Кто «он»?

— Сын Тала, конечно, — раздраженно ответила Джура. — О ком еще говорят все вокруг? На ком помешалась вся Ланкония?

— И ты, кажется, тоже, — задумчиво произнесла Сайлин.

— Я? Я ненавижу его.

Она с бешеной силой метнула копьё и поразила мишень точно в красный центр.

— Как ты можешь ненавидеть человека, которого видела только один раз в жизни? Пойдем со мной вечером к нему, и ты сама сможешь поговорить с ним.

Джура выдернула копьё.

— А больше ты с ним ничего не делаешь? Только разговариваешь? Не сомневаюсь, что он целомудрен, как святой, и не меняет женщин каждую ночь.

— Я ничего не слышала о том, как он проводит ночи. Если у него и есть женщина, то он очень скрытен. Но мне кажется, что он спит один, иначе бы все в городе давно знали об этом. Выбранная женщина не преминула бы похвастаться.

— Похвастаться чем? Что один мягкотелый англичанин...

— Мягкотелый? — засмеялась Сайлин. — Что угодно, только не мягкотелый. Тебе стоит посмотреть, как он тренируется. Когда он снимает тунику...

— У меня нет желания видеть его голым, — взволнованно сказала Джура. — Ты собираешься заняться прыжками? Это твое слабое место.

И она с яростью бросила копьё в мишень.

Все эти дни Джура так неистово тренировалась, что даже не знала, какие приготовления делаются к турниру невест. За городскими стенами были установлены деревянные кресла, а для королевской семьи был построен навес. Такие же навесы были приготовлены и для вождей других племен, если они вдруг пожалуют на турнир. Готовилось огромное количество еды: мясо, овощи, корзины с хлебом и бочки с пивом. Все, кто придет на турнир, три дня будут угощаться за счет Тала.

Утром, перед началом турнира должен был состояться парад участниц. Женщины собрались на тренировочном поле еще до рассвета, и Джура впервые увидела своих соперниц. Здесь были две женщины из племени ултенов, но Джура знала, что они пришли только для того, чтобы испытать острые ощущения и украсть что-нибудь. Ултенки были невысокого роста, но быстрые и проворные. Еще было полдюжины вательских женщин: на руках у каждой красовались brasлеты, которые делали вательцы. Эти женщины были серьезными соперницами.

Приехали восемь фаренок, но их можно было не считать. Верхом на лошадях им не было равных, но на земле они, как рыба, вынутая из воды.

Поленских женщин не было вовсе. Никто и не ожидал, что они придут. Если бы это было состязание в сочинении поэмы, поленцы бы обязательно приехали и победили, но они никогда не дрались, если на них не нападали.

Оставшиеся пятьдесят женщин были зернанки и ирлианки. Вся женская гвардия, включая подростков, решила принять участие в турнире, надеясь получить руку принца.

Зернанки представляли собой впечатляющее зрелище: крупные, мускулистые, в шрамах от постоянных драк друг с другом. Джура знала, что именно с ними и придется состязаться. Ирлианки могли победить в беге и ловкости, но когда дело дойдет до борьбы, не всякая одолеет зернанскую женщину.

Сайлин подтолкнула Джуру локтем, кивнув на Меллу. Из всех зернанок она была самая крупная, самая старая и самая воинственная.

Зазвучали трубы, и парад начался.

Женщины выстроились в ряд перед королевским навесом. К ним по ступенькам сошел Руан, облаченный в блестящую, из зеленого шелка тунику, и напутствовал каждую из них. Он ненадолго остановился перед Меллой и посмотрел ей в глаза. Кончик ее носа был отрезан в предыдущих схватках. Сайлин улыбнулась, когда он пожелал Мелле удачи, но Джуру это не развеселило.

Наконец Руан остановился перед Джурой.

— Да поможет тебе Бог, — прошептал он.

Джура отвела взгляд.

Через несколько минут толпа зашумела, и игры начались.

В первый день состязание было несложным, и Джура старалась экономно расходовать силы. Все, что ей было нужно, это пройти на второй тур. Она ни разу не стала победительницей. Ей не хотелось в первый же день показывать всем свое умение. Мелла во всех соревнованиях была первой, даже в беге, правда потому, что на финише оттолкнула локтем ирлианку.

Джура не догадывалась, как победы Меллы раздражали Руана. Всякий раз, когда ее объявляли победительницей, у него внутри все сжималось от страха. К концу дня он выглядел более усталым, чем участницы соревнований.

Довольная результатами дня, Джура покинула поле и направилась в барак, чтобы помыться и отдохнуть.

К концу второго дня осталось только шестнадцать женщин, которым на следующий день предстояло сойтись в парных состязаниях.

— Джура, — сказала Сайлин. — Тот, кому выпадет бороться с Меллой — проиграет.

— Может, и нет, — возразила Джура, но в глубине души совсем не была в этом уверена. — Завтра утром во время жеребьевки все решится.

— Я боюсь, что ей достанется кто-нибудь из нас.

— Я усмехнулась Джура. — Может, она и победит, но я сделаю все, чтобы измотать ее как следует. Будь уверена.

Сайлин было не до смеха.

— Пойдем со мной. Я хочу сходить в город.

— Зачем? — испуганно спросила Джура. — В городе для нас нет ничего интересного, и, потом, нам нужно отдохнуть.

— У меня встреча с принцем Руаном, — спокойно сказала Сайлин.

Джура разозлилась.

— О, ему не терпится попробовать то, что скоро станет его? Он и с другими претендентками спит? С Меллой, например?

— Прекрати! — перебила ее Сайлин. — Ты сильно изменилась с тех пор, как он приехал. Нет, я не собираюсь проводить с ним ночь. Если хочешь знать, эту встречу устроил Дайри.

— Дайри? — удивленно переспросила Джура.

— Ты так поглощена тренировками, что у тебя нет времени увидеться со своим женихом. Но я не такая. Руан — мой жених. По крайней мере, я надеюсь на это, поэтому вечером пойду в город. Я полагала, что ты захочешь пойти со мной, чтобы встретиться с Дайри.

— Да, — пробормотала Джура, — конечно. Все эти дни она не вспоминала о нем.

— Мне очень хочется увидеться с ним, — добавила она.

За городскими стенами веселились пьяные ланконцы. Пробираясь вместе с Сайлин сквозь толпу, Джура машинально потянулась за ножом, но ножны были пусты.

Руан ожидал их у замка Тала. Он ждал уже давно, и готов был ждать еще сколько угодно, если это обещало встречу с Джурой.

Когда на соревнованиях Джура заняла сначала второе место, потом третье, а вскоре четвертое, Руан испугался, сможет ли она победить. Он взволнованно расспрашивал о ней Дайри. К концу второго дня он понял, что должен увидеть ее, и попросил Дайри устроить эту встречу.

Сейчас он стоял, спрятавшись в тени, и ожидал ее. Джура почувствовала, что он здесь, прежде чем увидела его.

— Сайлин, — тихо окликнула она подругу. Сайлин сделала несколько шагов в тень, и Руан крепко схватил ее. Джура невольно сжала кулаки. Значит, это правда. Она лишь «одна из». Этот похотливый сатир обнимает всех женщин подряд. Он уже говорил Сайлин, что любит ее?

— Ты Сайлин? — услышала Джура голос Руана. Они оба вышли на свет.

— Разве Дайри не сказал тебе, что я приду? — спросила Сайлин.

— Он сказал, что я встречу с одной... Да, да, конечно, он сказал. Ты одна?

Он напряженно вглядывался в темноту.

— Со мной Джура. Мы пришли, чтобы ты пожелал нам удачи.

Его глаза нащупали стоящую в тени Джуру.

— Джура, — сказал Руан и протянул к ней руки. Джура не шевелилась.

— Руан, — позвала Сайлин, но он не обернулся.

— Можно, я поцелую тебя? Это будет знаком удачи, — тихо спросил он. Джура пришла в себя.

— Ты уже достаточно нацеловался сегодня вечером, — зло сказала она.

Он рассмеялся, и это взбесило ее.

— У меня есть кое-что для тебя, — сказал он и протянул ей нож.

Она схватилась за рукоятку, но потянула осторожно, чтобы не поранить ему пальцы.

— Я не получу благодарности за то, что вернул его?

Джура сообразила, что Сайлин стоит за спиной Руана и слышит их разговор.

— Мне нужно идти, — сказала она. — Оставайся с Сайлин и желай ей удачи.

Она повернулась и оставила их одних. От ярости она ничего не видела и не слышала вокруг. Кто-то схватил ее за руку. Решив, что это Руан, она сделала отчаянную попытку вырваться, прежде чем поняла, что это Дайри.

— Тебя кто-нибудь обидел? — спросил он. — От кого ты убегаешь?

Она прижалась к нему. На них никто не обращал внимания. Вокруг было много обнявшихся пар. Их слова заглушались пьяными криками, пением и бранью.

— Пойдем отсюда, — сказал Дайри и повел Джуру к сараю кузнеца. Здесь было тихо.

— Что случилось?

Она обвила руками вокруг его шеи.

— Ничего. Совсем ничего. Поцелуй меня. Он поцеловал, но это не избавило ее от мыслей о Руане.

— Завтра Сайлин одержит победу и выйдет замуж за англичанина. Давай и мы завтра поженимся. Дайри нахмурился.

— К чему такая спешка? В тебе проснулась женщина?

Она оттолкнула его.

— Я и есть женщина. Если я не одеваюсь в платья, как английская дочка Тала, это не значит, что я меньше женщина, чем она.

— Я знаю тебя, Джура. Я знаю тебя с детства. Эмоции у тебя никогда не брали верх над разумом.

— Они и сейчас не берут верх! — крикнула она, оттолкнула Дайри и побежала к баракам. Сайлин уже ждала ее.

— Ты сама собираешься победить в турнире, не так ли? — спросила Сайлин, еле сдерживая

бешенство. — Он поцеловал меня, но думал, что это ты. Ты соблазнила его за моей спиной и лгала мне. Ты никогда не была моей подругой. Наша дружба — это вранье.

Сайлин выбежала из комнаты, оставив Джуру одну. Это все он. С тех пор, как он приехал в Ланконию, вся ее жизнь изменилась. Тал и Сайлин ненавидят ее, Дайри в чем-то подозревает.

Единственный способ доказать им всем, что она никого не обманывает, это дать Сайлин возможность завтра победить. Тогда она освободится от Руана. Она сможет выйти замуж за Дайри, и он заполнит ее ночи так, что она больше не будет думать о другом мужчине. Ее влечение к Руану чисто физическое, и это неудивительно: ведь она восемнадцатилетняя девушка. Ей нужен сильный, здоровый мужчина, с которым она разделит постель и забудет этого мягкотелого англичанина.

Мягкотелого, подумала Джура. Если бы он был мягкотелым, у нее бы сейчас не было проблем.

Ложась в постель, она решила завтра сделать все, чтобы помочь Сайлин победить. Потом она и Сайлин сойдутся в поединке с кольями, и, как только Сайлин замахнется, Джура упадет.

Завтра в это время Сайлин снова будет ее подругой! а Дайри станет ее мужем. Завтра в это время она уже не будет девушкой.

Глава 6

Утром Сайлин выглядела усталой и не хотела разговаривать с Джурой.

Претендентки вышли на поле. У Джуры от волнения кровь стучала в висках. Кинули жребий, и, к ее ужасу, Сайлин выпало бороться с Меллой. Другие участницы облегченно вздохнули, тем более что Мелла, казалось, не понимала, что это состязание, а не битва.

Джура хотела шепнуть Сайлин что-нибудь ободряющее, но та сурово посмотрела на нее.

— Радуйся, ты станешь королевой. Ты собираешься отравить Руана и передать трон своему брату или тебе нужен сам Руан?

— Если не победишь эту зернанку, ты не достойна быть королевой, — оборвала ее Джура.

В этот последний день ей нужно было выиграть всего три раза, а четвертый бой будет с Сайлин, если та одержит победу над Меллой. Но если Сайлин проиграет, тогда с Меллой придется бороться Джуре. Джура знала, что, выиграет она или проиграет, ее не устроит никакой исход этой схватки. В первом случае она станет женой Руана, во втором — Мелла королевой.

Сайлин обязана победить!

Джура с легкостью выиграла первые три состязания. Она опередила в беге ирлианку их учебной гвардии, потом всадила все шесть стрел в самую середину мишени, обойдя фаренку, которая, ко всеобщему удивлению, добралась до финала. Третье состязание было сложнее: прыжки через шест, расположенный высоко над землей. Она чуть не задела его и с облегчением вздохнула, когда одна из зернанок сбила перекладину и выбыла из соревнований.

Теперь оставались только схватка Сайлин с Меллой и бой Джуры с победительницей.

Первый бой уже начался, и все понимали, что это самое серьезное соревнование на турнире.

Со стороны это походило на схватку орла с колибри. Мелла превосходила Сайлин в весе по крайней мере фунтов на пятьдесят. Главные достоинства Сайлин — ум, ловкость и проворность — мало могли помочь ей против железных лап Меллы.

Джура стояла у городской стены среди конкурсанток и наблюдала за битвой. Она не кричала, как другие, а тихо, от всего сердца молилась.

Мелла обхватила Сайлин руками и крепко сдавила.

— Нажимай ей на болевые точки, — прошептала Джура. — Не позволяй ей бить тебя.

Она страстно желала, чтобы ее слова достигли Сайлин, и та словно услышала их, потому что надавила большим пальцем в ямку на шее Меллы, и та, взыв от боли, раскрыла объятия.

Джура перевела дух, а соперницы снова обхватили друг друга. Джура невольно бросила взгляд на королевский навес и увидела, что Руан смотрит на нее. Лицо его было сосредоточенно. За его спиной стоял Дайри и тоже не сводил глаз с Джуры. Она отвернулась и теперь смотрела только на борющихся женщин.

Неповоротливая Мелла не могла вырваться из рук Сайлин. Зернанка была в ловушке.

Сайлин так долго держала Меллу, что раздались крики «Победа! Победа!» После безуспешных попыток вырваться Мелла признала себя побежденной.

Сайлин выпрямилась, но на ее лице не было радости победы. Оно было землистого цвета, изможденное и искажено болью. В знак победы она подняла только одну руку, а вторую бережно прижимала к туловищу.

Джура поняла, что с Сайлин что-то случилось, и побежала к ней на помощь.

— Не шевелись, — скомандовала Джура, не слушая возражений Сайлин. — Обопрись на меня, но так, чтобы никто не заметил. Она тебя сильно ушибла?

— Сломано по крайней мере три ребра, — еле слышно ответила Сайлин. Голос ее дрожал. — Радуйся, я победила для тебя.

— Нет, мы сейчас же начнем наш поединок. Я проиграю в одно мгновение. Если ты отдохнешь, то вообще не сможешь стоять.

Сердце Джуры бешено колотилось. Она уже не заботилась, чтобы их поединок выглядел достоверно. Она хотела только одного: чтобы битва скорее закончилась и ее подругу объявили победительницей.

Джура и Сайлин бок о бок направились в центр поля.

— Когда состязание начнется, подними кол и стукни меня по голове, — прошептала Джура. — Я упаду, и ты станешь королевой. Сделай это резко, тебе будет не так больно. Ты понимаешь меня?

Сайлин кивнула. В ее лице не было ни кровинки.

Женщины встали в центре поля друг напротив друга. Толпа замолкла, ибо это было решающее сражение.

Трубачи дунули в трубы, и матч начался.

Джура сделала шаг влево.

— Ударь меня, — прошептала она. Сайлин стояла неподвижно. Ее глаза округлились от боли. На коже уже проступали синяки.

— Ударь меня, — скомандовала Джура, кружа вокруг подруги. — Подумай о своем драгоценном Руане. Чтобы получить его, тебе нужно всего один раз стукнуть меня. Или ты хочешь, чтобы он достался мне? Ты хочешь, чтобы я ласкала его в постели?

Сайлин замахнулась, и Джура инстинктивно, против воли, заученным годами движением подняла свой кол и отразила удар. Ее тело рухнуло к ногам Джуры.

Мгновение стояла гробовая тишина: все смотрели на бездыханное тело Сайлин. Затем по толпе разнеслось: «Джура! Джура! Джура!»

Джура опустилась на колени возле подруги.

— Сайлин, — закричала она. — Вставай! Ты должна победить.

Она принялась бить ее по щекам, но Сайлин лежала неподвижно.

— Сайлин! — снова и снова в отчаянии кричала Джура.

Толпа выбежала на середину поля, подхватила Джуру на руки и потащила прочь от лежавшей подруги.

— Нет! Нет! — кричала Джура. — Она только потеряла сознание. Матч не окончен, Сайлин не проиграла. Я не победительница. Победила Сайлин. Сайлин, встань и скажи им.

Но никто не слышал ее слов. Мужчины несли ее на плечах к королевскому навесу. Девушки из учебной гвардии окружили Сайлин, чтобы бегущая толпа не растоптала ее.

Джура все кричала и просила отпустить ее, изо всех сил пытаясь вырваться из крепких мужских рук.

Крики ликующей толпы заглушали ее слова.

Когда Джуру принесли к городским стенам, она была как помешанная. Она не видела ничего вокруг и только кричала:

— Победила Сайлин! Сайлин должна стать королевой!

В воротах верхом на конях сидели Дайри и Лора. Они хмуро смотрели на нее.

— Я не победила! — крикнула Джура Дайри, но во всеобщем шуме он не услышал ее.

Когда ее принесли к стенам старого замка Тала, она уже молчала. Все происходит не с ней. Это ночной кошмар.

В дверях, опираясь на плечо Ксанта, стоял Тал. Он поднял исхудалую руку, и толпа замолчала.

— Добро пожаловать, дочка. Твой жених ждет тебя внутри.

— Нет! — крикнула в наступившей тишине Джура. — Победила Сайлин, я...

Лицо Тала побагровело, но вмешался Ксант.

— Покорность и смирение — вот качества королевы, — громогласно произнес он.

При этих словах толпа одобрительно зашумела и внесла Джуру в замок, где их уже ждали священник и принц Руан.

Англичанин не отрываясь смотрел на Джуру, пока она отбивалась от ставящих ее на землю рук. У нее не было времени помыться и переодеться. Ее просто поставили рядом с Руаном, и священник начал свадебный обряд. Она хотела сказать Руану «нет», сказать, что он не имеет права жить в их стране, но, посмотрев на толпу вокруг, поняла, что это бессмысленно. Они пили уже три дня и теперь желали видеть достойный финал празднества.

Священник медленно повернулся к Джуре, и все взгляды устремились на нее. Наступил момент, когда надо было принять решение. Если она сейчас повернется и убежит, то ланконцы других племен скажут, что турнир был фарсом и Руан не может считаться их королем. Над ним будут смеяться. Она сражалась за него и должна получить желанный приз.

— Джура, — окликнул ее Руан, — ты хочешь выйти за меня замуж или нет?

Она повернулась и взглянула на него. Его бездонные синие глаза, казалось, видели ее насквозь.

Джура повернулась к священнику.

— Я согласна, — прошептала она пересохшими губами.

Толпа одобрительно загудела, и Джура больше не слышала слов священника. Руан улыбнулся и заключил ее в объятия. Он что-то шептал ей на ухо, но Джура не разбирала слов, а когда он попытался поцеловать ее, она отвернулась.

Это ее движение, похоже, только раззадорило толпу.

— Тебе предстоит завоевать ее, принц, иначе ты ее не получишь, — раздался чей-то голос.

Джура воспользовалась всеобщей заминкой, вырвалась из рук Руана, который стал теперь ее мужем, и, юркнув сквозь толпу, выбежала в боковую дверь. Люди смеялись ей вслед, но ей было все равно. Она должна выбраться отсюда, найти Дайри и Сайлин и поговорить с ними.

— Ты дурак, Руан, — гневно сказала Лора брату. — Еще есть время отказаться от нее. Сделай это сейчас, пока дело не дошло до постели.

Руан сидел за ужином уже целый час. Последние три дня он неотрывно следил за соревнованиями. Его занимала только одна мысль: Джура должна победить. Он так беспокоился за нее, что не мог есть.

— Я хочу только Джуру, — произнес он с набитым ртом.

— А она тебя хочет? Где она сейчас? Почему убежала от тебя? Почему рядом с тобой нет твоей жены?

Руан сделал большой глоток вина.

— Она занята своими женскими делами. Может быть, она захотела принять ванну или переодеться. Что обычно делают невесты в день свадьбы?

Лора в гневе прижала кулаки к вискам. С улицы раздавались крики пирующих.

— Руан, — сказала она, стараясь говорить спокойно. — Ты всегда был разумным человеком. Ты изучил все, что касается Ланконии. Ты говорил мне, как велика твоя ответственность перед этой страной, но сейчас ты рискуешь всем на свете, и я не могу понять почему. Ты никогда не терял голову, когда речь шла о женщинах. Помнишь, в прошлом году нас посетила красавица леди Джейн Уиттон? Ни один мужчина не устоял перед ее хорошеньким личиком, и только ты сказал, что у нее змеиный характер, и оказался прав. Чем же эта Джура околдовала тебя? Она не так красива, как леди Джейн.

— Джура прекраснее, чем тысяча леди Джейн. Он сосредоточенно смотрел в тарелку.

— Нет! — воскликнула Лора. — Она сестра человека, который жаждет твоей смерти. Ты берешь в постель врага. Она ночью перережет тебе горло.

— Лора, успокойся. Я знаю, когда прав. Едва я увидел ее, я понял, что она моя. Лора сидела напротив него.

— Что ты знаешь о ней, кроме поцелуев и того, что она красива? — холодно спросила Лора.

— Все, что мне нужно знать. Лора вздохнула.

— Позволь мне рассказать тебе о Джуре. Я считала своим долгом все разузнать о ней. Она верная, любящая сестра человека, который претендовал на твой трон. И единственный способ получить его теперь — это убить тебя. Она не собиралась сегодня выигрывать турнир. Об этом в женской гвардии знают все. Джура хотела помочь Сайлин победить. Если ты вспомнишь бой между Джурой и Сайлин, то поймешь, что Сайлин не была побеждена: она просто потеряла сознание. Сейчас она лежит в женском бараке с четырьмя сломанными ребрами и вывихнутым плечом. Странно, что она вообще могла стоять на собственных ногах после поединка с Меллой.

Руан рассеянно смотрел на сестру, и Лора поняла, что ее слова не доходят до него.

— И потом, у нее есть любовник, — тихо произнесла она.

Руан опустил глаза.

— Сын Бриты.

— Дайри? — удивленно переспросил Руан. — Дайри, сын Бриты? Но он мой...

— Твой друг? Ты думаешь, что он твой друг. Ты рассказал ему о своей любви к Джуре? А он не сообщил тебе, что они помолвлены с детства?

Руан нахмурился, и у Лоры появилась надежда, что он, наконец, слушает ее.

— Джура — твой враг, — сказала Лора. — Она хочет, чтобы ты уехал из Ланконии. Она хотела, чтобы ты женился на Сайлин, но, подумав, решила, что ей будет легче добраться до тебя, если сама станет твоей женой. О, Руан, прошу, послушай меня. Я боюсь за твою жизнь. Она может отравить тебя, пронзить кинжалом, а обвинить кого-нибудь другого. Ты настолько увлечен ею,

что она может заставить тебя сделать все, что угодно. Ты созвал турнир, чтобы получить ее. Бедная, несчастная Сайлин сейчас лежит с переломанными ребрами. Кто еще должен пролить кровь из-за твоей страсти к Джуре? Она не любит ни Филипа, ни меня. Что нам делать, если она прикажет нам уехать отсюда?

— Прекрати! — повысил голос Руан. Он встал и зашагал по комнате. В словах Лоры была большая доля правды. Он знал, какую власть имеет над ним Джура, но не представлял, как она сможет ее использовать.

— Я не верю, что она хочет моей смерти, — тихо сказал он. — Она чувствует ко мне то же, что и я к ней.

Но сомнения уже зародились в его голове и отравляли праздник. Как он может не верить Джуре? Его любовь к ней и ее к нему была единственной вещью, в которой он не сомневался с тех пор, как пересек границы Ланконии.

Лора презрительно поджала губы.

— Руан, я женщина, и знаю, как легко мужчина может попасться на удочку. Каждый мужчина думает, что он самый лучший и что женщина любит только его. Но Джура любит Дайри и своего брата и вышла за тебя замуж только ради них. Она уберет тебя с их пути, а когда ты будешь мертв, выйдет замуж за Дайри, а королем станет Джералт.

— Я не верю тебе, — еле скрывая бешенство, сказал Руан. — Это женщина... любит меня.

— Тогда где же она? — воскликнула Лора. — Почему се здесь нет? Она сейчас со своим любовником строит планы, как лучше убить тебя.

Руан мгновение пристально смотрел на сестру.

А что, если она права?

— Где Джура? — спокойно просил он.

— Я не знаю, — ответила Лора. — Я послала за ней Монтгомери, но он не нашел ее. Когда Джуру внесли сюда, Дайри ускакал из города. Может, она побежала за ним?

Руан вспомнил тихий прохладный ручей, где впервые увидел Джуру. Может, она пошла туда? Он встал и направился к двери.

— Куда ты? — взволнованно окликнула его Лора. Руан холодно взглянул на нее.

— Я пойду искать свою жену.

— А если она с Дайри? — прошептала Лора.

— Этого не может быть, — отрезал он и вышел из комнаты.

Лора мгновение стояла неподвижно. Потом ей пришло в голову, что может случиться, если Руан застанет Джуру в объятиях другого мужчины. Она выбежала из комнаты, чтобы найти Ксанта. Ксант знает, что нужно делать.

— Ты дура, которая лезет не в свое дело, — ответил Ксант, когда Лора повторила ему то, что сказала Руану.

Он начал прилаживать седло.

— Джура не убийца. И потом, она девственница. У нее с Дайри ничего не было. Тебе не следовало говорить такое Руану и заставлять его сомневаться в Джуре.

— Он мой брат, и я должна защищать его.

— Так же, как Джералт — брат Джуры. Она никогда не отравит Руана, так же, как ты никогда не отравишь Джералта.

— Ты не знаешь женщин, — выдавила из себя Лора.

— Возможно, но я знаю Джуру. — Он взглянул на

Лору, которая от волнения закусила губу. — Ты любила человека, за которого вышла замуж, так же сильно, как любишь Руана? Лора вздрогнула.

— Да.

Ничего не ответив, Ксант вскочил на коня.

— Мне кажется, я знаю, где искать Джуру. Женщины иногда там охотятся. — Он сверху взглянул на Лору. — Иди в дом. Я смогу защитить твоего брата от него самого.

В голове Руана роились мысли, которые заронила в нее Лора. С самой первой встречи с Джурой он знал, что любит ее. Ни одна женщина не поражала его воображение так, как она. Конечно, это была любовь. Но чувствует ли Джура то же самое? Он полагал, что да, но она сама никогда ему об этом не говорила. Проживая вновь три их короткие, бурные встречи, он не мог вспомнить, проронила ли она хоть слово.

Руан спрыгнул с коня недалеко от того места, где впервые увидел Джуру, и беззвучно растворился в темноте. Из-за деревьев доносились разгневанные голоса. Он подошел ближе, чтобы разобрать, о чем говорят.

— Ты лгала мне, Джура, — говорил Дайри. — Сколько раз ты тайно встречалась с ним? Он рассказал мне, как ты прибегала к нему.

— Я не прибегала к нему, — ответила Джура. Ее голос дрожал от еле сдерживаемых слез. — Я дважды встретила с ним случайно, и один раз он заманил меня хитростью. Я не хотела встречаться с ним. Ты знаешь, как я его всегда ненавидела. Он не ланконец. Королем должен стать Джералт. У Руана нет никаких прав...

— Ну, теперь у него есть все права, — сказал Дайри. У него есть право держать тебя в объятиях. Вот почему ты так упорно тренировалась перед турниром! Чтобы победить Сайлин и стать его женой. Неужели похоть руководит не только твоим телом, но и головой? Теперь ты забудешь о своем народе. Ты предала нас!

— Нет! — крикнула Джура. — Я не предатель. Джура лгала и знала это. Но она не хотела потерять человека, который столько лет был ее другом.

Сколько раз он прятал ее от Тала, когда старик был сердит на нее!

— Он напал на меня.

— Ха, скажешь ему это в постели в первую ночь.

— Клянусь Богом, я не лягу с ним в постель, — сказала Джура.

— Твое желание сейчас исполнится, — с бешенством в голосе сказал Руан. Он вышел из тени и обнажил меч. — И ты, — сказал он, обращаясь к Дайри, — умрешь за то, что прикоснулся к моей жене. Дайри тоже вытащил меч.

— Нет! — крикнула Джура и бросилась к Руану. — Не трогай его. Я сделаю все, что ты хочешь.

— Мне от тебя ничего не нужно, — отрезал Руан.

Он небрежно оттолкнул ее, и Джура упала в сырую траву в нескольких футах от него.

Она смотрела на сцепившихся мужчин, не зная, как остановить их. Выхватив нож, Джура попыталась вскочить на ноги, но чьи-то крепкие руки схватили ее за плечи, не давая встать. Она подняла голову и увидела Ксанта.

Ксанти совершенно спокойно шагнул между мужчинами и сказал, обращаясь к Руану:

— Мой господин, ты можешь взять жизнь этого человека, но я прошу тебя остановиться. Он потерял сегодня свою невесту; потерял внезапно и у всех на глазах.

— Нет, здесь дело в другом, — отрезал Руан. — Отойди с дороги.

— Нет, господин, — ответил Ксанти, не двигаясь с места. — Все дело в том, что два горячих, молодых оленя дерутся из-за самки.

Внезапно Руан осознал все, что сделал. Именно этого всегда боялся Фейлан. Он вел себя, как чувствительный англичанин, а не как ланконец. Он должен взять себя в руки во что бы то ни стало. Шрам на ноге заныл с такой силой, словно Фейлан только сейчас поставил ему эту отметину. Руан выпрямился и вложил меч в ножны.

— Ты прав, Ксанти. Дайри, эта женщина твоя. Я не стану добиваться силой ее расположения. Бери ее.

Руан повернулся и направился к лошади, оставив всех троих в оцепенении.

Ксанти первым пришел в себя.

— Она твоя жена, мой господин. Ты не можешь от нее так легко отказаться. Народ будет разгневан, он...

— К черту народ! — крикнул Руан. — Эта женщина ненавидит меня. Я не могу взять ее в жены. Объяви, что последнее состязание было недействительным. Я женюсь на Сайлин.

— И я буду первым, кто проводит тебя до границ Ланконии, — произнес Ксанти. — Незачем было приезжать сюда из Англии, если тебе наплевать на нас. Ты хотел получить эту женщину. Ты устроил турнир. Теперь, видит Бог, тебе предстоит выбрать: Англия или Ланкония. Если ты отвергнешь ее, то потеряешь королевство.

Руан понимал, что все, что говорит Ксанти, правда. Но как жить с женщиной, которая ненавидит тебя? С женщиной, которая находит твои прикосновения гадкими и омерзительными, которая молит Бога о том, чтобы никогда не лечь с тобой в постель? Руан

стиснул зубы.

— Я женился на ней, но, клянусь Богом, не прикаснусь к ней до тех пор, пока она не попросит меня об этом.

Их прервал стук копыт. Появился Джералт. Его смуглое лицо в тусклом лунном свете казалось почти черным.

Джералт посмотрел на Руана.

— Наш отец умер, — сказал он и, дернув поводья, поскакал в сторону Эскалона.

Ни на кого не глядя, Руан направился к лошади. Теперь он король. Король народа, который не хочет, чтобы он был королем, муж женщины, которая не хочет, чтобы он был ее мужем.

Глава 7

Джура прислонилась к дереву. От быстрого бега у нее заболело под ребрами. Со смерти Тала прошла неделя. Все это время Джура провела на тренировочном поле, оставив его только для участия в похоронной церемонии. У могилы Тала она мельком взглянула на человека, который был теперь ее мужем, но он быстро отвернулся и отошел.

Джура со злостью подумала, что все в городе смотрят на нее, как на чужую. Женщины из гвардии бросают ехидные взгляды и умолкают при ее приближении. Через три дня после турнира девушки из учебной гвардии перестали ее слушаться. Онора, своенравная и самолюбивая красавица, мечтающая стать командиром женской гвардии и неистово сражавшаяся на турнире, презрительно посмотрела на Джуру и сказала, что если Джуру отверг король, то им не за что уважать ее. Это было сказано в присутствии десятка молодых женщин-гвардейцев, каждая из которых нагло смотрела на Джуру.

Первым желанием Джуры было всадить нож в Онору, но она была не настолько глупа, чтобы бороться в одиночку против десятерых. Собрав все свое достоинство, она повернулась и покинула поле.

Похоже, все были против нее. В гвардии считали, что она лгала всем, говоря, что не хочет стать победительницей в турнире и намеренно стукнула Сайлин колом. Что касалось Сайлин, то она лежала в своей комнате, ее раны медленно заживали, и она наотрез отказывалась видеться с Джурой.

Сейчас, прислонясь к дереву, Джура твердо знала, что ненавидит Руана.

Она была настолько вне себя, что поначалу не услышала приближающихся шагов. Мужчина подошел к ней почти вплотную, прежде чем она схватилась за нож. Это был один из английских рыцарей, сопровождавших Руана из Англии.

— Убери нож, — скомандовал он.

Это был молодой человек, одетый на английский манер в широкую, просторную одежду. Он враждебно смотрел на нее.

— Мой господин приказывает тебе прийти.

— Я не подчиняюсь ему, — ответила Джура, держа нож наготове.

Мужчина сделал шаг вперед.

— Ну, давай, угрожай мне. Я с удовольствием продырявлю твою шкуру.

— Нейл! — раздался громкий голос слева от Джуры.

Джура повернулась на голос. Рядом с ней стоял еще один английский рыцарь. Он был постарше, или казался старше из-за шрама на лице.

Мужчина повернулся к Джуре.

— Леди... — он остановился, потому что Нейл презрительно фыркнул. — Король Руан желает, чтобы ты пришла к нему.

— У меня здесь дела, — ответила Джура.

— Ах ты, сука, — пробормотал Нейл и сделал шаг к ней.

— Это не просьба, а приказ, — сказал второй рыцарь. — Пожалуйста, идем с нами.

По его взгляду Джура поняла, что если не пойдет с ними, то навлечет на себя серьезные неприятности. Пришло время расплачиваться за невольную победу в турнире. Она убрала нож в ножны.

— Я готова.

Джура последовала за рыцарем со шрамом к опушке леса. Нейл шел сзади. Там их ждали оседланные лошади, и все трое поскакали к Эскалону.

После замужества Джура вела уединенный образ жизни. Ей не хотелось знать, что думают ирландцы о том, что она живет отдельно от Руана. Но стоило ей въехать в город, как собралась толпа. Над ней смеялись и называли королевой-девственницей. Им нравилось, что король отверг ее.

Джура старалась не показывая виду, что это задевает ее. Внутри замка было гораздо чище, чем когда здесь жила Джура. Она презрительно хмыкнула. Тратить время на такую ерунду!

Рыцари открыли дверь в хорошо знакомую ей комнату. Тал проводил здесь военные советы и разрабатывал планы ведения войны. Она вошла в комнату, и дверь за ней закрылась. Прошло некоторое время, прежде чем ее глаза привыкли к темноте.

Руан сидел в углу комнаты.

— Можешь сесть, — сказал он.

— Я буду стоять, — ответила она. Джура чувствовала, что он сердит, но и она была сердита не меньше него.

— Нам нужно поговорить, — процедил он сквозь зубы.

— Мне нечего тебе сказать. Все уже сказано, — возразила она.

— Черт возьми! — вспыхнул он. — Ты сама виновата, что соблазнила меня и заставила думать, что любишь меня.

Хотя Руан совсем не был похож на Тала, но говорил он в точности как Тал. Тал тоже считал, что всегда прав, и во всем обвинял других.

— Не нужно смешивать увлечение и любовь, — спокойно сказала Джура. — Мне может понравиться кузнец, но это не значит, что он должен стать моим мужем.

— Я король, а не кузнец.

Она в упор посмотрела на него.

— Ты не мой король. Ты англичанин, который по жестокой воле рока стал моим мужем. Есть способы расторгнуть наш брак.

Руан встал и подошел к окну. Через закрытые ставни в комнату проникала узкая полоска света.

— Да, — сказал он спокойно. — Я думал об этом, но, боюсь, что это невозможно. По крайней мере, сейчас, когда в народе еще свежи воспоминания о турнире. — Он помолчал. — Я проклинаяю тот день, когда мой отец встретил мою мать. Лучше бы она вышла замуж за раба, чем за ланконца.

Руан говорил так тихо, что Джура с трудом разбирала его слова. Он повернулся к ней спиной.

— Я хочу объединить племена Ланконии, но боюсь, что иррианцы не последуют за мной, если я отвергну приемную дочь их прежнего короля.

Джура засмеялась.

— Объединить племена Ланконии? А ты не хочешь передвинуть Тарновианские горы? Чуть ближе к югу? Или повернуть вспять реку Сиар?

Его глаза вспыхнули.

— Как я мог позволить, чтобы мое тело управляло моим разумом? Почему я не поговорил с тобой, прежде чем созвать турнир?

— Турнир созвал ты? А я думала, что это сделал Тал, чтобы дать всем племенам возможность претендовать на королевский трон.

— Этим дураком был я. Я созвал турнир, потому что не видел другой возможности получить тебя. Я был уверен, что ты победишь.

Мгновение Джура стояла неподвижно, но уже в следующее бросилась на Руана с кулаками.

— Ты изувечил мою подругу Сайлин только из-за своей похоти? — вскрикнула она. — Ты расстроил мою помолвку с Дайри!

Руан крепко схватил ее. Он был взбешен, но в то мгновение, когда прикоснулся к ней, вся его злость превратилась в желание. Губы Руана с силой прижались к губам Джуры, и она ответила ему. Она обвила руками его шею, плотнее прижимаясь к нему, ее губы раскрылись. Ее гнев, отчаяние и одиночество превратились в желание. Он может сделать с ней все, что захочет.

Внезапно он оттолкнул ее, и Джура упала на каменный пол.

— Нам нужно поговорить, — процедил Руан сквозь зубы.

Он дышал, как загнанная лошадь.

— Я дал перед Богом клятву, что не прикаснусь к тебе.

Джура пыталась собраться с мыслями.

— Мы ведь муж и жена, — пробормотала она.

— Ты должна попросить меня об этом, — произнес Руан.

— О чем? — спросила Джура, поднимаясь.

— Если ты хочешь, чтобы я пришел к тебе в постель, ты должна попросить меня об этом. Джура непонимающе смотрела на него.

— Это одна из ваших английских традиций? Заставить ваших нежных англичанок просить вас? Это возможность лишней раз унижить их и продемонстрировать свою власть? Ланконцы не заставляют женщин унижаться. Ланконские мужчины — настоящие мужчины.

В Руане вновь вспыхнуло бешенство. Он сделал шаг вперед и попятился, как человек, слишком близко подошедший к огню.

— Я поклялся перед Богом и не нарушу свою клятву. А теперь нам нужно кое-что обсудить.

— Мне нечего с тобой обсуждать, — отрезала Джура и направилась к двери.

Он схватил ее за руку, но тут же отпустил.

— Сядь, — приказал он. Джура пожала плечами и села.

— Как бы то ни было, по коварному замыслу судьбы мы стали мужем и женой. Если бы я не был наполовину англичанином и если бы Джералт не был твоим братом, я бы расторгнул этот брак. Но обстоятельства сложились по-другому, и я не могу сделать этого. Завтра я отправляюсь на переговоры с предводительницей племени вательцев, и ты должна поехать со мной. Джура встала.

— Ни за что.

Руан тоже поднялся и вплотную подошел к ней.

— Для того, чтобы в мое отсутствие ты не попыталась собрать армию и посадить на трон своего наглого, крикливого братца, я хочу, чтобы ты... вы оба были около меня и я мог видеть, что вы делаете.

— А может, это для того, чтобы люди не думали, что ты не в состоянии лишить свою жену невинности? — кротко спросила Джура.

Она чувствовала на губах его дыхание.

— Я могу сделать это на счет «раз». Он перевел взгляд на ее губы и вновь посмотрел ей в глаза.

— Но я этого не сделаю.

Джура отошла от него. Неважно почему, но этот глупый англичанин отверг ее. Это стало еще одним пунктом в длинном списке причин, по которым она ненавидит его.

— Я останусь здесь и...

— Нет! — резко оборвал ее Руан. — Хочешь ты или нет, но ты моя жена и должна вести себя так, как полагается жене. Если ты не хочешь разделить со мной постель, тебе все равно придется жить со мной в одной комнате или палатке. Я решил объединить племена, и ничто не встанет на моем пути. Если народ хочет видеть меня вместе с моей девственной женой, он это увидит. А я буду уверен, что за моей спиной не зреет заговор.

— Если я воткну в тебя меч, то в сердце, а не в спину.

— Я учту это, — ответил он сухо.

— Это твое дело, — сказала Джура. Потом в ее глазах появилось любопытство. — Как ты собираешься объединять племена? Ты хочешь завоевать их?

Руан подошел к окну.

— Нет, уговорами. Я хочу переженить их друг на друге, чтобы через пару поколений они уже не знали, какого они племени. Все будут ланконцами.

Джура улыбнулась.

— И как же ты думаешь сделать это? Они же ненавидят друг друга. — Улыбка исчезла с ее лица. — Ты ничего о нас не знаешь. Эти люди скорее умрут, чем потеряют свою независимость. Почему бы тебе не вернуться в Англию и не оставить нас в покое, пока не разразилась война?

— А ты поедешь со мной? Этот вопрос ошеломил Джуру.

— Жить в Англии, где женщины должны просить у мужчин благосклонности?

Руан открыл рот, чтобы возразить ей, но передумал.

— Я не буду тебе ничего объяснять. Твой долг — слушаться меня, и больше ничего. Тебе придется сопровождать меня в путешествии по Ланконии. Мне не нужны ни твои советы, ни твои замечания. Ты должна быть просто женой.

— Как англичанка, мышка в доме своего мужа, — сказала Джура. — Тебе предстоит узнать, что ланконских женщин не так просто подчинись, как твоих бледнолицых английских кукол. Я поеду с тобой, но какое это имеет значение? К ближайшему полнолунию я уже буду вдовой.

Она повернулась и вышла из комнаты.

Идя по тускло освещенному каменному коридору, Джура думала, какой же дурак этот Руан. Он собирается ездить по главным городам каждого племени и уговаривать людей перестать ненавидеть друг друга. Она была права: через пару дней кто-нибудь убьет его.

Но то, что он не пускает ее к себе в постель, — это не на шутку озадачило ее. Неужели он не хочет ее? Нет, это ерунда. Может быть, все англичане такие? Может, он никак не свыкнется с их браком? Она пожала плечами. Кто разберет, что думают эти иностранцы?

— Ты Джура, — раздался тонкий, тихий голос. — Ты победительница.

Джура оглянулась и увидела маленького сына англичанки. Она подозревала, что он младше, чем кажется. Его бледная кожа и волосы напоминали ей хлеб, который недодержали в печи. В свете факелов, укрепленных на стене, лицо мальчика казалось еще бледнее.

— Что тебе нужно? — спросила она, разглядывая малыша. Это был ее будущий враг. — Я видел тебя, — сказал мальчуган. Его круглые синие глаза были как полевые цветы. — Я видел, как ты победила. Ты научишь меня бегать, как ты? И бороться? И стрелять из лука? Джура не смогла сдержать улыбки.

— Возможно.

Мальчик улыбнулся ей в ответ.

— Вот ты где, — раздался голос из другого конца коридора. Это был молодой человек по имени Монтгомери, и Джура инстинктивно схватилась за нож, но взгляд оруженосца был скорее уважительным, чем враждебным, и Джура успокоилась.

— Это Джура, — гордо сказал малыш.

— Да, я знаю, — ответил Монтгомери и улыбнулся. Джура отметила, что он скоро станет красивым молодым человеком, и тоже улыбнулась.

— В чем дело? — строго спросил внезапно появившийся Руан. — Монтгомери, у тебя больше нет других дел, как болтать с моей женой? Оружие не чищено, копья не заточены.

— Слушаюсь, мой господин, — ответил юноша, но, прежде чем уйти, снова улыбнулся Джуре.

При громогласных звуках голоса своего дяди маленький Филип спрятался за Джуру и обхватил руками ее бедро. Джура с удивлением смотрела на малыша.

— Филип, — грозно сказал Руан. — Что ты делаешь?

— Это Джура, — сказал мальчик вместо ответа.

— Я сам отлично знаю, кто это. Отойди от нее. Джура усмехнулась.

— Если ты не можешь справиться с ребенком, то как ты собираешься справиться с Бритой или Айном, которые командуют целыми племенами? И со старым, толстым Марекком?

Руан схватил Филипа за руку, но тот лишь крепче вцепился в Джуру, которая заслонила малыша своим телом.

Руан внезапно отпрянул.

— Ты имеешь надо мной какую-то власть. Ты заставляешь меня вести себя глупее, чем мой шестнадцатилетний оруженосец. Я не буду драться с тобой из-за ребенка, ты, несомненно, околдовала и его тоже. Но запомни, он не наследник. Тебе нет смысла причинять ему вред.

— Причинять вред ребенку? — в ужасе спросила

Джура. — Ты заходишь слишком далеко. Самый большой вред ты причинишь себе сам. Ланконцы устали от твоего наглого превосходства. А теперь я хочу есть. Я имею на это право,

или ты поклялся, что этого мне тоже не позволишь?

Ноздри Руана задрожали от бешенства.

— Идем.

Он повернулся и направился в зал. Джура собралась последовать за ним, но Филип схватил ее за руку.

— Ланконские воины не держатся за руки, — сказала она. — И расправь плечи.

— Слушаюсь, сэр, — ответил Филип, и Джура не стала его поправлять.

— Может, мы подыщем тебе одежду, более подходящую для ланконского воина.

— И нож? — спросил он. Глаза его засверкали.

— Конечно.

В главном холле были накрыты длинные столы; слуги разносили блюда с мясом и овощами. Джура хотела занять свободное место на другом конце стола, но Руан сделал ей знак сесть рядом с ним. Филип следовал за Джурой, как тень.

— Филип, — позвала Лора. Она сидела с другой стороны от Руана.

— Джура разрешила мне сесть рядом с ней, — ответил мальчик, стараясь держать спину ровно.

Лора хотела встать, но Руан остановил ее. Священник благословил трапезу, и примерно пятьдесят обедающих накинудись на еду так, словно умирали с голоду. Они жевали так же шумно, как спорили про оружие, лошадей или выясняли, кто из них лучший воин.

Спустя четверть часа двое мужчин вскочили и вцепились друг другу в горло, словно хотели задушить друг друга.

Хотя Руан много знал о нравах ланконцев, но такое он видел впервые. Он разговаривал с Лорой и даже не сразу сообразил, в чем дело.

Но Джура отреагировала мгновенно. В два прыжка она перемахнула через стол, прыгнула на одного из мужчин и так стукнула его, что все трое, потеряв равновесие, упали на пол. Джура на лету выхватила нож.

— Я проткну любого, кто помешает мне есть, — крикнула она.

Мужчины моментально успокоились и поднялись с пола.

При виде этого вполне заурядного события ланконцы лишь на мгновение оторвались от еды, но для англичан оно не было заурядным. Джура поднялась, стряхнула пыль и встретилась глазами с Руаном. Лора стояла у стены, прижимая к себе Филипа.

Джура не могла понять, что ужасного она сделала, чтобы так на нее смотреть. Лицо Руана стало красным, как солнце на закате, на шее проступили вены. Трое рыцарей в ужасе смотрели на нее.

Джура спрятала нож.

— Еда остынет, Филип вырвался из рук матери, подбежал к Джуре и обхватил ее ноги руками.

Она нежно погладила его по голове, улыбнулась и, отстранив от себя, мягко спросила:

— Разве ланконцы боятся?

— Женщины не могут бороться с мужчинами, — прошептал мальчик.

— Правильно, но это же Рабан и Сексан. Они всегда дерутся. А сейчас выпрями спину и...

Она остановилась, потому что Лора, оправившись от изумления, схватила сына за руку и оттащила от Джуры.

— Как ты смеешь, — сказала Лора. — Как ты смеешь прикасаться к моему ребенку и учить его, что ему делать? Ты не женщина. Тебе нельзя находиться рядом с детьми.

Джура сделала шаг к Лоре. Ее глаза холодно смотрели на англичанку. Но Руан встал между ними.

— Идем со мной, — сказал он.

Джура еще никогда не видела такого выражения на его лице.

На этот раз ланконцы прекратили есть и с любопытством наблюдали за развитием событий. Драка и прыжок Джуры через стол не очень взволновали их, но они не понимали, чего хочет этот англичанин. Он рассердился, потому что стражница прервала драку? Это ее работа.

— Идем со мной, — повторил Руан.

— Я хочу есть, — сказала Джура, глядя на стол и быстро исчезающую пищу.

Пальцы Руана больно стиснули ей плечо, и он подтолкнул ее к двери. Джура попыталась вырваться, но он крепко держал ее.

Они оказались в маленькой комнате, где хранились бочки с пивом и мед.

— Никогда, — сказал он, как только дверь закрылась, — никогда моя жена не будет вести себя так, как сейчас. — От злости он с трудом мог говорить. — Прыгать через стол, как потаскуха и... и... — он чуть не задохнулся — и наваливаться телом на мужчин.

«Этот человек сошел с ума», — подумала Джура, а вслух сказала:

— Это моя работ. Я служу в женской гвардии и должна пресекать споры и драки. Если бы Джералт обедал с нами, это бы сделал он.

Лицо Руана стало багровым.

— Здесь я король, и я буду пресекать споры между моими подданными, а не моя жена.

— Кажется, я начинаю понимать, — сказала Джура, теряя терпение. — Это потому, что я женщина. Ты думаешь, ланконские женщины трусливы и так же беспомощны, как твоя сестра?

Руан подошел к ней ближе.

— Оставь мою сестру в покое. Я повторяю тебе, ты не должна вести себя, как дикарь. Ты женщина, и должна вести себя как женщина.

— Глупости. По-твоему, я должна сидеть и вышивать, чтобы доказать, что я женщина. Неужели я похожа на мужчину?

Руан невольно скользнул взглядом по ее телу: крепкой груди, округлым бедрам, стройным ногам, слегка прикрытым короткой туникой. В тысячный раз он проклинал себя за то, что дал клятву не прикасаться к ней.

— Тебе придется послушаться меня, или ты пожалеешь, — сказал он.

— А что ты сделаешь? Прикажешь посадить меня в тюрьму? Кто станет слушаться твоих приказов? Ланконцы? Если со мной что-нибудь случится, тебе не дадут живым выйти за ворота Эскалона. На этом закончатся твои дурацкие мечты объединить племена Ланконии.

Руан сжал кулаки. Никто еще не выводил его из терпения так, как эта девушка. Он не терял самообладания, когда его дразнили глупые сыновья Вильяма.

Ни одной женщине еще не удалось рассердить его. Женщины — это нежные, добрые существа, созданные на радость мужчине. Если мужчина отправляется на охоту, то, вернувшись, рассказывает жене об опасностях, которые его подстерегали, а она слушает, затаив дыхание, и восхищается его храбростью. Но Джура может принести с охоты оленя крупнее, чем подстрелит он сам.

— У тебя есть женская одежда? — спросил Руан. — Почему ты носишь только это?

Он указал на мешковатые брюки и высокие ботинки.

— Ты рассуждаешь, как малый ребенок, — возразила Джура. — Какая разница, во что я одета? Мой долг...

Она остановилась, потому что Руан притянул ее к себе.

— Твой долг быть рядом со мной, — сказал он взволнованно. — И не прижиматься всем телом к другим мужчинам.

— Ты имеешь в виду, когда я останавливала драку?

Джура говорила медленно и тихо. Она не могла ясно соображать, когда он прикасался к ней.

— Джура, ты со мной что-то сделала. Я не узнаю себя.

— Я скажу тебе, кто ты: ты англичанин в чужой стране. Тебе нужно отдать трон моему брату и вернуться в Англию.

Он оттолкнул ее.

— Оставь меня. Иди набивай живот и больше не вмешивайся в споры между моими подданными.

— Они не твои подданные. Они ланконцы, — сказала Джура и поспешила в главный зал. Столы были уже пусты, но ей удалось схватить кусок оленины прямо с подноса слуги.

По дороге к баракам ей встретился Джералт.

— Тебя не было на обеде, — сказала Джура. — Сесть за стол с врагом? — презрительно спросил Джералт. — Я слышал, ты теперь будешь жить вместе с ним?

— И путешествовать. Этот дурак хочет объединить племена.

Джералт цинично рассмеялся.

— Его убьют в первом же племени.

— Я сказала ему то же самое, но он не слушает. Его скоро убьют, но, может, это и к лучшему. Некоторые мужчины уже восторгаются им. Ксант не отходит от него ни на шаг.

Джералт приблизился вплотную к Джуре и понизил голос:

— Ты хочешь приблизить его смерть?

— Он сам себя убьет. Я не убийца.

— Значит, это правда, что ты перешла на его сторону? Сайлин говорит, что ты сражалась на турнире для себя, потому и стукнула се колом. Скажи мне, неужели этот иностранец тебе дороже собственного народа?

Ее ноздри гневно задрожали.

— Ты думаешь, что твои оскорбления подтолкнут меня на убийство? Тогда ты меня не знаешь. Я говорю тебе, что он дурак и сам найдет свою смерть. Ты станешь королем, но твои руки не будут запачканы кровью родного брата.

— Если только ты не родишь от него ребенка, — сказал Джералт.

— Это невозможно, — ответила Джура.

— Он не мужчина? — удивленно спросил Джералт.

— Я не знаю. Он говорит, что дал клятву, что... — Она замолчала. — В ближайшее время у него не будет детей. Наберись терпения и жди. Ты будешь королем.

Она повернулась и пошла через внутренние ворота в город. В городе было тихо. И люди, и животные спали.

Объединить племена, думала Джура. Немыслимая идея. Люди разных племен так ненавидят друг друга, что не могут жить даже по соседству, и глупый англичанин никогда не сможет понять этого. Чтобы понять образ мыслей ланконцев, нужно быть ланконцем.

Ах, подумала она, пожимая плечами. Какое это имеет значение, если его все равно скоро убьют. Она остановилась. Нет, он не может умереть прежде, чем она проведет с ним ночь. В конце концов, они женаты.

Зевнув, Джура направилась к замку Тала. Этой ночью она будет спать в его комнате, и, может быть, к утру больше не будет девственницей. Она улыбнулась и прибавила шаг.

Глава 8

Руан теперь занимал комнату Тала. Джура открыла дверь и увидела его сидящим за столом. Руан поднял голову и недовольно спросил:

— Зачем ты здесь?

— Ты сам велел, — ответила она спокойно. — Ты велел своим наглым рыцарям забрать меня из барака со всеми вещами и привезти сюда. Я полагала, это для того, чтобы я приступила к обязанностям королевы.

Он внимательно посмотрел на нее.

— Сядь здесь и не мешай мне, — сказал Руан. Он повернулся к столу, заваленному книгами и бумагами.

«Интересно, он привез эти книги с собой или взял их из скудной библиотеки Тала?» — подумала Джура. Она не собиралась слушаться его, поэтому подошла сзади и заглянула ему через плечо.

Он обернулся.

— Что ты делаешь?

— Смотрю, — ответила она, затем кивком указала на лежащую перед ним карту. — Здесь ошибка. Границы вательцев проходят гораздо севернее. Тал завоевал большую часть их земли, когда я была еще маленькой. В том бою погиб мой отец.

Она села на край кровати и принялась развязывать ботинки.

Руан повернулся к ней.

— Ты хорошо знаешь, где проходят границы? — Думаю, что лучше, чем ты.

Он встал, взял карту и пересел на кровать.

— Эту карту составил Фейлан больше двадцати лет назад. Покажи мне, что изменилось с тех пор. Где еще мой отец устроил резню за чужие земли?

Джура сбросила ботинки и пошевелила голыми пальцами.

— Тал делал то, что он должен был делать. Половина вательских земель расположена в горах, где ничего не растет. Поэтому они делали набеги на нас и крали урожай.

— И мой отец положил конец этим набегам, — задумчиво произнес Руан. — Как же вательцам удается пережить зиму?

— С трудом, — ответила Джура. — Ты ненавидишь нас за это?

Руан удивленно посмотрел на нее.

— Как я могу ненавидеть мой собственный народ? Покажи мне новые границы.

Джура наклонилась к нему и повела пальцем по карте.

— Они в общем-то неплохие люди, — сказала она, — не как зернанцы или ултены. Вательцы...

— Да, я знаю, — нетерпеливо перебил ее Руан. — Покажи мне, где находятся поля ирлианцев.

— Если ты все знаешь, зачем мне показывать? Руан посмотрел на карту.

— Поля должны быть здесь. Их защищают три речки и ирлианская гвардия. Урожай: ячмень, пшеница и рожь. На лугах пасутся овцы. Кони — потомки лошадей, которых они украли у фаренцев. Молодые ирлианцы до сих пор по ночам совершают набеги на лагерь фаренцев. Для этого они пересекают территорию вательцев вот здесь, в густом лесу, затем вдоль козьей тропы до...

— Откуда ты это знаешь? — спросила Джура.

— Когда другие мальчишки играли во дворе в мяч, я со старым Фейланом учил ултенский язык.

— Ултенский? — переспросила Джура. — Ни один нормальный человек не будет говорить на их языке. Это не язык, а сплошное хрюканье.

Руан откинулся на кровати, положив руки за голову.

— Этот диалект ланконского языка. Например, слово «женщина»: ты говоришь «телна», а они — «тена». В быстрой речи так произносить удобнее.

Джура поджала под себя ноги.

— Это от лени. Ултены ленивы и занудны. Их ненавидят все племена.

— Значит, тем более их надо женить на ланконцах из других племен. Иначе ултены просто вымрут.

— Есть еще одна причина, по которой твой план объединить племена не сработает, — сказала Джура. — Кто захочет жениться на ултенских женщинах?

Руан весело посмотрел на нее.

— Зернанские мужчины.

Джура рассмеялась и тоже легла на кровать. Их разделяла только карта.

— Во время турнира я сходил с ума от того, что Мелла может победить, — сказал Руан. — На самом деле главная трудность в моем плане — кто захочет жениться на зернанских женщинах. Они все похожи на Меллу?

Джура приподнялась на локтях.

— Возможно, зернанские женщины понравятся фаренским мужчинам. Они маленькие, коротконогие и худые. Тал всегда говорил, что именно поэтому они такие злые. А их дети будут нормальными.

Руан улыбнулся и тоже приподнялся на локтях.

— А поленцы? На ком нам женить поленцев?

— Это труднее, — задумчиво сказала Джура. — Поленцы так поглощены философией, что им

не нужны ни еда, ни развлечения.

— Тогда дадим им маленьких фаренских женщин. Они заставят их обратить свои мысли к земным удовольствиям.

Джура посмотрела на Руана. Он был очень красив. Огонь свечей золотил его волосы. Ей захотелось дотронуться до них, и она даже протянула руку.

Внезапно Руан вскочил с кровати.

— Ты можешь спать там, — сказал он, указывая на горизонтальное углубление в стене.

Джура запротестовала: глупо спать порознь, но потом подумала, что, может, это и к лучшему. Когда его убьют, а его несомненно убьют, то будет лучше, если у них не будет детей, которые захотят стать королями. Нет, она останется девственницей, пока не овдовеет. Тогда королем станет Джералт, а она выйдет замуж за Дайри, и у них будет много детей.

Джура встала с постели.

— Ты сказал, что мы завтра уезжаем?

— Да, — ответил он, не поворачиваясь. — И начнем с вательцев. Но сначала мы остановимся в ирлианской деревне и подберем мужчин и женщин.

— Для чего? — спросила она, развязывая и снимая брюки.

Он обернулся.

— Для брака с... — начал он, но остановился при виде ее полуобнаженного тела. Он снова отвернулся. — Ложись в кровать, — хрипло сказал он. — И укройся.

Джура улыбнулась и скользнула под овчину. Она смотрела, как он, не глядя на нее, раздевался. Он снял высокие ботинки, обнажив мускулистые, покрытые светлыми волосами икры. Затем он через голову стянул расшитую тунику, и Джура вновь увидела его крепкое тело, вид которого в тот день у реки заставил ее забыть все прошлое и настоящее.

Не глядя на Джуру, Руан задул свечу у кровати, и комната погрузилась во мрак.

— Руан, — прошептала она в темноте, впервые называя по имени.

— Не разговаривай со мной, — отрезал он. — И зови меня англичанином.

Джура стиснула зубы и молча обругала глупого иностранца. С его характером и глупостью ему жить не больше недели. Это будет счастливое избавление, подумала она. Без него Ланконии будет лучше.

Она перевернулась на живот и подумала о Дайри. Они поженятся, и хорошо, что в свадебную ночь она окажется девственницей.

— Вставай!

Джура лениво повернулась в теплой постели. Было еще темно. Руан, полностью одетый, стоял в десяти футах от нее.

— Вес ирлианцы такие же ленивые, как ты? — спросил он. — Кареты уже готовы.

— А у всех англичан такой же скверный характер, как у тебя? — в тон ему ответила Джура и потянулась под овчиной.

Он пристально посмотрел на нее. — Собирай свои вещи и идем, — сказал он и вышел из комнаты.

Джуре на сборы не нужно было много времени.

Во дворе было шумно. Кричали мужчины, ржали лошади. Джералт, одетый в черное и на черном коне, отдавал приказы. Чуть поодаль на коне сидел Дайри, а рядом с ним — Сайлин.

Джура улыбнулась подруге, но та отвернулась. У Джуры сразу испортилось настроение. Слуга передал ей хлеб и вино. Джура подумала, что Руан, похоже, умеет организовывать походы и люди слушаются его.

Было несколько карет с продовольствием, а в одной из них Джура увидела Лору и Филипа.

— Джура! — позвал мальчик, и она, улыбаясь, пошла к нему.

— Доброе утро, — сказала она и предложила ему кусок хлеба.

— А ланконские воины едят хлеб? — серьезно спросил Филип.

— Конечно, — так же серьезно ответила она и улыбнулась Лоре, но англичанка демонстративно отвернулась. Джура пошла к своей лошади.

Понадобился целый день, чтобы добраться до ирлианской деревни.

Здесь, в двадцати милях от стен Эскалона жило основное ирлианское население. Когда гвардеец, мужчина или женщина, выбирал себе пару, он приезжал именно сюда. Из этих людей набирали будущих гвардейцев, и после обучения они возвращались в деревню, чтобы защищать ирлианцев от набегов других племен. Здесь на нескольких квадратных милях царили мир и покой. Здесь играли дети, пели женщины, крестьяне собирали урожай. Здесь ткали ткани, расшивали одежды, здесь лечили больных и ухаживали за стариками. Тысячи ирлианских воинов погибли, защищая эти места.

Большую часть пути Джура ехала рядом с Ксантом, но услышав, что Филип начал хныкать, поскакала к карете.

— Хочешь ехать со мной? — спросила она малыша и посмотрела на Лору.

Лора нехотя кивнула и отвернулась.

Филип буквально прыгнул на руки Джуре, когда она усаживала его в седло перед собой. Всю оставшуюся поездку она рассказывала ему легенды про прежних ланконских богов, которые враждовали и сражались друг с другом и не в пример христианскому Богу Иисусу совсем не почитали своих родителей.

— Зачем ты взяла этого щенка? — зло спросил Джералт, проезжая мимо нее. — В тебе проснулась нежность к англичанам?

— Он ребенок, — возразила Джура.

— Мальчики вырастают в мужчин.

Джура с негодованием посмотрела на брата.

— Он не представляет для тебя угрозы. Он не претендует на трон.

Джералт окинул мальчика враждебным взглядом и поскакал прочь.

— Я не люблю его, — прошептал Филип.

— Он должен стать королем Ланконии; и он будет очень хорошим королем.

— Мой дядя Руан — король, и он лучший из королей.

— Это еще неизвестно.

Когда путешественники добрались до деревни, уже спустилась ночь. Люди с факелами в руках вышли приветствовать их и посмотреть на англичанина, который назвал себя их королем.

Впереди бежали многочисленные родственники Джуры. С тех пор как она выиграла турнир невест и вышла замуж за короля, они стали гордиться ею еще больше.

— Как он? — спрашивали они. — Он уже сделал тебе ребенка? Он так же красив, как Дайри? И силен, как Тал?

Разговоры умолкли, как только Руан вышел вперед.

Джура видела, как глаза ее кузенов увлажнились. Раздался всеобщий вздох.

— Можно, я познакомлю тебя с моими родственниками? — вежливо спросила она, повернувшись к Руану.

Затем, тетя Джуры проводила их в свой дом. Им отвели маленькую комнату с одной кроватью.

Руан выглядел очень спокойным.

— Тебя утомила поездка? — спросила Джура.

— Нет, — тихо ответил он. — Хорошо, что ты заботишься о Филипе. Мне кажется, мальчик уже боготворит тебя.

— Он очень приятный малыш. Возможно, он больше ланконец, чем я думала.

Руан сидел на краю кровати. Казалось, он был чем-то озабочен. Джура хотела спросить его, что случилось, но не стала. Лучше держаться подальше от своего временного мужа.

— Я полагаю, мне не придется спать с тобой? — спросила она.

— Что? Я думаю, нет. Здесь есть шкуры. Я устроюсь па полу, а ты ложись на кровать.

Джура нахмурилась. Она сняла ботинки, брюки и скользнула в большую пустую кровать. Ей совсем не хотелось спать.

— Какая яркая луна, — прошептала она. Руан ничего не ответил, и Джура подумала, что он спит.

— Джура, — тихо позвал он.

— Да, — откликнулась она.

— Ты когда-нибудь сомневалась в себе? Например, ты знаешь, что права, а где-то внутри тебя сидит червь сомнения.

— Да, — ответила она. — У меня бывает такое.

Он больше ничего не сказал, и через некоторое время Джура услышала его ровное, сонное дыхание, Она долго раздумывала над тем, что он имел в виду, но так и не нашла ответа.

На следующее утро ирлианцы встали очень рано. Они хотели скорее увидеть друзей и родственников, с которыми давно не встречались, и получше разглядеть нового короля.

Руан прошел сквозь толпу. Джура увидела, как зажглись лица людей, когда он заговорил с ними на их языке. Он не старался показаться решительным и напористым, а вел себя как тихий, спокойный, рассудительный человек.

— Он говорит гладко, словно дьявол, — буркнул Джералт, остановившись около Джуры. — Постарайся не потерять от него голову. Он втянет нас в войну.

— Он не хочет войны, он хочет мира, — ответила Джура.

— Что человек хочет и что из этого получается, разные вещи. Если мы вторгнемся на землю вательцев, приготовься к бою. Брита с огромным удовольствием убьет его, потому что его отец убил ее мужа.

— Может, Брита тоже устала от войн? — спросила Джура. — Может, она будет рада снова увидеть сына? Джералт в изумлении посмотрел на сестру.

— Ты предашь страну ради этого англичанина?

— Конечно, нет. Ему никогда не удастся объединить племена, но пусть попробует. Кто пойдет за ним? Он хочет поженить ирлианцев и вательцев. Кто из ирлианцев согласится на это?

Ксант стоял недалеко от них и слышал их разговор.

— Посмотрите, как люди слушают его. Они пойдут за ним. Тихо! Он говорит.

Руан взобрался на скамейку и заговорил. Все утро она слышала, как то там, то здесь упоминали о воротах Святой Елены. Значит, люди знали, что Руан открыл их.

Голос Руана и его идеальное ланконское произношение подействовали почти гипнотически. Постепенно все затихли. Никто не шевелился. Даже дети замерли и слушали, что он говорит.

Руан говорил о стране мира и благоденствия, о том, что ирлианцы смогут продавать полотна вательцам и покупать у них украшения или коней у фаренцев. Он говорил о том, что больше не будут гибнуть молодые люди, отправляясь в набеги на другие племена, чтоб украсть у них что-нибудь. Он нарисовал красивую картину того, как ирлианцы смогут без опаски путешествовать через земли вательцев и фаренцев к поленцам, которые поделятся с ними своими обширными знаниями о лекарственных травах и научат лечить болезни. У многих на глазах появились слезы, когда Руан упомянул об этом.

— Мы можем отобрать эти травы у поленцев, — крикнул Джералт.

Руан сказал, что единственный способ достичь этого благоденствия — объединить племена.

— Нет! — крикнул Джералт, но народ зашикал на него и повернулся к Руану, который ждал, когда снова наступит тишина.

— Ланконцы должны стать одним народом, — спокойно говорил Руан, и люди внимали ему.

Он рассказал о своем плане объединить племена, породнив их, и, прежде чем кто-либо успел задать вопрос, спросил, есть ли добровольцы: храбрые молодые мужчины и женщины, желающие не умереть за свой народ, а жить ради него. Кто желает выйти замуж за высоких, красивых вательцев?

Вперед бросилась такая толпа добровольцев, что Джуру и Джералта чуть не затоптали. Джура была ошеломлена. Но не Джералт. Он бросился вперед.

— Вы собираетесь отправить своих детей на бойню? — крикнул он. — Этот англичанин ничего не знает о нас. Он поведет вас на смерть. Вательцы перебьют ирлианцев.

Джура с ужасом увидела, как трое английских рыцарей набросились на Джералта и повалили его на землю. Джура, как и Ксант, отреагировали мгновенно.

Джура схватила за волосы Нейла и приставила к его горлу нож.

— Отпусти его, — приказала она и слегка провела ножом по коже так, что кровь закапала Нейлу на воротник. Нейл отпустил Джералта и медленно выпрямился. Двое других англичан сделали то же самое.

Толпа остановилась.

Руан в бешенстве подошел к Джуре.

— Отпусти его, — приказал он.

— Он напал на моего брата, — возразила Джура. — Мне следует перерезать ему горло.

Нейл, побежденный женщиной, был слишком унижен, чтобы говорить.

Вайтелин стряхнул руку Ксанта. — То, что он сказал — предательство.

Руан сжал кисть Джуры так крепко, что она была вынуждена отпустить Нейла. Потом повел ее к каменному сараю, где их никто не мог слышать.

— Ты погубила все, что я сказал, — медленно произнес он. — Люди слушали меня. Ты моя жена. Ты должна помогать мне, а вместо этого ты вредишь мне на каждом шагу.

— Я? — вспыхнула Джура. — Твои люди напали на моего брата. Неужели ты думаешь, что я буду стоять рядом и дам разорвать его на куски?

— Я твой король. И когда мне перечат — это измена, — сказал он спокойно.

— Измена? — переспросила Джура. Глаза ее округлились. — Тебе еще предстоит заслужить королевский трон. Тал назначил тебя, но мы можем отменить это. Мы не как ваши глупые

англичане, которые признают королем сына короля, даже если он полный идиот. Джералт имеет право сказать, что он думает, так же, как и любой мужчина, но Джералт особенно, потому что он такой же сын Тала, как и ты. К тому же то, что он говорит, правда.

— Ирлианцы готовы следовать за мной, — сказал Руан. — Значит ли это, что ни ты, ни твой брат не хотите, чтобы мне удался мой план? Если я не смогу объединить племена, то народ посадит на трон твоего воинственного брата. Ты же этого хочешь?

— Ты дурак! — воскликнул Джура. — Все хотят, чтобы твой план удался, но те из нас, кто жил здесь, знают, что это невозможно. Ирлианцы слушали тебя. О да, ты закатил такую речь, что даже я чуть не собралась замуж за вательца, но если ты приедешь к Брите с этой оравой молодежи, она потрет руки от удовольствия и перережет вас всех.

— Тогда я поеду к Брите один, — сказал Руан, — и поговорю с ней.

— А она возьмет тебя в заложники, и нам дорого обойдется выкупить тебя. Руан приблизился вплотную к Джуре.

— Тогда не платите выкуп. Если меня возьмут в плен, значит я недостойн быть королем.

— Позволить вательцам взять в плен нашего короля? — гневно спросила Джура. — За такое оскорбление мы сотрем вательцев с лица земли. Мы...

Она не договорила, потому что Руан поцеловал ее. Он не придумал другого способа остановить ее, и Джура ответила ему со всей яростью, которая в этот момент бушевала в ней.

— Не борись против меня, — сказал Руан тихо. — Будь моей женой. Помогай мне.

Джура отпрянула.

— Помочь тебе затеять бойню? Нет, лучше умереть.

Руан выпрямился.

— Эту задачу возложил на меня отец, и я выполню ее. Ты думаешь, что война — это единственный способ разрешения проблем? Я очень надеюсь, что эти ирлианцы получают от женитьбы больше, чем я.

Он повернулся и направился к толпе.

— Нет! — крикнула Джура, хватая его за руку. — Я прошу тебя, не делай этого. Люди верят тебе. Я видела их глаза. Они пойдут за тобой. Не веди их на смерть.

— Есть только одна вещь, о которой я хочу, чтобы ты меня попросила. Во всем остальном ты моя жена. Ты должна ухаживать за мной, когда я вернусь с битвы, следить, чтобы у меня была горячая еда, и рожать мне детей. Управлять страной я буду сам.

Руан ушел.

Джура стояла в прохладной тени сарая, пытаясь взять себя в руки. Его нужно остановить. Она знала, что народ последует за ним. Что-то нужно делать.

Она пошла вслед за Руаном, но кто-то преградил ей путь.

— Сайлин? — изумленно прошептала она.

— Да, — ответила Сайлин. — Поговорим? Джура кивнула.

— Ты все еще ненавидишь его? — насмешливо спросила Сайлин.

— Я думала, ты все еще считаешь, что я хотела получить Руана и для этого нарочно стукнула тебя.

— Я была не права, — ответила Сайлин. — Это все из-за ревности.

— Из-за ревности? Ты любишь его?

— Да, — спокойно ответила Сайлин. — Я влюбилась в него с первого взгляда. У него доброе сердце, Джура. Он добрый и умный, и хочет рискнуть всем, что имеет, чтобы объединить племена. Он знает, что его могут убить.

— И поэтому хочет взять с собой несколько сотен ирлианцев? — возразила Джура. — Благородная цель не спасет их жизни, когда Брита нападет на них.

— Может, она не нападет. Может, Бог поможет королю Руану так же, как он помог ему открыть ворота.

— Что? — взволнованно переспросила Джура. — Бог не защищает плохих полководцев. Он убивает их и тех, кто за ними следует. Сайлин, неужели ты совсем потеряла рассудок? Ты же не думаешь, что Брита позволит трем сотням ирлианцев пересечь границы вательцев и пошлет им приветствие — если только не в форме стрел.

— Я хочу пойти с ним, — сказала Сайлин. — Я слышала, как он говорил тебе, что хочет сначала пойти к ней один. Я пойду с ним. Ты же знаешь, я провела в плену у вательцев три года, и знаю, как пробраться через лес к городу Бриты.

— Тебя убьют, — прошептала Джура.

— Это шанс, которым я должна воспользоваться, потому что то, что он хочет, правильно. И, Джура, он сделает это, пойду я с ним или нет. Жаль, что ты не видела его на пути в Эскалон. Он поскакал навстречу трем зернанцам, будто Бог накинул ему на плечи защитный плащ. Он поехал к Броейну без охраны и потребовал, чтобы тот отдал ему своего единственного сына. И Броейн послушался его. Джура, жаль, что ты этого не видела.

Джура покачала головой.

— Я вижу его каждый день. Я вижу, что он не делает попыток изучить нас, но хочет, чтобы мы учились у него.

— Это неправда. Он знает наш язык, нашу историю. Он одевается, как мы, и...

— Он одевается в одежду, которую моя мать сшила для Тала.

Сайлин сделала шаг вперед.

— Джура, пожалуйста, послушай меня. Дай ему шанс. Может, ему удастся объединить племена. Только подумай! Ты сможешь свободно скакать без охраны, куда захочешь. Он говорит о торговле вместо воровства. — Ее голос стал тише. — Подумай о торговле с другими

странами. Мы сможем носить шелковые одежды, как его сестра Лора.

— Это...

— Джура, пожалуйста.

— Что я могу сделать, чтобы помочь ему? Мне все равно, даже если он будет танцевать с Бритой. Я только не хочу, чтобы он вел мой народ на смерть.

— Идем с нами.

— Что? — воскликнула Джура. — Прокрасться на чужую территорию, рисковать жизнью ради идиотской затеи глупого англичанина, которого я даже не люблю?

— Да, — сказала Сайлин. — Это наш единственный шанс. Если мы сможем добраться до Бриты и он поговорит с ней, я думаю, она послушает его. Мне кажется, этот человек уговорит и мула вылезти из своей шкуры.

Джура прислонилась к каменному сараю. Если она пойдет с ним, это наверняка будет означать смерть. Никто не сможет прокрасться незамеченным к Брите.

А если они победят? Что, если по воле судьбы они доберутся до Бриты и их медоречивому королю удастся поговорить с ней? Сможет ли Руан уговорить ее послать своих мужчин и женщин, чтобы поженить их с ирлианцами?

— Подумай, как сильны мы будем, — сказала Сайлин. — Если мы объединимся хотя бы с вательцами, то будем вдвое сильнее, чем любое племя.

— Только не говори этого Джералту, — сказала Джура. — Кто еще, кроме нас троих, поедет к Брите?

— Конечно, Дайри, — сказала Сайлин. — Брита не видела сына с тех нор, как его мальчиком увез Тал. Она не станет причинять ему вред.

— Если только она не считает его больше ирлианцем, чем вательцем. Кто еще?

— Этого достаточно, — ответила Сайлин. — Здесь не нужна толпа. Чем меньше нас будет, тем легче нам будет пробраться. Идем, поговорим с Руаном, если сможем отбить его у женщин. Может, даже хорошо, что я не вышла за него замуж, потому что я бы умерла от ревности.

Руан был окружен толпой хорошеньких девушек: каждой хотелось дотронуться до своего короля. У Руана был невинный и беспомощный вид, который напускают на себя мужчины, чтобы получить от женщины то, что они хотят.

— Ревность к толпе глупых девчонок? — усмехнулась Джура. — Для меня этого маловато. Идем, скажем Руану о последнем в жизни плане, прежде чем начнем уговаривать матерей отпустить их детей на смерть.

— Руан, пожалуйста, послушай меня, — сказала Сайлин. — Я знаю дорогу через лес. Дайри — сын Бриты, Джура — сильная и ловкая и...

— Женщина! — повысил голос Руан. — Неужели вы, ланконцы, не знаете разницы между мужчиной и женщиной? Женщина не должна сражаться.

— Как жаль, что я не знала этого до турнира, — съязвила Джура.

— Замолчи, — отрезал Руан и снова посмотрел на Сайлин. — Я возьму своих рыцарей. Я им доверяю, и они меня слушаются. А ты нарисуй карту. Дайри может поехать, если не всадит мне нож в спину.

— Ты обвиняешь Дайри в том, что... — начала Джура, но Сайлин остановила ее.

— Я не буду рисовать карту. Все, что я знаю, я держу в голове, и только я смогу провести тебя к Брите. Дайри должен поехать, потому что он ее сын.

— Но моя жена останется здесь, — сказал Руан.

— Нет, — возразила Сайлин. — Джура поедет со мной. Ты веришь в своих рыцарей, а я верю в Джуру.

Джура откинулась на спинку стула. На турнире должна была победить Сайлин.

Глава 9

В эту ночь Джура спала в отдельной, маленькой спальне. Она ворочалась с боку на бок, прислушиваясь, не скрипнет ли дверь и не войдет ли Руан, но все было тихо. За час до рассвета она встала и на цыпочках вышла из дома. Англичанин может не спать с ней по каким-то своим дурацким причинам, но она убьет его, если узнает, что он прикоснулся к какой-нибудь другой женщине.

Все вокруг спали. Джура огляделась, но Руана нигде не было. Она разбудила Сайлин, и они продолжили поиски вдвоем.

Солнце было уже высоко в небе, когда они снова встретились. Сайлин покачала головой. Джура нахмурилась и пошла искать оруженосца Руана, Монтгомери. Высокий смуглый юноша расчесывал гриву боевого коня Руана.

— Где он? — спросила Джура. Монтгомери удивленно посмотрел на нее.

— Разве король не с тобой?

Ужасное подозрение закралось Джуре в голову.

— Когда ты видел его в последний раз?

— Перед тем, как идти спать. Он сказал, что ему предстоят тяжелые скачки, и я подумал... — Юноша смущенно умолк.

— Где его скаковая лошадь?

— Она... — Монтгомери замолчал и растерянно посмотрел на Джуру. — Я думал, что она здесь. Если кто-то похитил моего господина, я готов сражаться.

Джура вздохнула.

— Я знаю, где он. Этот дурак в одиночку отправился к вательцам.

— Мой господин не дурак, — гневно возразил Монтгомери.

— Он еще не доказал обратного. Мы должны сохранить его отсутствие в тайне. Если люди узнают, что Руан один поехал в лагерь врага, они бросятся вслед за ним. Мы должны сказать, что он... что он поехал на охоту. Да, и ты должен поехать с ним. Он бы не поехал без оруженосца.

— Я не могу врать, — твердо ответил Монтгомери.

Джура застонала.

— Опять эти дурацкие рыцарские правила! Сможешь, когда речь идет о войне и мире, черт тебя побери! Дай мне четыре дня, и я привезу его назад. Ты сделаешь, как я говорю? Ведь ты уже достаточно взрослый.

— Достаточно взрослый, чтобы лгать? — спросил Монтгомери.

— Достаточно взрослый, чтобы взять на себя ответственность. Никто не должен ничего знать об этом. Седлай моего коня, а я возьму сумку с едой. Подожди! Скажешь людям, что я уехала с Руаном, чтобы побыть с ним наедине. Скажешь, что я ревновала его к толпе женщин, обступивших его вчера, и он увез меня. В этом случае ты можешь оставаться здесь.

Джура была всего на два года старше Монтгомери, но ей казалось, что разница в возрасте между ними гораздо больше. Ей нравился этот смуглый, красивый юноша. Она взяла его пальцами за подбородок.

— И тебе придется меньше лгать. Твой господин и я действительно могли вместе уехать, и ты бы не знал куда.

Монтгомери не считал, что она намного старше него, и, к удивлению Джуры, взял в руки ее пальцы и поцеловал.

— Моему господину сопутствует удача. Джура немного смутилась и отдернула руку.

— Лучше ухаживай за ирлианками. Я не хочу через девять месяцев родить полуангличанина. Седлай моего коня, я выезжаю.

Монтгомери улыбнулся ей вслед.

— Наглый молокосос, — пробормотала Джура. Первым делом надо было убедить Сайлин.

— Я должна поехать одна, — сказала Джура, — потому что твое отсутствие будет невозможно объяснить. Пожалуйста, нарисуй мне скорее карту.

Не переставая спорить, Сайлин нарисовала карту.

— Как ты найдешь его? Он опередил тебя на много часов.

— Я буду думать, что бы мог сделать этот белокурый англичанин. Ты полагаешь, он поехал в кольчуге и с английским флагом наперевес? О, Сайлин, молись за меня. Если его убьют, начнется война. Ирлианцы отомстят за него.

— Вот карта, — сказала Сайлин и крепко обняла подругу. — Прости, что я сомневалась в тебе. Поезжай, найди нашего странствующего короля и верни его назад целым и невредимым. Как ты оденешься?

Джура усмехнулась.

— Как ултенка. Тогда все будут сторониться меня.

У моей тети где-то есть ултенская одежда. Я возьму ее.

Сайлин поцеловала подругу в щеку. — Езжай с Богом и скорее возвращайся.

Джура осторожно пересекла границу вательцев. Старая, потрепанная ултенская одежда на ней так воняла, что лошадь поначалу затанцевала под Джурой, но та не винила ее: она сама еле выносила этот запах. Джура украла поношенный, когда-то красивый костюм из дома своей тети, испачкала свиным навозом и изваляла в пепле. От нее самой теперь шел этот запах, и Джура поняла, почему ултенцы были единственным племенем, которому позволялось беспрепятственно ездить по всей Ланконии. Никто не подойдет к ним близко и не позарится на их вещи. Правда, их довольно часто вешали по самым пустяковым поводам или вообще без повода.

Под грязной одеждой у Джуры был зеленый охотничий костюм и полный арсенал оружия.

Она ехала на запад, держась узких троп, по которым не смогли бы проехать ни кареты, ни большие группы людей. Она жалобным голосом просила хлеб и воду, останавливаясь у ветхих хижин. Через день пути Джура начала понимать, почему Брита нападает на богатые южные ирлианские земли.

Поздно ночью Джура добралась до таверны. Она оставила лошадь в лесу и пошла к дому. В окнах горел свет, и изнутри доносились раскатистый хохот и лязг металла. Драка внутри, несомненно, означала, что она нашла Руана. Джура надеялась, что еще успеет его спасти.

Джура вошла в дверь, но никто не обратил на нее внимания: все были поглощены состязанием двух вательских гвардейцев. Немного разочарованная, Джура ниже натянула на лицо капюшон и села за стол на свободное место. Сидящие за столом начали озираться, пытаясь понять, откуда исходит этот мерзкий запах, и, увидев новую фигуру, передвинулись подальше от нее. Худая женщина спросила Джуру, что она хочет пить, и взяла у нее медную монету.

Джура из-под капюшона оглядывала комнату, но никаких следов англичанина здесь не было. У стен стояли вательцы, почти такие же грязные, как она.

Джура выпила пиво. Схватка окончилась. Победитель получил награду.

— Что за вонь? — раздались пьяные голоса. Джура поставила кружку и решила, что пора уходить. И чем быстрее, тем лучше, но кто-то положил ей руку на плечо.

— Ултенский мальчик, — услышала она голос. — Сейчас мы зададим ему урок. Рука сдернула с ее головы капюшон.

— О, — сказал кто-то, — да это девушка.

— И симпатичная. — Тогда мы преподадим ей другой урок, — засмеялся вателец.

Человек двадцать мужчин направились к ней, и Джура под одеждой схватила в каждую руку по ножу.

— Вот ты где, — донесся из толпы низкий голос. Человек говорил по-ланконски, но с каким-то

странным акцентом, которого Джура раньше никогда не слышала. Это был крупный, сгорбленный мужчина, с грязными черными волосами, одетый в какое-то тряпье. Один его глаз закрывала черная повязка. — Не трогайте мою дочь, — сказал он и подошел к Джуре. Джура инстинктивно отпрянула от него.

— Иди за мной, или они убьют тебя, — прошептал он ей на ухо, и Джура узнала голос Руана. Она была так поражена, что без единого слова последовала за ним, а вательцы были настолько пьяны, что позволили ей уйти вместе с одноглазым.

— Ты! — прошептала Джура, как только они вышли из таверны. — Я приехала, чтобы помочь тебе спастись.

— Спасти? — Руан чуть не выругался. — Что ты знаешь о спасении? Я только что спас твою девственность, а возможно, и жизнь.

— Я сама могу постоять за себя.

— У тебя есть лошадь? Мы должны как можно скорее уехать отсюда. Или ты оставила ее на видном месте и ее уже украли? Боже, как от тебя воняет.

— Моя лошадь в надежном месте.

— Отлично, тогда садись на нее и скачи на север один час, потом остановись. Там и встретимся.

— Ты не можешь ехать туда. Ты должен вернуться к ирлианцам и...

— Поезжай! — приказал он. — Сюда идут, а я еще не все здесь выяснил.

Джура скользнула в темноту, нашла свою лошадь и тронулась в путь. Она не хотела оставлять Руана одного, но ей было стыдно признаться, что, когда эти мужчины двинулись на нее, она испугалась. Она была поражена, как ловко переоделся Руан и как смешался с толпой. Через час Джура достигла берега реки и поняла, что Руана надо ждать здесь.

Она покормила лошадь, привязала ее в кустах, сняла вонючую ултенскую одежду, залезла на дерево и стала ждать Руана. Он появился совсем скоро. Джура видела, как он слез с коня и огляделся. Руан поднял голову и посмотрел на дерево, хотя Джура знала, что он не мог ее видеть.

— Слезай, — скомандовал он. Джура повисла на ветке и спрыгнула прямо перед ним.

— Что ты здесь делаешь?

— Я же сказала. Я приехала, чтобы помочь тебе спастись.

— Ты? Помочь мне спастись? Завтра утром ты вернешься к ирлианцам.

— А что ты собираешься делать?

— Я хочу найти Бриту и поговорить с ней.

— И как ты думаешь найти ее? — спросила Джура.

— Если бы ты не помешала мне, сегодня ночью я, возможно, уже знал бы, где она. Те два

гвардейца были достаточно пьяны, и после боя я мог бы выпытать это у них, но пришлось уйти, чтобы спасти твою шею. От тебя все еще пахнет, хотя ты и сняла эту одежду.

Джура прислонилась к дереву и стала развязывать ботинки.

— Если ирлианцы узнают, что ты поехал к вательцам в одиночку, они бросятся за тобой вслед. Из-за твоей мирной миссии может начаться война.

— Что ты делаешь?

— Раздеваюсь. Я хочу помыться. Она сняла брюки. Глаза Руана так округлились, что в лунном свете Джуре были видны их белки.

— Мне не нужны твои советы, — произнес он, запинаясь. — Я делаю то, что должен делать. О, Боже!

— Это восклицание Руан произнес, когда Джура сняла с себя последнюю одежду. Она стояла перед ним обнаженная, и в лунном свете ее фигура приняла почти волшебные очертания.

— Джура, ты мучаешь меня, — прошептал он и; схватился за дерево.

— Я твоя жена, — нежным голосом сказала Джура. — Кто-то идет, — вдруг прошептала она и прижалась к Руану. — Заслони меня от чужих глаз.

Руан был настолько ошеломлен, что не прикрыл ее своим плащом. Он стоял неподвижно, слегка обнимая ее за плечи.

Джура ждала, что он поцелует ее, но он не шевелился. Тогда она сама коснулась его губ. Этого было достаточно, чтобы он пришел в себя. К огромному удовольствию Джуры, руки Руана заскользили по всему ее телу. Ей показалось, что у него сотня ртов. Он целовал ее, ласкал, и, ах, какое волшебное чувство разлилось у нее по телу! Как прекрасно оказалось чувствовать себя женственной, желанной, обожаемой, Она со всей страстью поцеловала его.

— Попроси меня, Джура, — прошептал он. Она не слышала его.

— Пожалуйста, попроси меня, — повторил Руан. Он сгорал от желания и таял в ее руках. Джура, наконец, услышала его и оттолкнула.

— Ирлианцы никогда не станут просить! — закричала Джура. Она повернулась и быстро прошла к реке, пытаясь растворить в холодной воде сжигающий ее гнев. Джура проклинала Руана всеми мыслимыми и немыслимыми словами. Какое же он животное, если наслаждается унижением женщины! Подобного человека надо держать под замком, пока он не навредил кому-нибудь — а Тал считал его достойным стать королем!

К тому времени, когда Джура вышла из воды, обсушилась и оделась, Руан уже развел небольшой костер и жарил кроликов.

— Я приготовил ужин, — сказал он тихо.

— И чем я могу заслужить его? Мне броситься на колени и умолять? Прости уж мое незнание ваших английских манер.

— Джура, — голос Руана казался очень серьезным, — пожалуйста, не злись. Позволь мне объяснить ся; Я рыцарь, и я дал клятву. Глупые слова, возможно, но они были обращены к

Богу. Если бы ты только...

— Что мы будем делать завтра? — перебила Джура, не желая больше говорить на эту скользкую тему.

— Ты возвращаешься домой. Я иду искать Бриту.

— А я знаю, где находится город вательцев, у меня есть карта, — заметила Джура. — Нет, ты ее не найдешь, даже если осмелишься прикоснуться ко мне. Я храню ее в памяти. И я отправлюсь вместе с тобой, Мы найдем Бриту и мы поговорим с ней.

— Ну почему я не женился на нежной и послушной английской девушке? — простонал Руан. — На, возьми. — Он протянул Джуре кусок мяса. — Ты, случайно, не дал какую-нибудь клятву по поводу крольчатины?

— Нет, только по поводу сварливых женщин. А сейчас ешь и ложись спать. Завтра нам предстоит долгая дорога.

— Возможно, — мурлыкнула Джура и улыбнулась, заметив гневный взгляд Руана.

— Просыпайся, — Руан поднял ее затемно, швырнув в ноги ултенскую одежду. — Это должно немного охладить мой интерес к тебе, — заметил он, усмехнувшись. — Приготовься, нам скоро выходить.

— Слушаюсь, господин, — насмешливо протянула Джура.

В полдень они остановились, чтобы перекусить холодными пирогами с мясом, которые Джура предусмотрительно взяла с собой.

— Надо переодеться, — заметила она, неодобрительно косясь на свои грязные волосы. — Ултенка и... и кто бы ты ни был — сами по себе не привлекут внимания, но вместе мы составляем весьма неаппетитную парочку. Нам не добраться до города Бриты, если мы будем одеты подобным образом. — Что ты предлагаешь?

— В десяти милях отсюда стоит загородный особняк дальних родственников Бриты. Я думаю, они вряд ли заметят пропажу нескольких вещей.

Джура бросила взгляд на Руана и, к своему огромному удивлению, решила, что выкрашенные в черный цвет волосы только портят красоту этого мужчины.

Он хмурился, и она подумала, как же англичанину неприятно соглашаться с планом, который предложила женщина.

— Мне надо знать, где хранится одежда, хотя я сомневаюсь, что нам удастся легко проникнуть внутрь и выйти наружу. Но ты должна поклясться, что сразу же после этого отправишься домой.

— Я не даю клятвы с такой же легкостью, что и ты. Сайлин несколько раз гостила здесь, когда была в плену у вательцев, и я хорошо представляю расположение комнат. Ты просто будешь следовать за мной и...

— Нет! — резко прервал ее Руан. — Ты спрячешься, а я один проберусь внутрь.

— Посмотрим, — ухмыльнулась Джура.

Каменная кладка большого дома хорошо просматривалась в лунном свете, а единственными доносящимися до них звуками были тихое ржание лошадей и звяканье мечей стражников.

Руан и Джура стояли, прижавшись к стене, и ждали, пока те не пройдут мимо. Затем Джура дала знак, чтобы Руан следовал за ней через маленькую деревянную дверцу в кладовку.

Джура осторожно приоткрыла дверь в дальнем конце комнаты, оказавшись в узком проходе, на другом конце которого слышались голоса людей и горел свет. Она решила пройти туда, но Руан, схватив ее за тунуку, потянул обратно, молча указывая на темную винтовую лестницу. Вытащив меч, Руан начал подниматься по ступенькам.

Они легко нашли спальню хозяев, хотя по дороге туда и пришлось несколько раз останавливаться, прячась от проходящих слуг. Войдя в комнату, они тут же бросились к огромному сундуку, стоящему у противоположной стены.

Одежда вательцев почти не отличалась от той, что носили ирлианцы. Руан потянулся к голубой шерстяной тунике.

— Нет, — прошептала Джура. — Она подчеркнет твой цвет глаз, а их голубизна и так слишком заметна.

— Разве? — с интересом спросил Руан, повернувшись к ней. — Я и не думал, что ты вспомнишь, какие у меня глаза.

Джура на мгновение замерла, неотрывно смотря на Руана. Казалось, он вот-вот поцелует ее, но в это время открылась дверь. Очнувшись, Джура мгновенно запрыгнула в сундук, Руан быстро последовал за ней, прикрыв крышку.

Джура прислушалась к доносящемуся снаружи шуму. Служанка, подумала она с облегчением, но тут же напряглась, слыша, как шаги приближаются к их убежищу. Джура приготовилась к нападению.

Открыв сундук, служанка увидела двух человек, каждый из которых тянулся руками к ее горлу. Не проронив ни звука, девушка потеряла сознание.

Руан и Джура, ожидавшие яростного сражения, при виде скорчившегося на полу маленького тела не смогли удержать смех. Они впервые смеялись вместе.

Все еще улыбаясь, Джура достала несколько платьев.

— Надо связать и спрятать ее в сундуке, чтобы выиграть побольше времени.

Они спеленали девушку, засунув в рот чулок, и Руан осторожно опустил ее на дно сундука. Глаза девушки приоткрылись, и она со страхом уставилась на Руана.

— Не волнуйся, малышка, — прошептал он, — здесь достаточно воздуха, и кто-нибудь тебя вскоре найдет. Такую красотку хватятся быстро. Просто отдыхай. — Он наклонился и поцеловал девушку в лоб — едва увернувшись, так как Джура выбрала именно этот момент, чтобы с силой захлопнуть крышку.

— Извини, — пробурчала она. — Крышка выскользнула из рук. Ты готов продолжить наше

путешествие или останешься здесь?

— Готов, — ответил Руан, улыбаясь, — но уверен, что ты по-прежнему будешь стараться идти первой.

— Самые стойкие и должны идти первыми, — резко сказала Джюра и гордо промаршировала к двери.

Им удалось без происшествий вернуться в кладовую, где Руан прихватил несколько кусков мяса.

Он шел, улыбаясь и вспоминая поведение Джюры там, наверху. Он-то ведь почти распрощался с надеждой, что Джюра проявит хоть какой-нибудь интерес к своему мужу, но сейчас...

Пробравшись мимо стражи, они пробежали к тому месту, где оставили лошадей. После часа бешеной скачки Руан свернул с дороги в лес. Здесь они и спрятались, выжидая. Через десять минут по дороге промчался небольшой отряд всадников. Когда шум погони затих вдали, Руан с Джурой направились к подножию близлежащего холма, где остановились на ночь. Прежде чем лечь спать, они переоделись.

— Тебе надо завтра вымыться, — заметил Руан, лежа на спине и разглядывая звезды, — а то они по запаху определяют, что ты ултенка.

— В таком случае, тебе следовало взять с собой ту служанку. *Она-то* очень красива и божественно пахнет.

Руан широко улыбнулся.

— Джюра, ни одна женщина на свете не сравнится с твоей красотой, и даже когда от тебя воняет, ты прелестнее, чем сто принцесс вместе взятых.

У Джюры от удивления округлились глаза. Она не понимала, почему злится на Руана из-за его комплимента испуганной служаночке или почему кидается на него, словно трактирная девка, но, Боже, его слова так приятны! Дайри однажды похвалил ее, когда сразу двенадцать стрел поразили мишень, а Тал и Джералт вовсе не замечали ее успехов. Конечно, мужчины говорили, что она красивая, но никогда в их голосе не было столько нежности. Впрочем, если бы они только посмели, она бы тут же поднесла свой кинжал к их горлу. Но сейчас ей нравились слова лежащего рядом мужчины. На самом деле, ей хотелось, чтобы он сказал еще больше.

— Ты... ты неплохо держался сегодня, — произнесла она осторожно. — Тебе удалось неузнанным проникнуть на территорию вательцев. Хорошо, что ты покрасил волосы.

— Ты решила, что я не справлюсь? — спросил он резко. «Как похоже на женщин, — думал Руан, — ты ей говоришь комплимент, а она в ответ бросает оскорбление». Он повернулся на другой бок. — Завтра ты вернешься к ирлианцам.

Джюра скорчила гримасу, но промолчала. Этот англичанин — такой странный!

Однако на следующее утро у них не осталось времени для споров. Джюра проснулась, сразу же почувствовав приближающуюся опасность. Она медленно протянула руку к лежащему рядом Руану. Он мгновенно открыл глаза, встретив, предупреждающий взгляд Джюры.

К ее удивлению, первое, что он сделал, это вскочил на ноги и начал кричать:

— Будь ты проклята, женщина. Вечно пристаешь ко мне, не даешь мужчине даже поспать.

Джура заметила, что при этом Руан взялся за меч. Она также схватила свой меч и принялась им беспорядочно размахивать.

— Пристаю к тебе? — вопила она. — Да ты ничтожество. У меня были любовники вдвое тебя старше — и вдвое лучше.

— Я тебе покажу, кто здесь самый хороший любовник, — отпарировал Руан, наваливаясь на нее.

— Беги направо, — прошептал он ей на ухо, — спрячься в лесу и жди. Их только двое.

Когда Руан сдвинулся, освобождая проход, Джура отползла вправо, но вместо того, чтобы убежать, вскочила на ноги, занимая выработанную многолетними тренировками позицию и прикрывая Руана со спины.

Двое мужчин, по виду настоящие бандиты, двигались к ним, сжимая в руках ножи. Они выглядели голодными и готовыми на любое преступление.

— Я ваш король, — громко произнес Руан. — Опустите ножи, и я с радостью поделюсь с вами всем, что имею.

— Не вздумай отдать им мою лошадь, — прошептала Джура, не отрывая глаз от деревьев, где могли прятаться сообщники.

— Король? — переспросил оборванец и громко расхохотался, кидаясь на Руана.

Джура прислушивалась к звукам борьбы за ее спиной, слегка повернув голову, чтобы заметить тот момент, когда Руану может понадобиться помощь. Но Он оказался хорошим бойцом. Просто отличным.

И к ее удивлению, бился как настоящий ланконец. Один из нападавших упал, и Руан занялся вторым.

Джура по-прежнему стояла у него за спиной, двигаясь словно в танце: когда Руан менял позицию, так же поступала и она.

Джура услышала крик боли второго бандита, но не обернулась, так как — и это можно было предположить заранее — из леса выбежал еще один, который с поднятым вверх мечом бросился прямо на нее. Джура легко отразила удар, и сталь зазвенела о сталь.

— Беги, Джура, беги! — крикнул Руан, но Джура не сдвинулась с места. Ее приучили выполнять приказы, но этот был плохим и только отвлекал ее.

Она боролась изо всех сил, не остановившись, даже когда меч противник задел ее руку. Затем перешла в наступление, тесня бандита в сторону деревьев.

Уголком глаза она заметила, что Руан, покончивший к этому времени со своими врагами, направился в ее сторону, затем остановился.

Джура подняла руку, готовясь нанести последний удар.

— Нет! — крикнул ей Руан. — Он же ланконец.

— Он вателец, — рявкнула Джура, но опустила меч.

— Держи. — Руан протянул мужчине кусок мяса. — Возьми это и помоги своим товарищам. Они только ранены. Но помни, что вы остались в живых благодаря доброй воле короля. Короля всех ланконцев.

Разбойник устался на Руана так же, как, наверное, смотрела и Джура, — явно желая оказаться подальше от этого сумасшедшего. Он выхватил мясо и припустил бегом в лес. Его товарищи, прихрамывая и охая, старались не отставать.

К этому времени солнце уже поднялось над вершинами деревьев. Руан, увидев залитый кровью рукав туники Джуры, усадил ее на близлежащий камень и принялся обрабатывать рану.

— Никогда в своей жизни не сталкивался ни с чем подобным, — тихо сказал он. — Я имею в виду то, как ты меня прикрывала во время боя. Фейлан ничего не рассказывал о женщинах, которые выполняют роль телохранителей.

— Возможно, он считал это само собой разумеющимся. А что бы сделала англичанка в подобной ситуации? Если бы ты, например, был со своей сестрой, как бы она поступила?

— Лора спряталась бы в лесу, выполняя мой приказ. — И ее захватил бы сообщник тех бандитов, а потом он убил бы тебя, напав сзади. А так, вместе с тобой, мы были неуязвимы. — Согласен, но мне все равно это не нравится. Сражаться — привилегия исключительно мужчин.

— Мужчины, разумеется, бьются лучше, но очень часто женщины не участвуют в бою, а только охраняют бойцов. Было бы глупо использовать хороших воинов-мужчин только для прикрытия.

Руан закончил перебинтовывать руку. Он нахмурился.

— Спасибо за помощь, но в следующий раз... Джура приподняла голову и быстро поцеловала Руана в губы, удивив этим как его, так и себя.

Руан отпрянул. Его глаза вдруг стали совсем темными.

— Джура... — прошептал он. Джура догадалась, что он хочет сказать — она должна умолять его. Разозлившись, Джура вскочила на ноги и подошла к своей лошади.

— Если мы собираемся найти Бриту, то стоит продолжить путь. — Она запрыгнула на лошадь и поскакала, не оборачиваясь, чтобы проверить, следует ли за ней Руан.

Руан быстро догнал ее.

— Как выглядит Брита? — неожиданно спросил он.

Джура задрала подбородок повыше.

— Я никогда ее не видела и никогда никого не спрашивала о ее внешности. Она мать Дайри, значит, достаточно старая. Когда я была ребенком, то слышала, что Брита сражается с зернанцами, поэтому у нее должно быть много шрамов. Не думаю, что она красавица, если это то, что тебя интересует.

— Джура, не могли бы мы... — начал Руан, но Джура, пришпорив лошадь, ускакала вперед.

Она не обращала внимания на многие странности в его поведении, потому что он англичанин, но как простить то, что сначала Руан флиртует со служанкой, а потом не хочет иметь ничего общего с ней, законной женой?

В полдень они решили немного отдохнуть на берегу ручья, и Джура долго разглядывала свое отражение в воде. Раньше Джуру никогда не волновала ее внешность, но она замечала взгляды мужчин и знала, что они считают ее красивой. Так почему ее английский муж отказывается делить с ней ложе? Может быть, из-за того, что она брюнетка? Может быть, он любит только светлокожих женщин?

В сумерках они снова остановились на привал. Огонь не разжигали, так как город Бриты был уже неподалеку.

— Вряд ли ты согласишься остаться здесь, — заметил Руан, поглядывая в сторону Джуры.

— Кто-то же должен прикрывать тебя, — ответила Джура. — Я думаю, что завтра мы без труда проберемся в город. Хорошо, что ты знаешь наш язык. Мы найдем Бриту и похитим ее. Неподалеку в лесу есть крестьянский домик, где мы могли бы держать пленницу, пока ты будешь вести переговоры. Правда, придется следить, чтобы хозяева нас не выдали.

— Это все, что тебе пришло в голову? — Руан кипел от злости. — Ты случайно не забыла про меня? Возможно, я только мешаю великой Джуре?

— Ты придумал план лучше, чем мой? — спросила Джура, не совсем понимая, чем же рассердила Руана.

— Нет, — процедил Руан сквозь зубы, — я тоже так думал, только собирался проникнуть в город в одиночку, хотя... — он остановился.

— Какая разница, твой план или мой план? Хорошо, что мы согласны хоть в чем-то, — недоумевала Джура.

— Типично женский подход к делу, — пробормотал Руан еле слышно.

— Наконец-то ты заметил мой пол, — бросила Джура, отворачиваясь. Выиграть мужчину на соревновании невест легко — все, что требовалось, это прыгать, бегать, сражаться и стрелять лучше пятидесяти других претенденток. Но ради Бога, каким образом привлечь мужчину после того, как ты его выиграла? Они спали рядом, и, когда, ворочаясь, Руан разбудил Джуру, она инстинктивно подвинулась к нему ближе. Не просыпаясь, Руан протянул руку и прижал девушку к себе. От него исходили такая сила, такая теплота! Джура тихонько вздохнула и, обняв мужа, крепко заснула.

Утром она проснулась первая и быстро отодвинулась в сторону — она не вынесла бы очередного напоминания о клятве рыцаря...

Они въехали в город Бриты, как только открылись ворота. Столица вательцев сильно отличалась от Эскалона. Здесь также стояли многочисленные дома, разделенные узкими улочками, по которым сновали жители. Но на всем лежал отпечаток бедности, а в воздухе витали запахи помоев. Джуру и Руана в их богатых одеждах сопровождали удивленные взгляды горожан.

Они остановились, чтобы купить кружку сливок у уличного торговца.

— Где живет Брита? — спросил Руан.

— Королева Брита, — поспешно добавила Джура, мило улыбаясь продавцу. — У нас к ней дело.

— Там, — ответил мужчина, указывая на дом, расположенный у северной части каменной стены, опоясывающей город. Это было большое, но в остальном ничем не примечательное здание, и в половину не такое огромное или богато отделанное, как тот загородный особняк, в котором Руан и Джура украли одежду.

— Сегодня королева идет на охоту, — продолжил их собеседник, — и вы сможете ее увидеть. Вон, смотрите! Двери открываются.

Руан и Джура поблагодарили его и спрятались в тени близлежащего здания, ожидая, пока Брита не проедет мимо.

Несмотря на то, что вательцы были явно бедным народом, их королева решила не экономить на своей охране. Все двадцать мужчин носили богато украшенные темно-синие туники и оружие, сделанное явно не в Ланкони. Лошади — высокие, красивые животные — казались хорошо вымуштрованными.

Брита скакала в центре группы. Она была высокой, стройной и ослепительно красивой. Королева вательцев носила длинное платье в английском стиле, плотно облегавшее ее тело. Насыщенный светло-кремовый цвет одежды изумительно подчеркивал темноту волос.

Когда она проезжала мимо, казалось, все жители города замерли, стараясь наглядеться на свою королеву.

— Старая — так ты говорила? — ехидно спросил Руан у Джуры. — Неудивительно, что мужчины готовы идти за ней по пятам. Я бы и сам не отказался.

Джура ответила ему возмущенным взглядом, но Руан его не заметил. Улыбаясь, он поглядывал на ворота, за которыми скрылась королевская свита. — Так мы будем похищать ее или нет? — поинтересовалась Джура.

— Эта мысль нравится мне все больше и больше, — заметил Руан, глупо улыбаясь и снова игнорируя ярость Джуры.

Они покинули пределы города и остановились на вершине небольшого холма, откуда могли наблюдать за окрестностями. Брита и ее люди выбрали местом охоты маленький лесок вблизи столицы.

— Я поеду за ней и...

— Мы поедem за ней, — перебила Джура. — Необходимо разлучить Бриту с ее свитой. Затем я накину ей на голову плащ и...

— Ты будешь следовать за мной и выполнять все мои команды! — отрезал Руан.

Но в конце концов именно Джура нашла способ похитить королеву Бриту. К тому времени та растеряла большинство своих сопровождающих и лишь с двумя охранниками преследовала огромного кабана. Джура мельком подумала, что глупо одевать светлое платье на охоту, но, судя по виду Руана, он едва ли согласился бы с этим.

— Отвлеки стражников, — прошептала Джура, — а я погоню кабана в сторону. Брита наверняка последует за животным.

Джура уже заметила выражение лица Бриты — возбуждение охотника, преследующего добычу. Охранники держались вблизи, наблюдая и прислушиваясь. Неожиданно сзади донесся крик о помощи. Один из мужчин ускакал в том направлении.

Брита ничего не слышала, продолжая скакать за кабаном. Джура спешила, схватила копьё и прижалась к земле. Хотя Брита и не выглядела на свои сорок с лишним лет, Джура презрительно подумала, что она настоящая старуха, если так долго не может убить какую-то свинью.

Брита обогнала кабана, и когда он обегал ее, вонзила копьё ему в загривок. Взревевшее от боли животное свернуло в сторону Джуры, как та и предполагала.

Ухватившись за нижнюю ветвь дерева, Джура взобралась наверх. Истекающий кровью кабан, которого по пятам преследовала Брита в своем светлом платье, скрылся в кустах. Джура вскочила в седло, отвлекая на себя оставшегося стражника.

Через несколько минут ей удалось ускользнуть от преследователя. Джура даже улыбнулась — ни один из ирлианцев не позволил бы себя так провести. Она поскакала в том направлении, куда поехала Брита.

Вдалеке она заметила Руана. Перед собой, в седле, он держал Бриту. Королева вательцев почти не сопротивлялась.

Нахмурившись, Джура повернула коня в их сторону. Но тут ее заметили оставшиеся стражники Бриты, и ей пришлось изрядно помучиться, стараясь сбить их со следа.

Когда она добралась до маленького крестьянского домика, в лесу уже сгустились сумерки. Джура дрожала от усталости и голода.

Внутри дома горели многочисленные свечи, и Джура заподозрила неладное. Предположив, что Брите каким-то образом удалось перехитрить Руана, Джура тихонько пробралась поближе, держа обеими руками меч и зажав в зубах нож.

Она заглянула в окно и с трудом поверила собственным глазам.

Руан сидел на единственном в комнате стуле, держа в руках лютню. Брита устроилась на полу, с восхищением глядя на короля Ланконии. Крестьяне со своими детьми прижались к стене, глаза на находящихся в их доме чужаков с таким выражением, словно они, видят ангелов.

— Спой еще, — попросила Брита своим слегка хрипловатым голосом.

— Да, моя королева, все, что пожелаешь, — с улыбкой отозвался Руан.

Джуру так поразила сцена, разворачивающаяся перед ее глазами, что нож выпал из ее рта, звякнув о камни.

Руан мгновенно вскочил на ноги и кинулся к двери. Ему удалось схватить Джуру прежде, чем она добралась до лошади.

— Где ты была? — потребовал он отчета.

— Где я была? — закричала Джура. — Я запутывала следы. Я защищала тебя и твою... твою... — Ее душил гнев.

— Брита передала своим людям, что она проведет некоторое время здесь со мной. Я предполагал, что тебя нет, потому что ты готовишься встретиться с королевой вательцев. — Руан оглядел Джуру с головы до ног. — Неплохо бы тебе помыться, между прочим. Ты вся пропотела.

Джура замахнулась мечом, желая только одного — отрубить любую часть тела Руана, до которой сможет дотянуться, предпочтительно голову.

Он схватил ее за руку.

— Джура, что с тобой? Если бы я считал, что тебе угрожает опасность, то непременно пришел бы на помощь. Но ведь Брита отослала своих людей. Пожалуйста, не сердись. Брита очень умна и образованна, и я искренне наслаждался общением с ней. Тебе она должна понравиться. — Тебе-то она уж точно нравится.

— Джура, сейчас не время для ревности. Ты можешь ревновать к служанке, но когда речь идет о королеве, подобной Брите... Идем. Нет, постой, может быть, тебе все-таки следует сначала помыться.

— Так значит, мой запах тебе неприятен. — Джура рывком высвободила руку. — Я пропахла потом, стараясь защитить тебя, но, оказывается, тебе не требуется защита. Скажи мне, должна ли я кланяться этой старухе? Должно ли умолять о милости, как, видимо, обязана делать в отношении тебя.

— Джура, я тебя не понимаю. Мне все равно, можешь предстать перед столь высокопоставленной особой в пропахшей потом одежде. Но я просто подумал...

— Ты не умеешь думать! — крикнула Джура и бросилась в лес.

Она презирала себя за свое странное поведение, презирала за те незнакомые чувства, что бурлили сейчас у нее в груди. До тех пор, как появился этот англичанин, Джура хорошо знала себя и свое место в жизни. Ланконцы ценили в женщине силу и разум. Тал часто спрашивал ее мнение по поводу будущих сражений, и если считал предложения глупыми, то, не стесняясь, говорил об этом — как правило, не выбирая выражений. Дайри ни разу не усомнился в ее силе и мужестве.

Но что хочет этот англичанин? Он злится, когда она защищает его, злится и когда получает поцелуй. Возражает, когда Джура предлагает план, как поймать Бриту. Приказывает ей спрятаться в лесу и в то же время вздыхает о вателке, которая терроризирует уже два поколения ланконцев. Джура с обидой вспоминала, как отлично она сегодня сражалась, и все, что получила взамен, — это намеки, что от нее воняет.

Джура скорчила гримасу, подумав о Бриге с ее светло-кремовом платье. Глупый англичанин потерял голову, но она-то знает, что скрывается за прелестной внешностью. Брита сказала, что отозвала своих людей, но двое из них в течение многих часов преследовали Джуру. Какую еще ложь преподнесла эта женщина? Вполне возможно, что она приказала своим гвардейцам атаковать и убить короля ланконцев.

Терзаясь подобными мыслями, Джура решила вернуться к домику. Сегодня ночью она останется снаружи и сможет предупредить этого глупого Руана, если на них нападут вательцы.

Джура проснулась, почувствовав, что падает. Прислонившись к дереву, она бодрствовала почти всю ночь, но усталость оказалась так велика, что за несколько часов до рассвета ее сморил сон.

— Ты в безопасности, — раздался голое рядом с ней.

Джура повернула голову и увидела Руана, сидящего в полуметре от нее.

— Как долго ты здесь? — интересовалась Джура, протирая глаза.

— Когда ты заснула, я подобрался поближе. Джура выпрямилась, стараясь не обращать внимания на затекшую спину.

— Посмотри, — Руан кивнул в сторону домика, из дверей которого в этот момент выходила пухленькая жена хозяина. — За ночь ничего не случилось, и мы в безопасности. Я же говорил тебе, что ты должна доверять мне. Бриту заинтересовал мой план объединения всех ланконцев. Мы разговаривали почти всю ночь.

Джура заметила, что волосы Руана вновь отливают золотом, а глаза по цвету похожи на два озера.

— Ты смыл краску с волос, чтобы ваш разговор с Бритой был более содержательным? Ты ведь так и не понял, почему Брита не стала убивать двух ирлианцев?

Руан нахмурился.

— Джура, пожалуйста, поговори сама с Бритой. Она приятная женщина и должна тебе понравиться.

Джура вдруг подумала, что ведет себя слишком по-детски. В конце концов. Брита — мать Дайри, а его Джура искренне любила. Она поднялась на ноги.

— Я поговорю с ней.

Джура гордо выпрямилась и зашла в дом.

С первого же мгновения она осознала, что собой представляет Брита. Это была женщина, живущая только в мужском мире. Джура, разумеется, не раз слышала о королеве вательцев и часто гадала, каким образом той удастся держать в повиновении целое племя. Но заглянув в черные блестящие глаза, где светились сила и властолюбие, Джура сразу нашла ответ на свой вопрос. Когда-то она допытывалась у Дайри, почему его мать не стала сражаться с Талом за старшего сына, но сейчас она поняла, что подобная женщина не будет рисковать своим тронном даже ради самого близкого человека.

Столь же очевидной была и ненависть Бриты к стоящей на пороге ирлианке, хотя Джура не понимала причины подобной ненависти.

— Значит, — произнесла Брита, — ты и есть та девушка, которая бросила моего сына у алтаря и предала свою лучшую подругу, лишь бы выйти замуж за английского короля.

Первой реакцией Джуры было возразить, объяснив причины своих поступков, но она вовремя остановилась.

— Да, — ответила она гордо. — Лучше быть королевой ирлианцев, чем оборванных вательцев.

Сзади она услышала приглушенный стон Руана, но не обернулась, смотря Брите прямо в глаза. Обе женщины вполне понимали друг друга и приготовились воевать в открытую.

— Королевой-девственницей, как я слышала, — тихонько заметила Брита, оглядывая Джуру в ее неприятной одежде, а затем демонстративно переводя взгляд вниз на свое красивое светло-кремовое платье. — Возможно, твой муж и не желает видеть в своей кровати подобное существо. Возможно, он ищет себе в подруги настоящую женщину.

Значит, решила Джура, Брите нужен Руан. .

— Легко найти, легко потерять, — сказала она как можно спокойнее, затем повернулась и медленно вышла.

Джура пробежала не меньше мили по лесу, пока не наткнулась на небольшую речку. Она сорвала ненавистную вательскую одежду и кинулась в воду. Еще ни разу за всю свою жизнь она не чувствовала себя такой несчастной. Даже когда умерли родители, Джура не испытывала подобного одиночества. Тогда о ней стал заботиться Дайри. А сейчас в ее жизнь вошел этот англичанин — и заставил страдать. Заставил почувствовать себя нежеланной и ненужной.

Джура выбралась на берег и, не вытираясь, натянула на себя тунику.

— А, вот ты где, — услышала она голос Руана, но не обернулась, продолжая зашнуровывать ботинки.

— Я поговорил с Бритой, — сказал вдруг Руан. — Ты была права. Эта женщина согласна на союз между вательцами и ирлианцами, но на своих условиях. Она хочет выйти замуж за короля Ланконии. — Руан нахмурился, глядя на Джуру. — Тебе не следовало бы уходить так далеко.

— Ты считаешь, в этом домике опасностей меньше? — с издевкой спросила Джура. — Ты был прав — мне не стоило приходить на землю вательцев. Я постараюсь исправить эту ошибку как можно быстрее. — Джура направилась в сторону крестьянского домика, но Руан схватил ее за руку.

— Ты не можешь путешествовать одна. На тебя нападет первый же встречный мужчина.

— Почему? — Джура почти визжала от злости. — Я же девственница, ты не забыл? Всем известно, что я нежеланна для мужчин. — Она вырвала руку. — Возвращайся к Брите. Скажи, что согласен жениться на ней. Ирлианцев обрадует брак между правителями. Ты говорил, что браки — это лучший способ объединить людей. Так покажи пример первым.

— А ты выйдешь замуж за Дайри? — прямо спросил Руан.

— Дайри... — повторила Джура. Звук знакомого имени, воспоминания об их дружбе вызвали слезы. Она отвернулась. — Иди назад к Брите. Скажи, что она получит светловолосого короля ирлианцев.

— Ты плачешь? — прошептал Руан. — Ты плачешь из-за Дайри?

— Почему бы и нет, — огрызнулась Джура. — Я всегда любила его. И я никогда не смогу

полюбить тебя с твоими клятвами перед Богом и неумением понять женщину. Иди к Брите. Может быть, она сделает из тебя мужчину.

— Может быть, — Руан сжал зубы. — Да, ты права, эта свадьба станет хорошим примером для моих людей. Стоило раньше подумать о подобном браке, вместо того чтобы затевать соревнование в надежде на... — Он остановился. — До сего момента я позволял моему сердцу руководить моими поступками. Но не дольше. Король ирлианцев и королева вательцев должны пожениться. — Глаза Руана сузились. — Может быть, и вательскому принцу стоит выбрать себе в жены принцессу, а не приемную дочь бывшего короля.

Он не остановил Джуру, когда та дала ему пощечину, просто стоял и смотрел на нее.

— Мы завтра же отправляемся в путь, — сказал он наконец. — Брита соберет молодых вательцев, и мы встретимся с моими людьми на границе. Там же сыграем свадьбу.

— А я получу Дайри. И больше не буду девственницей!

Мгновение он смотрел ей в глаза, затем отвернулся.

— Не вздумай уезжать одна, — бросил он через плечо, — я в любом случае найду тебя.

Руан отошел в сторону так, чтобы Джура его не видела, и прислонился к первому же попавшемуся дереву. Он чувствовал, что сам готов заплакать.

Многие годы он знал, что когда-нибудь станет королем, жертвовал всем ради этого. Оставалась лишь одна сторона жизни, которую он старательно избегал обсуждать со старым Файланом — выбор королевы. Руан собирался сам найти себе жену — женщину, которую будет любить. Вот почему он согласился на соревнования. Ему не хотелось обижать жителей Ланконии, но он страстно мечтал о Джуре. За исключением нескольких мгновений, когда, казалось, выиграет Мелла, Руан не сомневался в победе Джуры, думая, что она любит его.

Но он ошибался. Джура вовсе его не любила. В ту ночь, когда это выяснилось, Руану впервые захотелось умереть.

С тех пор все менялось только к Худшему. Он не понимал Джуру. Каждая попытка защитить ее вызывала гнев. Может быть, стоило показать свою любовь, подарив Джуре меч, чтобы она доблестно сражалась рядом с мужем?

А сейчас она хочет, чтобы он женился на другой женщине, и собирается при этом выйти замуж за Дайри.

Руана очень сильно разозлило отношение Джуры к королеве вательцев. Брита вела себя очаровательно.

Она приказала гвардейцам вернуться в город, отдавая тем самым свою жизнь в руки Руана. Он почувствовал себя чрезвычайно польщенным подобным доверием и поклялся оправдать его даже ценой своей жизни.

А потом появилась Джура, заявившая, что он дурак, и отказавшаяся даже встречаться с Бритой. Ему пришлось извиниться перед той и отправиться на поиски Джуры. Маленькая упрямец просидела век» ночь, следя за домом, а он разрывался между благодарностью и негодованием. Утром Руан подумал, что интуиция его не подвела: Брита желала мира так же сильно, как и он. Его довели до белого каления намеки Джуры на двуличие королевы

вательцев.

Затем последовала эта ужасающая сцена, когда обе женщины не стеснялись в выражении своей неприязни друг к другу, и Руан боялся, что желанное объединение теперь уже не наступит никогда. На этот раз он не побежал за Джурой, а остался в доме, чтобы извиниться перед Бритой. Он хотел сказать, что Джура слишком молода и своевольна, но прежде чем ему удалось вымолвить хоть слово. Брита подошла ближе и коснулась его бедра.

Каким-то образом Руану удалось сохранить спокойствие. Брита была красива, да, она была божественно красива и, без сомнения, весьма опытна в постели, но он не испытывал желания к ней. То же самое было и в Англии, когда женщины буквально бросались на молодого юношу. Ему льстило подобное внимание, но ни разу Руан не захотел лечь с ними в постель.

Только Джура сводила его с ума. Только ее он безумно желал.

Брита прошептала тогда, что они поженятся и станут вместе править Ланконией. Руан смотрел на нее и ничего не чувствовал. Он даже подумал, что вряд ли сможет провести с ней всю ночь.

Он отправился искать Джуру, чтобы извиниться и признать ее правоту. Но тут Джура вдруг заявила, что она собирается расторгнуть брак. Джура, его сильная Джура, которая сражалась как львица, вдруг заплакала, услышав имя мужчины, которого любит.

Ну и пусть, подумал гневно Руан. Он не станет удерживать жену силой. Если она желает уйти к другому мужчине, он женится на Брите.

Руан направился в сторону крестьянского домика. Он должен сказать Брите, что согласен на ее предложение.

— Ты дурак! — шипела Джура. — Ты ничего не знаешь о наших обычаях.

— Неужели тебе нечего больше сказать мне? — отпарировал Руан.

Они стояли рядом, седлая лошадей. За их спинами находилась сотня вательских гвардейцев и столько же молодых парней и девушек. Брита не стала спрашивать своих подданных, а просто приказала, чтобы ее солдаты отобрали подходящих по возрасту. По лицам многих вателок текли слезы.

— Брита не собирается помогать тебе объединять племена, — продолжила Джура немного спокойнее. — Она надеется в союзе с нами завоевать всю Ланконию, а потом наступит черед и самих ирлианцев. Вспомни, что Тал убил ее мужа.

— У нее скоро появится новый, — холодно напомнил Руан, — и его страсть заставит Бриту забыть прошлое.

— Если она, конечно, не разозлит тебя чем-то и ты снова не принесешь Богу клятву, — резко бросила Джура. — Ты хвалишься своей мужской силой, но я ее еще не видела в деле. Возможно, стоит пожалеть Бриту, но сейчас я волнуюсь лишь о судьбе моего народа. Слишком многие из нас доверяют своему королю. А ты, глупец, поверил этой женщине.

— Возможно, ты просто ревнуешь?

— К кому? Я была замужем за тобой и в полной мере почувствовала одиночество подобного брака. — Джура вскочила в седло и теперь смотрела на Руана сверху вниз. — Сейчас король

ирлианцев полезен Брите, поэтому ты в безопасности, но берегись — скоро она решит, что справится своими силами.

Джура доскакала до края поляны и остановилась там, поглядывая на толпу вательцев. Из дома вышла Брита, на этот раз в платье из желтой шерсти, украшенном рубинами. Она села на лошадь. К ней приблизился Руан, и Брита, бросив торжествующий взгляд на Джуру, протянула ему руку для поцелуя.

Джура отвернулась и тронула поводья. Она опасалась долгой дороги домой. Она также боялась того момента, когда Руан объявит о расторжении их брака. Ему это очень легко будет сделать — достаточно лишь заявить, что Джура ему не понравилась. А когда ее обследуют и выяснят, что она все еще девственница, их союз будет признан недействительным.

Джура также знала, что если Руан оставит ее, она никогда не сможет выйти замуж за Дайри. За менее значительного человека, возможно, но не за принца. Однако она не станет рассказывать об этом Руану. У нее еще осталась гордость, и если он не хочет ее, то пусть хотя бы думает, что есть другие мужчины, которым она желанна.

Руан ехал рядом с Бритой, в то время как Джура следовала сзади в окружении вательских солдат.

Брита постоянно поглядывала на него голодными глазами, что очень нервировало Руана.

— Как мог уродливый Тал произвести на свет подобного красавца? — спросила Брита, рассматривая его волосы с таким выражением, будто они были из чистого золота.

— Моя мать была светловолосой, — ответил Руан, быстро переводя разговор на другую тему. — Твой сын, Дайри, без сомнения, посетит празднества, посвященные будущим свадьбам. Ты, наверняка, ждешь этой встречи.

— Разумеется. Кстати, тогда мы сыграем и нашу свадьбу.

— И свадьбу Джуры и Дайри, — тихо добавил Руан. Брита рассмеялась.

— Ей не позволят выйти замуж за моего сына. Он теперь принц, да и кроме того, никто не посадит на трон женщину, отвергнутую королем. Если женщина не может соблазнить мужчину, она не имеет ценности в нашем обществе.

Руан открыл было рот, чтобы защитить Джуру, но передумал.

— Дайри любит Джуру. Они выросли вместе и теперь собираются пожениться. — Он всеми силами старался, чтобы в его голосе не была заметна горечь.

Брита бросила на него оценивающий взгляд.

— Тебя так волнует эта женщина, которую ты не захотел взять к себе в постель? В Ланкони существует закон, по которому отвергнутая мужем женщина не имеет права вновь выйти замуж за человека высокого положения. Мой сын принц. Джура не сможет стать его женой.

— Она этого не знает.

— Конечно, знает. — Внезапно смех умолк. — Не хочешь ли ты сказать, что отказываешься от нашего уговора? — Брита остановила лошадь. — Если ты решил сохранить для себя эту

женщину, то так и скажи. — В ее глазах полыхала ненависть. — Я не собираюсь преклонять колени перед каким-то английским королем и его женой-ирландкой. Или я стану королевой всей Ланконии, или я сейчас же возвращаюсь к себе в город.

В это мгновение Руан понял: Брита хотела править Ланконией, и она собиралась делать это в одиночестве. Женщина, оставившая своего сына в руках врагов, едва ли испытает угрызения совести, отдавая приказ убить мужа, мешающего ей достигнуть желанной цели.

Руан ослепительно улыбнулся и, взяв Бриту за руку, поцеловал кончики ее пальцев. Бросив на нее взгляд через полуопущенные ресницы, он понизил голос:

— Разве мне нужен ребенок, когда я могу обладать настоящей женщиной?

Заметив, как успокоилась Брита, Руан про себя подивился ее тщеславию. Джура вдвое моложе Бриты, и по его мнению, вдвое красивей, но тем не менее, Брита с готовностью поверила тому, что мужчина выберет ее, а не юную соперницу. Возможно, опыт и сила Бриты и привлекали кого-нибудь, но не Руана.

Довольная Брита прищпорила лошадь. — Мы с тобой составим отличную пару. Может быть, не стоит ждать первой брачной ночи, чтобы попробовать друг друга?

Руан растянул губы в некоем подобии улыбками

— Объясни мне, как женщина столь необыкновенной красоты стала управлять вательцами? — Он угадал, решив, что Брита с удовольствием примется рассказывать о себе. Так и случилось. Она разразилась длинной речью, состоящей в основном из фразы: «А потом я...», давая Руану время подумать.

Значит, Джура не сможет выйти замуж за Дайри и она это знает.

— Замечательно, — пробормотал он, обращаясь к Брите.

Если Джуре не разрешат стать женой Дайри, то ее желание разорвать их брак было вызвано или стремлением дать свободу мужу, или ненавистью к нему. Но Руан не мог поверить, что Джура ненавидит его, — иначе она не смогла бы так реагировать на его прикосновения.

— Ты умна и красива, — сказал он вслух Брите.

А как же его клятва перед Богом? Конечно, Джура должна знать, какие обязательства накладывает подобная клятва. Любая девушка в Англии знает это.

Но Джура не была англичанкой.

Когда эта мысль пришла ему в голову, Руан на мгновение замер. Если Джура ничего не знает, то что она подумала, когда он оказался разделить с ней ложе?

Руан почувствовал, как рука Бриты легла ему на плечо.

— Такой сильный, — мурлыкала она. — Нам будет хорошо ночью. Ты... нормален? Можешь доставить удовольствие женщине? Тебя раздражает только твоя жена, ведь так, а не все женщины?

Руан от удивления моргнул.

— Я могу лечь в постель с женщиной.

— Никаких увечий, полученных на турнирах в Англии?

— Нет, — сказал он тихо, — никаких. — Руан решил напомнить ей, что он ланконец, а не англичанин, но внезапно почувствовал себя чужаком. Он принес английскую клятву ланконской женщине.

Брита продолжила рассказ, но Руан не слушал ее. Больше всего на свете он хотел найти Джуру и поговорить с ней, но не решался из опасения разозлить Бриту. Они с Джурой были единственными ирлианцами во враждебной толпе, и ему хватало ума не гневить предводительницу вательцев.

В полдень они остановились, чтобы передохнуть и поесть. Молодым вательцам кинули по куску хлеба, но для Бриты и Руана был накрыт роскошный стол. Руан не испытывал голода. Он оглядывался в поисках Джуры, но она словно сквозь землю провалилась.

После трапезы он извинился, сказав, что должен пройтись в лес. Оказавшись вдали от любопытных глаз, Руан опустил на колени и начал молиться.

— Ты всегда помогал мне. Господь, — шептал Руан, — и сейчас мне снова нужна твоя поддержка. Господь, я всего лишь слабый мужчина, глупый мужчина, который сделал глупую ошибку. Я поклялся тебе, что не дотронусь до своей жены, пока она сама не стане! умолять это сделать. Но вместе с тем, я поклялся любить и заботиться о ней до самой смерти. Я не могу одновременно выполнять обе клятвы, и, прошу тебя, освободи меня от первой, сделанной озлобленным мальчиком, а не мужчиной. Господь, я преклоняюсь перед тобой, прося извинения. Я приложу все силы, чтобы стать хорошим королем, я даже обращаю ултенов в христианство, но, пожалуйста, освободи меня от клятвы.

Когда Руан закончил молиться и открыл глаза, лес показался ему необычайно тихим. Вдруг до него донесся шорох в кустах, треск ломаемой ветки.

Обернувшись, он увидел Джуру. Она стояла, держа в руке окровавленный нож.

— А, это ты, — заметила Джура, бросая оружие на землю.

— Чем ты занимаешься? — Руан улыбнулся. Нож в руках Джуры представлял меньшую опасность, чем блестящие от возбуждения глаза Бриты и ее бесконечные истории о себе самой.

— Я убила шесть кроликов и собираюсь передать их тем людям, что идут с нами. Ты хочешь рассказать Брите, что я совершаю преступление? Этот лес принадлежит ей, а она жестоко расправляется с браконьерами.

— Я ничего ей не скажу, — уверил Руан, с улыбкой наблюдая, как Джура прячет добычу в мешок.

— Почему ты улыбаешься? Заранее радуешься предстоящей женитьбе на королеве вательцев? Руан протянул руки и обнял Джуру.

— Ты мой ответ от Господа Бога, — сказал он очень серьезно. — Я просил Его освободить меня от клятвы, и вот появилась ты. Как ответ на мои молитвы.

Джура толкнула его в грудь.

— Ты сошел с ума. У тебя такие близкие отношения с Богом? Он что, говорит с тобой по ночам? Или, может быть, ты его видишь?

Руан улыбнулся и поближе прижал ее к себе.

— Я свободен от своих обязательств перед Ним, Джура, мы теперь можем жить как муж и жена.

Джура затихла, а затем запрокинула голову, стараясь рассмотреть лицо Руана.

— Ты женишься на Брите, а я выйду замуж за Дайри.

— Ты не можешь выйти замуж за Дайри, и знаешь этот закон так же хорошо, как и я. Неужели ты собиралась помочь Ланконии, избавившись от меня, или тебе просто ненавистна сама мысль о замужестве? — Наклонившись, Руан стал покрывать легкими поцелуями ее шею.

— Отпусти меня. Я не могу думать, когда ты...

— Когда я касаюсь тебя? Когда мы занимаемся любовью? — Руан гладил обеими руками ее тело, это восхитительное тело, о котором столько мечтал.

Джура обмякла, закрыв глаза.

— Оставь меня и иди к Брите, — прошептала она хрипло.

— Я не хочу Бриту. И никогда не хотел. Я всегда желал только тебя. Сегодня ночью, Джура, я приду к тебе, и ты больше не будешь девственницей. — Руан с трудом оторвался от мягких губ Джуры. Его тело болело от желания.

— Ты шутишь со мной, англичанин? — тихо спросила Джура. — Ты ведь потеряешь Бриту, если придешь ко мне.

— Я никогда не хотел эту женщину, поверь мне, Джура.

— Не знаю, можно ли доверять тебе.

— Можно. Клянусь своей жизнью. А сейчас иди И отдай кроликов этим беднягам. Иди.

Джура была в смятении, но, тем не менее, подчинилась, послушно направляясь в сторону лагеря.

Руан стоял, улыбаясь и думая о предстоящей ночи, когда вдруг услышал звук шагов. Он мгновенно спрятался за деревом, осторожно выглядывая из-за ствола. Среди кустов мелькнуло ярко-желтое платье.

Брита. Она несомненно последовала за ним и видела его встречу с Джурой. Слишком далеко, чтобы разобрать слова, но достаточно близко, чтобы разглядеть лица.

Неожиданно Руан похолодел от страха. Алчущая власти женщина, подобная Брите, не остановится ни перед чем, чтобы убрать с дороги такого ребенка, как Джура.

Стараясь ступать как можно тише, Руан последовал за Бритой, заметив, как та подошла к

одному из стражников. Мужчина кивнул, и Брита вернулась к своему шатру.

Руан пошел за солдатом. Тот, прячась среди деревьев, обошел лагерь, наблюдая за его обитателями. Затем остановился, припав к земле. Среди вательцев появилась Джура.

Руан с ужасом смотрел, как стражник приподнимает лук, целясь в девушку. Не думая о последствиях, Руан мгновенно вытащил нож и всадил его в шею прячущегося солдата.

Вателец упал замертво.

Руан понимал, что ему надо как можно быстрее избавиться от мертвеца. Он выдернул нож, перекинул труп через плечо и побежал в глубь леса. Ему удалось найти подходящую яму, куда он и кинул тело. Затем вернулся в лагерь.

Брита ждала его, и, хотя на губах ее играла улыбка, в глазах бушевала ярость.

— Тебя не было так долго. Он широко улыбнулся.

— Я встречался со своей женой. — Руан надеялся смутить Бриту, говоря правду. — Мне пришлось успокаивать ее.

— И каким же образом ты успокаивал жену? Руан подвинулся ближе.

— Так, как я всегда обращаюсь с женщинами. С помощью рук и губ. Разве тебе это не понравилось бы? Только отвечай честно, чтобы я знал прежде, чем мы поженимся.

— А это произойдет? Если ты предпочитаешь проводить время с женой, то, возможно...

Руан наклонился и поцеловал Бриту. Он чувствовал ее возбуждение, и даже мог бы считать себя польщенным, если бы не знал, что привлекает ее только как король, а не как мужчина.

— Джура — сестра человека, которого многие прочтат в короли. Если ее обидеть, или, что еще хуже, нанести какой-либо вред, Джералт поднимет восстание. А я не хочу, чтобы нас убили, прежде чем мы объединим народы Ланконии.

— Возможно, ты прав, — нехотя согласилась Брита. — Но я не люблю делиться тем, что принадлежит только мне. — Она приподняла голову. — Мне надо уладить одну маленькую проблему. — И Брита поспешила прочь.

Руан устало закрыл глаза. Брита, без сомнения, могла проверить, убита ли Джура. Что, интересно, она подумает, когда обнаружит, что девушка жива, а стражник пропал? Скорее всего, заподозрит истину.

Джура с самого начала предупреждала о подлой натуре Бриты, но он был так уверен в себе, что в одиночку отправился на территорию вательцев. А сейчас и его жизнь и жизнь Джуры в опасности.

Ему надо умасливать Бриту, пока ирлианцы и вательцы не переженятся. Так или иначе, но ради безопасности Джуры он должен заставить поверить всех, что влюблен в Бриту. Это означало, что он не сможет сегодня ночью увидеться с Джурой. Ему придется быть рядом с королевой вательцев, следя, чтобы та не послала кого-то еще с заданием убить молодую ирлианку.

Глава 11

Джура проследила, чтобы Руан заметил, как она покидает лагерь в эту ночь, и постаралась не уходить далеко. Но он не пошел за ней. Она вернулась, выбрала место так, чтобы видеть шатер Бриты. Руан вошел туда и не выходил.

Она старалась подавить свою ярость, уговаривая себя, что никогда и не ждала от Руана ничего другого. Но это плохо помогало. К утру ее глаза стали красными от слез, а сердце словно превратилось в камень.

В полдень она увидела, как Руан ухаживает за Бритой, кладя той а рот кусочки хлеба. Когда Руан поднял голову и встретился взглядом с Джурой, она поспешно отвела глаза.

Следующая ночь была последней перед выходом к границе между землями ирлианцев и вательцев.

Джура проснулась от того, что кто-то зажал ей рот.

— Это я, — прошептал Руан. Джура забилась, почувствовав удовлетворение, когда услышала болезненный вскрик Руана, но в следующее мгновение его рука ударила ее в подбородок, и она потеряла сознание.

Джура очнулась на берегу ручья. Она попыталась встать, но Руан удержал ее.

— Джура, пожалуйста, веди себя тихо. Болит голова?

— От такого легкого удара? — переспросила она снисходительно, чувствуя тем не менее, как гудит в ушах. — И что ты собираешься делать? Навсегда избавиться от меня? Возможно, твоя возлюбленная Брита решила, что я мешаю вам?

— Да, она так решила, — спокойно согласился Руан. — Вчера она видела нас вместе и послала одного из стражников за тобой. Он уже целился в тебя из лука, когда я всадил в его шею нож.

Джура моргнула от удивления.

— И я не мог прийти к тебе прошлой ночью, потому что Брита следила за мной, — продолжал Руан.

— Поэтому ты остался с ней, и целовал ее, и... Руан прижался губами ко рту Джуры, заставив ту замолчать.

— У меня есть план, — пробормотал он. — Я отведу Бриту к Брокейну. Мне кажется, они поправятся друг другу.

Руан наклонился над Джурой, раздевая ее.

— Армия Бриты однажды воевала с Брокейном, и Брита выиграла, — заметила Джура рассеянно. — Не делай этого со мной, — прошептала она.

— Джура, неужели ты не понимаешь, что я люблю тебя?

— Любишь? — спросила она горько. — Если любовь вызывает такую боль, тогда я предпочту ненависть.

Руан знал, что его могут хватить в любой момент, что Брита, проснувшись и обнаружив его кровать пустой, обязательно пошлет за ним стражников. Но сейчас любовь к Джуре затмила

все его страхи.

Когда он первый раз проник в нее, Джура вскрикнула от боли. Она попыталась высвободиться, но он, казалось, не замечал ее страданий.

Когда Руан наконец обессиленно упал на нее, глаза Джуры были полны слез.

— Оставь меня. — Джура с силой оттолкнула мужа.

Руан откатился в сторону и встал, поправляя одежду. — Джура, — его голос звучал необычайно нежно, — в следующий раз все будет намного лучше.

— Просто хуже уже и быть не может, — бросила она, натягивая тунику и рейтузы. Нижнюю часть живота сводило от боли. — Если бы я раньше знала, на что это похоже, то с удовольствием уступила бы тебя Брите.

— Проклятье! — выругался Руан. — Я рисковал нашими жизнями, когда пришел сюда сегодня ночью, и сейчас ты уже не девственница. Я не женюсь на Брите. — Он наклонился и взял пальцами за ее подбородок, заставив смотреть себе прямо в глаза. — Клянусь, ты полюбишь своего мужа, Джура. Ты будешь любить меня!

— Никогда! — В настоящий момент Джура испытывала только гнев.

Они больше не разговаривали, поспешно вернувшись в лагерь.

На следующий день их караван достиг реки, являвшейся границей между землями вательцев и ирлианцев. Джура остановилась, ожидая, пока к ней приблизится Руан.

— Мы пересечем реку вдвоем, а вательцы пока подождут здесь.

Джура кивнула и пришпорила лошадь, следуя за Руаном. Как только они оказались на другом берегу, их тут же окружила толпа ирлианцев, разъяренных вторжением чужаков. Однако, заметив светлые волосы Руана, они сразу опустили мечи и с подобающими почестями проводили Руана и Джуру в ближайшую деревню.

Когда впереди показались первые домики, Джура от усталости буквально свалилась с седла.

— Пошли со мной, — Руан схватил ее за руку.

— Я голодна и...

— Ты сможешь поесть позже, а сейчас я должен увидеть своих людей.

— Твои англичане, скорее всего, уже спят.

— Мои ланконцы, — поправил ее Руан, увлекая за собой.

В этот момент невдалеке показался Дайри.

— Иди за мной, — сказал ему Руан, не останавливаясь. Когда он увидел Сайлин, то также приказал ей следовать за ними. Так, вчетвером, они и зашли в дом, принадлежащий тетке Джуры.

Здесь Руан попросил предоставить им одну из дальних комнат.

— На другом берегу реки ждут Брита и двести вательцев, — начал он. — Я привел их, чтобы они могли жениться на ирлианцах. Брита согласилась, но при условии, что она выйдет замуж за короля Ланконии.

Сайлин бросила выразительный взгляд на Джуру, но та, не поднимая головы, внимательно разглядывала свои руки.

Дайри отреагировал мгновенно.

— Тогда я возьму в жены Джуру. Она станет моей королевой, и мы будем править вательцами.

Джура благодарно улыбнулась своему другу.

Руан быстро встал между ними и сказал, глядя Дайри прямо в глаза:

— Я не женюсь на Брите. Джура больше не девственница, и я не оставлю ее.

Дайри молча сел на первый попавшийся стул.

— Я думаю, что смогу отвлекать Бриту до тех пор, пока не состоятся свадьбы наших людей, — рассуждал Руан, расхаживая по комнате, — а потом отвезу ее к Броейну и поженю их.

— Ты собираешься выдать мою мать за этого жестокого старика? — вспыхнул Дайри. Сайлин прервала его.

— У Броейна есть жена. В прошлом году ей исполнилось двенадцать, и он вряд ли откажется от девочки ради такой зрелой женщины, как Брита. — Сайлин немного подумала. — Но у Яна, короля фаренцев, нет жены.

Он должен быть очень крепким и очень здоровым, чтобы удовлетворить эту женщину, — заметил Руан.

— Моя мать — королева, — не сдавался Дайри. — Ты не можешь приказать ей стать женой одного из фаренских коротышек.

— Твоя мать приказала убить Джуру. — Руан стиснул зубы, увидев вспыхнувший гнев в глазах Дайри. — Я собираюсь отвезти Бриту к Яну, и мне нужна помощь.

Джура удивленно подняла глаза. Неужели это тот самый мужчина, что так безрассудно отправился в страну вательцев?

— Бриту придется везти силой, — продолжил Руан.

— Брита может объединиться с Яном против ирлианцев, — осторожно заметила Сайлин.

— Надеюсь, что к этому времени ирлианцы и вательцы станут одним народом, — возразил Руан, — и армия Бриты резко уменьшится. Между прочим, она привела своих солдат, и мне кажется, некоторые девушки из ирлианской королевской гвардии не откажутся выйти за них замуж. А любой мужчина подумает дважды, прежде чем поругаться с такой женой — я уже убедился на своем опыте. — Руан устало потер глаза рукой. Дайри, я хочу, чтобы вы с Сайлин помогли в этом нам с Джурой, когда мы повезем Бриту к фаренцам.

Сайлин снова бросила весьма выразительный взгляд на Джуру.

— Ты хочешь, чтобы с тобой отправились две женщины?

— Нам с Дайри нужно, чтобы кто-то прикрывал нас со спины.

— Понимаю, — улыбнулась Сайлин. — Я-то поеду с тобой, но примет ли подобных гостей Ян?

— Я собираюсь послать гонца, кого-нибудь из племени поленцев или ултенов. В послании будет сказано, что мы везем Яну невесту королевских кровей.

Прежде чем кто-то смог ответить, дверь в комнату распахнулась и на пороге появилась Лора, выглядевшая необычайно привлекательно в платье из темно-красного вельвета.

— Руан! — закричала она радостно и бросилась к нему на шею. — Я так волновалась за тебя. Монтгомери сказал, что ты уехал, чтобы отпраздновать медовый месяц, но я знаю, что это не так. Где ты был? Ты не ранен?

Руан нежно улыбнулся, глядя сестру по голове, затем наклонился и поцеловал ее в щеку.

— Я был на территории вательцев, привез оттуда Бриту и ее людей, чтобы поженить их с ирлианцами. Тебе не стоило волноваться.

— Но я не могла иначе. Ты решил сделать все в одиночку, к тому же взвалив на себя заботу о Джуре.

От возмущения Джюра резко вскочила на ноги, но Руан опередил ее.

— Джюра вовсе не была обузой, — сказал он, обнимая Лору и смотря через ее плечо на свою жену. — Она даже помогала мне — иногда.

— Дядя Руан?

Все обернулись, глядя на показавшегося в дверях мальчика в длинной белой ночной рубашке.

— Ты уже дома, — сонно пробормотал Филип. Руан выпустил сестру и наклонился, протягивая руки к племяннику.

Филип потянулся к дяде, но, заметив в стороне Джюру, передумал и направился к ней. Джюра подхватила мальчугана, и он мгновенно затих у нее на руках.

— Из всех... — начала было Лора, но Руан остановил ее.

— Пусть. Я и сам не прочь отдохнуть. Мы обговорим детали нашего плана завтра утром. — Руан подошел к Джуре, чтобы забрать у нее Филипа, но она крепко вцепилась в мальчика.

— Он будет спать со мной, — сказала Джюра резко, словно провоцируя мужа на ссору.

Глаза Руана сверкнули гневом. Он выпрямился и быстро вышел из комнаты, уводя с собой Лору.

Сайлин подошла к Джуре.

— Вижу, что между вами ничего не изменилось. Я надеялась...

— У нас нет будущего. Он англичанин и никогда не поймет, как мы живем.

— Х-м-м, — протянула Сайлин скептически. — Перед последней поездкой он категорически отказывался брать с собой женщин, а сейчас требует, чтобы две из нас охраняли мужчин. Похоже, наш король уже чему-то научился.

Джура осторожно встала, стараясь не потревожить спящего Филипа.

— Надо хорошенько выспаться. Завтра ирлианцы впервые встречаются с вательцами, и нам могут потребоваться все силы.

Сайлин кивнула и провела свою подругу в другой дом, где им были приготовлены постели.

Джура проснулась ранним утром, почувствовав, как ее трясут за плечо. Это был Руан.

— Я ухожу на встречу с вательцами и Бритой. Как моя жена ты обязана присутствовать на церемонии бракосочетания представителей двух народов.

— И быть свидетелем их приближающегося несчастья, — пробормотала Джура.

Руан вышел.

Как только Джура покинула дом, то заметила, как странно обезлюдела деревушка.

Когда же она подошла к реке, ее глазам предстало фантастическое зрелище.

Вдоль берега выстроились ряды ирлианцев. Над толпой царило молчание, не слышались ни крики детей, ни лай собак. Люди безмолвно наблюдали, как на противоположной стороне показались вательцы.

Последние недели Джура не раз видела плачущих вателок, которых пугало предстоящее замужество с ирлианцами. Но сейчас их лица были спокойны, туники выстираны, волосы слегка влажные от утреннего купания.

Джура подошла поближе, оказавшись за спинами своих соотечественников.

— Видишь того, в третьей повозке слева, — прошептала одна из женщин своей соседке. — Если бы я могла выбирать, то уж точно выбрала бы его.

— Нет, — ответила ее юная собеседница, — тот, которого я хочу, сидит на вороном коне. Посмотри, какие икры.

Улыбаясь, Джура прошла дальше, без зазрения совести подслушивая разговоры стоящих рядом людей.

Она подумала, что день задался теплее, чем предполагалось. По какой-то неясной причине Джура вдруг вспомнила свою первую встречу с Руаном, когда на ней была надета лишь туника... Она прижалась к нему, пока его руки ласкали ее грудь, бедра... А его рот...

— Джура!

Она очнулась, вернувшись к реальности, и обнаружила рядом с собой Сайлин.

— Ты унеслась мыслями далеко-далеко, — заметила ее подруга. А кого из этой толпы выбрала бы ты?

Джура вновь бросила взгляд на пересекавших реку вательцев. Руан ехал рядом с Бритой. Еще несколько недель назад она ненавидела его светлые волосы и белую кожу, но сейчас король Ланконии казался ей самым красивым. Он был не только светлей, но и в плечах шире остальных мужчин. Когда-то она сочла его толстым и медлительным, но потом поняла, что тело Руана стало таким вследствие многолетних тренировок и не несло ни капли жира. Она также узнала, как приятно прикоснуться к этому телу...

Неожиданный смех подруги заставил Джуру вздрогнуть.

— Очевидно, Руан раздражает тебя где угодно, только не в постели, — пронизательно заметила Сайлин.

— Он просто неуклюжий идиот, — ответила Джура глухо. — А готова ли еда для наших гостей? — поспешила она поменять тему разговора. — У них позади длинное путешествие.

— Да уж, — вновь расхохоталась Сайлин. — Они выглядят такими же голодными, как и наши люди. Руан сказал, что к вечеру все должны выбрать себе женихов и невест.

— Все? — удивилась Джура. — Ты тоже собираешься поучаствовать?

— Если найду кого-нибудь, кто мне понравится. Есть пара гвардейцев, весьма привлекательных на вид, но я обещала сопровождать Руана к Яну, и было бы глупо выйти замуж и сразу же оставить мужа в одиночестве. Пошли, пора задать людям работу. Костры еще не зажигали.

Джура обрадовалась занятию, отвлекающему ее внимание. Ей не хотелось, чтобы Руан заметил, как она следит за ним жадными глазами.

Это был странный день. Никогда раньше вательцы и ирлианцы не проводили столько времени рядом друг с другом. В истории, как рассказывали, были времена, когда вательцы, ирлианцы и фаренцы объединились, чтобы сражаться с гуннами. Но в конце боя сын короля фаренцев убил брата короля вательцев, и с того времени началась междоусобная война.

Сейчас же представители обоих племен находились рядом в маленькой ирлианской деревушке.

— Надо что-то делать, — услышала Джура слова Лоры. Ее невестка, как обычно, стояла около брата. — Руан, ты должен переводить для меня, я хочу поговорить с людьми.

Руан поднял голову и встретился взглядом с Джурой. Его голубые глаза потемнели, и девушка внезапно почувствовала, как ей снова становится душно.

— Тебе поможет Джура, — наконец сказал Руан. Лора скривила рожицу.

— Возможно, Ксант...

— Джура будет переводить для тебя, — тон Руана не оставлял возможности для возражений.

Джура не слишком обрадовалась, когда ее заставили выполнять прихоть своей невестки, но все-таки Лора права: надо что-то делать. Правда, Джура сомневалась, что такое мягкое и бесполезное существо, как Лора, сможет справиться с ситуацией.

Час спустя Джура коренным образом поменяла свое мнение о невестке. Та принялась отдавать приказы с твердостью, достойной самого сурового капитана королевской гвардии. Она приказала вательским женщинам помогать ирлианкам, а мужчин послала собирать хворост

для костров. Когда же Лора заметила симпатичного молодого юношу-вательца, плящущегося на юную ирлианку, которая отвечала ему не менее пылкими взглядами, она отправила их на рыбалку.

— Как же они поймают рыбу без удочки и крючков? — недоумевала Джура.

Лора бросила на свою родственницу насмешливый взгляд. Джура расхохоталась, затем наклонилась к Лоре и прошептала:

— Молоденькая девушка с красной каймой на тунике, которая так отчаянно боролась за Руана, призналась, что ей нравится вон тот гвардеец, стоящий сейчас рядом с Бритой.

— С широкими плечами и красивыми ногами?

— Ну, я видела ноги и получше, — в тон ей бросила Джура. — Где-то в полудне ходьбы отсюда растут ягоды. Думаю, их надо собрать.

Джура счастливо улыбнулась, увидев, с какой готовностью парочка отправилась в лес.

После этого Джура и Лора почувствовали себя удивительно раскованно в компании друг друга. Их жизнь была такой разной. Джура проводила все время в компании мужчин, выполняя мужскую работу. Она умела наточить меч, но совершенно не представляла, как готовить или вести домашнее хозяйство. Лора, когда ее обижали двоюродные братья, бежала за помощью к Руану, Джура же содрала бы кожу живьем с любого мужчины, осмелившегося оскорбить ее. Лору пугало отсутствие у Джуры женской мягкости, Джура презирала невестку за ее очевидную бесполезность.

Но в этот день обе девушки поняли, что у каждой есть свои сильные и слабые стороны. И их объединила потребность, издревле свойственная женщинам — потребность поболтать.

Джуре стало нравиться их занятие. Старый Тал, вероятнее всего, презрительно фыркнул бы, если бы его приемная дочь заговорила о любви и романтике, но Лора не могла обсуждать ничего другого.

— Только посмотри на тех двоих, — замечала она весело. — Отлично смотрятся вместе, ты не находишь?

— Она ткачиха, — сказала Джура, — можно предложить осмотреть ее станок.

— О да, — захихикала Лора. — Ты отличная сваха, Джура. Я бы никогда не подумала, что ты так хорошо справишься с подобным занятием.

Джура подумала, как же приятно, когда за тобой ухаживает мужчина. Дайри подарил ей двадцать стрел, когда просил выйти за него замуж, но сейчас Джура предпочла бы вместо этого букет цветов.

— Сегодня вечером мы заставим Руана сыграть нам на лютне, — заметила Лора. — Он знает несколько прелестных баллад.

— Сыграть? Песни? — недоуменно переспросила Джура. — Ах, да. Он играл для Бриты.

Лора резко повернулась к своей невестке.

— Он что, ни разу не играл для тебя? И не пел любовные песни при луне?

— Он однажды сказал, что я красивей, чем служанка, которую мы видели.

Лора молча разглядывала Джуру.

— Похоже, я ошибалась в тебе. Почему же тогда ты не хотела выходить замуж за моего брата?

— Сайлин должна была стать королевой. Из нее получилась бы королева гораздо лучше меня.

— Я так не думаю.

Они не слышали, как к ним подошел Руан.

— Вы, девушки, явно наслаждаетесь жизнью, — заметил он с присущей всем мужчинам снисходительностью, возникающей, когда те считают, что могут позабавиться за счет более слабых.

— Твоя жена рисковала жизнью, чтобы завоевать тебя, а ты даже не сыграл для нее на лютне, — накинулась Лора на брата. — Вместо этого отправился пресмыкаться перед Бритой. Только посмотри на нее: сидит, окруженная самыми красивыми мужчинами. Ты должен просить прощения у Джуры. Пошли, Джура, у нас впереди много работы!

Джура позволила Лоре увести ее в сторону. Она чувствовала себя хорошо, о да, очень хорошо. Эта Лора тоже имеет оружие, только оно сделано не из стали. Джура с уважением смотрела на невестку.

К полудню на центральной площади деревни были накрыты столы. Вокруг царили смех и веселье. Дети, чувствуя приближение чего-то необычного, носились как угорелые, громко крича и толкаясь, но взрослые не обращали на них внимания, следя лишь, чтобы они не свалились в котлы с супом. Старики с удовольствием поглядывали, как молодые парни и девушки хихикают и заливаются краской каждый раз, когда их руки «случайно» соприкасаются.

— Ты свободна? — спросил Джуру высокий, необычайно красивый стражник-вателец. — Если наша королева выйдет замуж за вашу короля, то ты останешься одна. — Он наклонился, почти касаясь губами ее шеи. — Я могу заставить тебя забыть этого англичанина.

Прежде чем Джура смогла ответить, к ней подбежал Руан, схватив ее за руку.

— Чем ты занимаешься? Я думал, ты с Лорой.

— А вы с Бритой, наверно, обсуждали свою свадебную церемонию?

Руан с силой тянул Джуру в сторону дома ее тетки.

— Мы должны поговорить.

Как только они оказались внутри, Руан повернулся к ней.

— Я сказал Брите, что не смогу расстаться с тобой, пока не будут заключены браки между нашими людьми. Боже, как я не люблю лгать! Придется потом покаяться. Мне кажется, я нашел временное решение наших проблем — это твой сводный брат.

— Джералт? А он-то какое отношение имеет ко всему этому?

— Пока ты занималась сватовством, я думал и наблюдал. Брита очаровала твоего брата. Не знаю, что здесь важнее — ее красота или власть. Насколько я понял, Джералт собирается объединиться с Бритой и убить меня. Нет, не возражай! Это лишь мои домыслы. Лучше скажи мне, способен ли мужчина, подобный Джералту, заинтересовать женщину таких невероятных appetitov, как Брита?

Джуре потребовалось несколько мгновений, чтобы понять, что же у нее спрашивают.

— Ты имеешь в виду, мужчина ли мой брат? — процедила Джура сквозь стиснутые зубы. — И может ли он доставить женщине удовольствие? Больше, чем ты! — закричала она гневно. — У него было много женщин, и ни одна не жаловалась.

— Джура, что... — начал Руан, затем остановился. — Давай хотя бы раз не станем ссориться. Я сказал Брите, что не смогу прийти к ней сегодня ночью, но эта женщина ...э-э... настаивает. Будет замечательно, если я смогу предложить ей взамен какого-нибудь сильного молодого человека.

— Ты слишком увлекся, распоряжаясь судьбами людей, англичанин.

— Возможно, я и распоряжаюсь судьбой своей страны, но вот со своей женой никак не могу найти общий язык. Брита причинит много неприятностей, если ее не занять сегодня ночью. — Руан глубоко вздохнул. — Впрочем, это моя забота. Пойду, разыщу твоего брата.

Когда он вышел, Джура устало опустилась на стул в углу комнаты. То, что возникло с самой их первой встречи у ручья, сейчас, похоже, исчезло.

Она даже не подняла головы, когда открылась дверь.

— Джура, — окликнула ее Лора. но девушка не пошевелилась.

Лора смотрела на гордую Джуру, забившуюся в угол, чувствуя, как ее одолевает чувство вины. Она протестовала, узнав, что эта женщина станет женой брата, не доверяя ей и не понимая ее. Но, когда Руан с Джурой уехали, она проводила много времени с Сайлин, от которой и узнала правду о том, что произошло во время соревнований. Джура приложила все силы, чтобы выиграла ее подруга, но та потеряла сознание, и Джуру признали победительницей.

Тогда Лора разыскала Дайри, выпытывая сведения о Джуре. Она поняла, что Джура не верила в способность Руана стать хорошим королем.

Узнав, куда направились Джура и Руан, Лора испугалась за их жизни. И разозлилась на невестку, ставшую обузой для Руана. Однако, когда они вернулись, брат сказал, что его спутница помогала ему. А позже Лора узнала подробности того, как Джура прикрывала Руана во время обеда.

Мнение Лоры о невестке стало меняться. Большую роль в этом сыграло и необыкновенное обожание, испытываемое к ней маленьким Филипом. Мальчик следовал за Джурой по пятам, а та никогда не прогоняла его, находя время поиграть или ответить на вопросы.

Потом Руан вынудил сестру провести день вместе с Джурой, и Лора поняла, что та ей нравится. Казалось, Джура начисто лишена ревности, столь присущей английским дамам. Она не обращала внимания на то, как Руан увивается около Бриты или поглядывает на хорошеньких женщин.

Лора вдруг подумала, как хорошо бы свести самих Руана и Джуру. Разумеется, ее брат уже женат на Джуре, но ей показалось, что отношения между молодыми супругами далеки от идеальных. Словно в подтверждение своих опасений Лора увидела, как Руан яростно тянет Джуру подальше от толпы веселящихся людей. Это был жест не любовника, а разъяренного отца, наказывающего свое непослушное дитя.

Все существо Лоры мгновенно взбунтовалось. Она нашла Ксанта и попросила его поставить шатер Руана в пяти милях вниз по реке, подальше от остальных, в тихом уединенном месте. Потом дожидалась Руана.

Ее сердце мгновенно прониклось сочувствием к Джуре, выглядящей сейчас столь потерянной и несчастной.

Лора решила не терять времени понапрасну.

— Пошли со мной.

— Что? — переспросила Джура, моргнув.

— Пошли со мной.

— Я кому-то нужна?

— Да, ты нужна своему мужу, а Ланконии требуется королева. Кроме того, стоит уговорить тебя завести детей, пока ты окончательно не присвоила моего сына Филипа. И я могу помочь тебе.

— Не понимаю.

— Ничего страшного. Пошли. Нам предстоит изрядно потрудиться.

Джура послушно проследовала за Лорой в соседний дом. Там Лора крикнула юному Монтгомери, чтобы тот перестал заигрывать с хорошенькими служаночками, а лучше помог бы им сдвинуть тяжелые сундуки.

— Я собираюсь найти тебе красивую английскую одежду, — сообщила она Джуре.

— Я не стану надевать эти твои платья с узкой талией, — Джура от негодования даже попятилась. — Если на нас нападут, я не смогу в них сражаться.

— Единственным человеком, который может атаковать тебя сегодня ночью, будет твой муж, — заметила Лора. Затем она набросилась на Монтгомери. — Я тебе дала слишком мало работы, что ты стоишь и подслушиваешь женские разговоры? — И вновь обратилась к Джуре: — Дайри просил тебя стать его женой. Что заставило его сделать это?

— Я выиграла соревнования лучников, — Джура улыбнулась приятным воспоминаниям.

Лора и Монтгомери от удивления на какое-то время даже потеряли дар речи.

Лора пришла в себя первой.

— Вот это и есть основное различие между ухаживанием по-английски и по-ланконски. Не думаю, что англичанин захочет жениться на женщине, которая стреляет лучше него.

— Но для женщины необходимо быть сильной! возмутилась Джура.

— Женщине необходимо иногда быть и слабой, — прозвучал тихий, но уверенный голос Лоры. — А сегодня вечером ты будешь слабой. Монтгомери! — перешла она на крик. — Ты уже нашел нужный сундук?

Юноша, до глубины души пораженный темой разговора своих хозяек, побежал к горе багажа, наваленной около стены. Наконец обитый железом сундук был открыт. Лора быстро просмотрела содержимое, остановив свой выбор на восхитительно красивом темно-синем платье.

— Это мое самое длинное, и я надеюсь, что тебе оно придется впору.

Джура осторожно прикоснулась к ткани, словно платье было покрыто ядом. Она никогда еще не видела подобной красоты.

— Я не игу... — начала Джура, но затем остановилась, глядя на Лору. — Твоему брату это понравится больше, чем мое умение хорошо стрелять из лука?

— Джура, — Лора с трудом сохраняла серьезность, — когда мы тебя оденем как следует, мой брат упадет на колени и станет умолять о прощении за все недобрые высказывания в твой адрес.

Джура выхватила платье из рук Лоры.

— Тогда быстрее за дело.

Лора выгнала Монтгомери из комнаты и занялась Джурой.

Джура обычно носила тунику и узкие рейтузы, составлявшие форму королевского гвардейца, хотя по праздникам ей приходилось надевать и юбку. Однако она никогда не видела ничего подобного этой английской одежде: узкая золотая рубашка, отделанная кружевами, поверх которой надевалось платье из темно-синего вельвета, изумительно подчеркивающее талию и грудь Джуры.

Лора распустила волосы Джуры, скрепив их обручем из чистого золота. И наконец, вместо обычных высоких ботинок Джура надела туфельки из мягкой кожи.

Лора отклонилась назад, критически рассматривая свою невестку.

— Да, — пробормотала она удовлетворенно.

— Я... хорошо выгляжу? — спросила Джура с непривычной для себя робостью. — Лучше, чем Брита?

Лора расхохоталась. Джура, очевидно, не подозревала о своей красоте и той власти, которую она ей давала. Для Джуры сила — это умение быстро бегать, хорошо стрелять из лука и сражаться на мече во время боя.

— Да Брита просто уродина по сравнению с тобой, — пылко воскликнула Лора, заставив Джуру улыбнуться. — Я хочу, чтобы ты вышла на улицу и отправилась напрямик к своему мужу. Не торопись, пусть все как следует тебя разглядят. А когда найдешь Руана, передай ему, что будешь ждать в его шатре. Если он начнет говорить о королеве вательцев или о пользе

Ланконию, улыбнись и попроси его не забыть принести лютню. А потом — уходи! Поняла меня, Джура? Не позволяй Руану обращаться с тобой, как с мужчиной.

— А почему это плохо? — удивленно прошептала Джура. — Мне кажется, я все-таки не понимаю англичан.

— А Руан не понимает женщин-гвардейцев. Не знаю, как вы встретились, но, могу поспорить, это было не во время боевых учений.

Джура улыбнулась, промолчав.

— Иди, и позволь моему брату полюбоваться тобой. Помни, что ты красива. Нет, лучше смотри в глаза мужчин, и ты убедишься в этом сама. Иди, — настаивала Лора, подталкивая Джуру к выходу. — Скоро начнется церемония бракосочетаний. Ксант проводит тебя к шатру Руана.

— А что потом? — спросила Джура, оттягивая как можно дольше выход на улицу. В длинном платье, туго обтягивающем ее тело, она боялась споткнуться и упасть. К тому же, без оружия Джура чувствовала себя словно обнаженной.

— Я пришлю вам ужин, и ты будешь сидеть в кресле, а Руан устроится у твоих ног. И он будет петь для тебя любовные песни. Джура, не надо бояться. Это же не война.

Джура слабо улыбнулась.

— Я бы предпочла сражение с четырьмя зернанцами.

— Иди! — прикрикнула Лора.

Джура сглотнула и вышла на улицу. Она знала, что Руан сейчас рядом с Бритой, которая приказала установить королевскую ложу на центральной площади деревушки. Джуре казалось, что это бесконечно далеко.

Она заметила, что люди останавливаются, глаза ей вслед. Сначала Джура решила, что их веселит ее глупая одежда, но, когда она заглянула в глаза проходящих мимо мужчин, к ней снова вернулась уверенность в себе. Женщины, даже самые хорошенькие, хмурились. А мужчины... Мужчины глупо улыбались или открывали от удивления рты.

— Это Джура, — слышала она шепотки за спиной, словно они видели ее в первый раз.

Джура выпрямилась, на ее лице заиграла улыбка. Приятно, когда на тебя смотрят таким образом, подумала она.

Руан находился недалеко от Бриты, но место рядом с королевой вательцев занимал Джералт. Он поднял глаза на сестру, но тут же вновь перевел свой горящий взор на Бриту. Та же, заметив Джуру, оцепенела на мгновение, а потом принялась оценивающе разглядывать ее, словно пытаясь рассчитать силу будущего противника.

Руан в этот момент разговаривал с Дайри и не видел приближающейся Джуры.

Первым на нее обратил внимание Дайри. Он вовсе не так смотрел на нее, когда Джура выиграла соревнования лучников. Тогда он гордился ею, но сейчас, сейчас взгляд Дайри выражал какое-то иное чувство. Джура почувствовала себя очень хорошо, просто замечательно.

Нахмурившись из-за явного невнимания собеседника, Руан повернулся, решив проверить, куда тот смотрит.

Душа Джуры буквально воспарила к небесам от радости, когда она увидела лицо мужа. Глаза округлились, рот приоткрылся. Казалось, его парализовало.

Джура удивилась сама себе, почувствовав, как внезапно изменилась ее походка. Вместо обычных целеустремленных шагов появились медленные движения, при которых бедра плавно покачивались из стороны в сторону.

К ее большому удовольствию, Руан так и продолжал стоять с открытым ртом.

— Я буду ждать тебя в шатре после окончания всех церемоний, — сказала Джура мужу слегка хрипловатым голосом.

Руан молча кивнул, и Джура повернулась, чтобы уйти.

— Джура, — позвал он, — а где этот шатер? Джура через плечо бросила на него снисходительный взгляд.

— Сам найди. И принеси лютню. Может быть, мне захочется, чтобы ты поиграл на ней.

Сердце отчаянно стучало, но Джура улыбалась. За своей спиной она слышала гневные крики Бриты, требующей, чтобы ей тоже уделили подобающее внимание. Но Джура знала, что выиграла.

Все, что ей надо делать, это вести себя подобным образом и ночью, подумала она с замиранием сердца.

Глава 12

Внутри шатра Руана было очень уютно: шелковые покрывала по стенам, два кресла, маленький столик, подсвечники и кровать заполняли все пространство. Джура почувствовала, что краснеет, когда посмотрела на большой кожаный матрас, задрапированный красивым расшитым покрывалом.

Она села в одно из кресел и приготовилась ждать своего мужа. Слуги принесли еду, бросая на нее многозначительные взгляды.

— Как проходят церемонии? — спросила Джура.

— Кусты и кровати переполнены, — ответил один из мужчин, ухмыляясь. — А принц Джералт занял место рядом с королевой вательцев.

Отпустив слуг, Джура осталась одна. Ей не нравилось, что ее брат попал под влияние такой подлой женщины, как Брита, с которой не справится ни один мужчина. Но затем Джура подумала, что, возможно, Руану это бы удалось. Брита поклялась, что не позволит своим людям жениться на ирлианцах, пока Руан не станет ее мужем, но свадьбы состоялись, а Брита все еще не королева Ланконии.

Джура так глубоко задумалась, что не услышала, как в шатер вошел Руан.

— Это выражение радости на лице предназначено мне? — тихо спросил он.

Джура подняла глаза, и ее улыбка стала шире.

— Ты ведь сделал то, что хотел. Ирлианцы и вательцы породнились, а у Бриты в кровати всего лишь принц, а не король. Возможно, из тебя получится неплохой правитель Ланконии. Руан расхохотался.

— Пришлось многим рискнуть, чтобы заслужить подобный комплимент. — Он прошел в столику, где был сервирован ужин. — Могу я предложить тебе бокал вина? Похоже, это то, которое я купил во время путешествия по землям франков.

Джура взяла высокий золотой бокал, украшенный рубинами. Она старалась не пялиться на подобную роскошь, а вести себя гак, как, по ее мнению, вела бы себя англичанка.

— Все прошло хорошо? — спросила она.

— Да. — Руан ухмыльнулся. — Хотя, благодаря твоим стараниям и усилиям Лоры, многие парочки занимались любовью еще до свадьбы.

— Когда мы в гвардии устаем, то делаем друг другу массаж. Может быть, я могу сделать то же самое для тебя? — осторожно предложила Джура, боясь, что Руан откажется.

Но Руан лишь благодарно улыбнулся. Он прилег на ковер на полу, откинувшись назад так, чтобы Джура могла дотянуться до него.

Джура встала на колени рядом с мужем, взяв его за руку. Впервые за долгое время она почувствовала, как ее притягивает этот мужчина. В настоящий момент судьбы Ланконии, Дайри, Сайлин и ее брата казались чем-то несущественным.

— Ты должен снять тунику и лечь лицом вниз, — сказала Джура, стараясь, чтобы ее голос звучал ровно.

Руан полузакрыв глаза, поглядывая из-под ресниц на губы Джуры. Он отставил в сторону свой кубок, затем снял ремень и стянул тунику. Язычки свечей отбрасывали длинные тени на его мускулистую грудь. На одном плече тянулся длинный шрам, и Джура нежно провела по нему пальцем.

Руан улыбнулся.

— Я был не слишком внимателен, и Фейлан проучил меня. Руан взял Джуру за руку, коснувшись ладони губами. Ты так красива, Джура, — прошептал он, целуя ее пальчики. Затем принялся осыпать поцелуями ее запястье, поднимаясь все выше и выше. — Я знал, что ты красива, в тот самый первый день, когда мы встретились, но сейчас...

— Так же красива, как и ваши английские женщины? — Джура внимательно смотрела на него. — Достаточно красива для женщины, которую ты называешь своей женой?

Смех Руана, казалось, шел глубоко из сердца.

— С тобой не может сравниться ни одна английская женщина. Кстати, если ты хочешь массировать мою спину, то, возможно, тебе следует спать свою одежду.

Джура почувствовала, как кровь приливает к лицу. Она раньше не раз раздевалась в присутствии мужа, но сегодня вечером это выглядело совсем иначе. А кроме того, она

понимала, что в этом случае ее ждет повторение того болезненного эпизода, что случился вчера, но почему-то не боялась. Напротив, внутри все казалось натянутым от волнения, словно перед боем.

Глубоко вздохнув, чтобы успокоиться, она сняла вельветовое платье, оставшись лишь в тонкой шелковой рубашке золотого цвета. Годы упражнений сделали ее талию тонкой, а бедра стройными.

Бросив взгляд в ее сторону, Руан так громко застонал, что Джура улыбнулась. Возмутительно, что англичане столь высоко ценят внешнюю красоту, но, Боже, как приятно, когда Руан так смотрит на тебя. Заставляет думать, что твое умение биться на мечах ничего не значит.

— Джура, — прошептал Руан, протягивая к ней руки.

Это оказалось самым естественным движением в мире — подойти к нему ближе. Не подчиниться Руану было все равно что отказать в воде умирающему от жажды.

Руан нежно и медленно целовал ее губы, прикасаясь к ним кончиком языка. К тому времени, когда он остановился, тело Джуры стало настолько податливым, что из него можно было вить веревки.

Джура подняла голову. Она никогда раньше не видела, что мужчина был столь нежным, особенно этот англичанин, который обычно постоянно хмурился. Он сказал, что любит ее. Правда ли это? Неужели то, что она видит в его глазах, это любовь?

Руан провел пальцем по ее щеке, затем наклонился и поцеловал Джуру в губы. Она лежала неподвижно в его объятиях, принимая нежные ласки, а сердце билось все сильнее и сильнее. Кто мог подумать, что этот большой мужчина, который обычно ругался, боролся и негодовал, может с такой щемящей душой осторожностью касаться женщины?

Руан вновь припал губами к ее рту, но на этот раз Джура ответила ему. Она обвила руками его шею и прижалась плотнее.

Ее сердце трепетало где-то в горле так, что Джура подумала, что задыхается. Пальцы Руана дотронулись до шнуровки по бокам рубашки, очень умело распутывая узлы.

Джура вскрикнула, когда его большие, теплые руки проникли под тонкий шелк и обхватили ее талию. Он сжал пальцы, и, к своему огромному удивлению, Джура захихикала, словно одна из тех пустоголовых девчонок, что только притворяются настоящими гвардейцами, тех, кого Джура от души презирала. Но Руан почему-то не рассердил ее смех, как это должно было случиться с любым ланконским воином. Вместо этого он сам ухмыльнулся.

— Джура боится щекотки. Великая воительница Джура боится щекотки, — поддразнил он.

Джура попыталась отстраниться, но Руан держал крепко. Его пальцы вновь зашевелились, и, как Джура ни старалась, но смех рвался наружу. Смеясь, Джура упала на ковер.

Услышав, как рвется рубашка, она вскрикнула протестующе, но Руан не остановился, продолжая водить руками вдоль ее тела.

Неожиданно он остановился, и Джура вдруг обнаружила, что она почти обнажена, так как рубашка оказалась порвана от шеи и до колен.

Глаза Руана стали почти черными, на виске билась жилка, мышцы на груди напряглись. Его ноздри слегка расширились, когда он наклонился, подхватывая Джуру на руки и неся ее к кровати.

Джура чувствовала, что ее тело стало каким-то незнакомым живым существом. Но все-таки ей было немного страшно.

— Твоей сестре не понравится, что мы разорвали ее наряд, — прошептала она несмело.

Руан не ответил, опустив ее на кровать, затем устроился рядом. Его глаза медленно путешествовали от кончиков пальцев на ногах до ее груди. К тому времени, как он закончил свой осмотр, сердце Джуры, по ее ощущениям, стало биться уже где-то в ушах.

Руан сел и принялся снимать с себя одежду. Он не спешил, словно всю свою жизнь ждал именно этого момента и теперь старался растянуть удовольствие как можно дольше.

Раздевшись, он лег рядом, прижавшись к ней своим большим мускулистым телом.

— Я был ужасающе неуклюж в первый раз, но на этот раз тебе не будет больно, — прошептал он, прежде чем коснуться губами ее рта.

Этот поцелуй был другим, полным горячего желания. Джуре показалось, что ее тело охвачено лихорадкой. Затем голова Руана сдвинулась вниз. Его язык прокладывал горячую дорожку по ее грудям, вниз по животу. Джура застонала. Она чувствовала, как внутри нее разгорается удивительный, невыносимый жар.

Руан подхватил ладонями ее тугие ягодицы, пока его язык погружался в сосредоточение ее женственности. Джура вскрикнула, приоткрыв глаза.

— Руан? — простонала она.

— Да, моя любовь. — Руан приподнялся, вновь припадая к ее рту.

Он вошел в нее легко, без боли, а лишь с ощущением какого-то божественного удовольствия. Джура выгнула спину, откинув голову назад. Руан медленно отстранился, и Джура вонзила ногти ему в спину, стараясь удержать его в себе и боясь, что он уйдет навсегда. Но Руан снова вошел в нее, все так же неспешно.

Джура открыла глаза. На лице Руана застыло выражение такого необыкновенного, всепоглощающего удовольствия, что она вздрогнула.

Она быстро поймала ритм, приподняв ноги, старательно приспособив свое тело к этим сладостным, повторяющимся движениям. Внутри — наружу. Снова и снова. Медленно, нежно, плавно...

Прошли секунды, а может быть и часы, и Джура вдруг почувствовала, что хочет чего-то большего.

— Руан? — прошептала она вопросительно. Руан открыл глаза, и полыхавшее в них пламя, казалось, перекинулось и на Джуру.

Он изменился. Через мгновение вместо нежного и заботливого существа рядом с ней появился дикий зверь, грубо схвативший ее за лодыжки, заводя их к себе за спину. Джура не

сопротивлялась, наоборот, она сама приподняла свои бедра, встречая резкие толчки с подобной же силой, используя свое тренированное тело, чтобы быть ближе к Руану, чтобы вместе достичь высот страсти и желания.

Вдруг ей показалось, что внутри словно что-то взорвалось, и она закричала, с силой прижимаясь к Руану. Он же упал на нее, его тело сотрясали спазмы.

Они долго лежали, обнявшись. Руан первым поднял голову.

— Надеюсь, я ничего не повредил тебе? — спросил он с довольной ухмылкой.

Джура не обиделась. Она чувствовала себя слишком хорошо, чтобы обращать внимание на такие мелочи, как поддразнивание.

— Не знаю, — прошептала она. — Я и не подозревала, что это будет так... так замечательно.

— Честно говоря, и я тоже. Не удивительно, что мужчины... — Руан остановился.

— Что мужчины?

— Мужчины бегают из одной кровати в другую. Такое удовольствие...

— Ты будешь разделять лишь со мной, — холодно закончила Джура.

Руан лишь улыбнулся.

Джура повернула голову, чтобы получше рассмотреть лицо Руана. «Руана», подумала она, не «англичанина», а Руана — ее мужа, у которого есть свое имя. Джура подняла руку, легонько коснувшись его щеки.

— Расскажи мне о своей жизни в Англии, — попросила Джура тихонько. Раньше ее это не интересовало, но сейчас ей хотелось знать как можно больше о своем муже.

— Нас ждет остывший ужин, — весело сказал Руан. — Может быть, поговорим за едой?

Когда они встали, Джуре пришлось позаимствовать у Руана его тунику, потому что ей больше нечего было надеть. Она заметила, что Руан поглядывает на ее ноги, и постаралась почаще выставлять их напоказ. Слишком большой вырез давал возможность заглядывать внутрь, но Джура не стала ничего поправлять, решив, напротив, почаще наклоняться.

Пища уже остыла, но, по мнению Джуры, она еще ни разу не ела ничего вкуснее. Они устроились на полу, на ковре. Пылкие взгляды мужа вкупе с вином вызывали головокружение. Голос Руана — ну почему она не замечала раньше, какой он мелодичный — еще больше опьянил Джуру.

Руан говорил ей о своей ответственности перед Ланконией, которую он осознал так рано. И как редко ему удавалось заслужить похвалу из уст отца или Фейлана.

— Тебя беспокоило недовольство отца? — недоумевала Джура. — Но он всегда говорил о тебе как о полубоге. Сына, которого ему подарила моя мать, Тал просто не замечал, преследуя Джералта постоянными сравнениями с тобой.

— И в то же время приказывал Фейлану требовать от меня все больше и больше. Когда мне исполнилось шестнадцать и я собрался с Фейланом на охоту, на нас напали четверо ланконцев.

Я боролся с ними в течение часа, а Фейлан стоял в стороне и наблюдал.

— Ты не смог убить их?

— Позже я понял, что эти люди лишь играли со мной. — Руан нахмурился. — Я ранил двоих, а они слегка поцарапали меня. Поцарапали, ха! — невесело усмехнулся он сам над собой. — Я хромал в течение нескольких недель после того боя. И был так зол на Фейлана, что перестал разговаривать с ним. — Но именно Фейлан хвалил тебя перед Талом, — заметила Джура. — А Тал вечно ставил тебя в пример Джералту.

— Который сейчас ненавидит меня.

— Не без причины. Он же принц, в то время как ты... — Джура смолкла, так как Руан засунул ей в рот кусочек хлеба.

— Одну ночь, Джура, — попросил он, умоляюще глядя на нее. — Пожалуйста, дай мне одну спокойную ночь.

Джура не удержалась от смеха. Откусив курочек хлеба, она, повинувшись внезапному порыву, засунула оставшуюся часть в рот Руану.

— Хорошо, — согласилась она весело. — Сегодня ночью ты останешься королем, но завтра тебе придется доказывать свои права.

— Права? — Глаза Руана потемнели. — Я тебе сейчас покажу, какие у меня есть права.

Джура принялась хохотать, но затем его набедренная повязка «случайно» упала, не оставляя никаких сомнений в его намерениях. Во рту у Джуры внезапно пересохло, но на этот раз она уже не боялась. Когда она сорвала тунику, то заметила мимолетное выражение искреннего удивления на лице Руана, хотя и не поняла причину. Ее воспитание начисто отвергало необходимость прятать свои чувства. Она хотела Руана так же сильно, как он хотел ее, и не собиралась скрывать это.

Несмотря на то, что искренний порыв жены застал его врасплох, Руан был только рад ему. Он уже два часа поглядывал на обнаженные ноги Джуры, чувствуя отчаянное желание, но удерживал себя, так как англичанки, по крайней мере, те, которых он знал, предпочитали в подобных случаях разыгрывать из себя невинных существ.

Но Джура была ланконкой, а не англичанкой. Она говорила то, что думает, и действовала в соответствии со своими представлениями.

После их первого соития, когда он вел себя так глупо, Руан боялся, что Джура больше никогда не захочет лечь с ним в постель. «Но сейчас-то она передумала», — решил Руан с изрядной долей самодовольства.

— Моя нетерпеливая подруга, позволь мне поучить тебя, — заметил он. Руан приподнял девушку, опустив ее себе на колени и одновременно проникая внутрь ее тела. Он довольно улыбнулся, заметив, как удивление сменяется выражением благодарного удовольствия. По крайней мере, *это* — та область, где она не сможет назвать его глупцом.

Через несколько секунд ему пришлось изменить свое мнение. Джура — здоровая, сильная девушка, оказалась чрезвычайно изобретательна. Общение Руана с женщинами было редким, так как старый Фейлан считал, что тренировка на поле боя намного важнее, чем тренировка в

постели. Да и кроме того, слишком часто Руану приходилось сталкиваться с женщинами, единственной целью которых было занесение ланконского принца в список своих побед. Они, как правило, предоставляли Руану самому проявлять инициативу.

— Джура, — прошептал он потрясение, когда она задвигалась вверх и вниз, ведя его к вершинам блаженства.

Внезапно он понял, что не может больше ждать, и, резко перевернув Джуру на спину, довел себя до финала несколькими глубокими и сильными движениями. Он с такой силой сжал Джуру, что та протестующе вскрикнула.

— Ты сломаешь меня! — Джура старалась высвободиться.

Руан улыбнулся.

— Я бы хотел упрятать тебя к себе в карман и доставать только, когда ты становишься той Джурой, которую я встретил тогда у ручья.

— А я всегда такая Джура. Руан зевнул.

— Возможно, ты привыкла спать на полу, но я предпочитаю что-то более цивилизованное. — Он взял Джуру на руки, словно она была маленьким ребенком, и, не обращая внимания на ее протесты, которые, впрочем, быстро стихли, отнес на кровать. Здесь он обнял ее, натянул сверху покрывало и мгновенно погрузился в сон.

Но Джура не могла спать. Ее тело и разум были слишком полны новыми ощущениями. Когда дыхание Руана успокоилось, а тело немного обмякло, Джура тихонько встала, надела тунику и выскользнула на улицу.

Ночной ветерок приятно обдувал разгоряченное лицо. Улыбаясь, она обхватила себя руками. Наконец-то она больше не девственница. Еще во время первой встречи с Руаном она пережила что-то, что никогда не испытывала с Дайри. Если бы только Руан мог дать ей то же ощущение спокойствия и безопасности, что и Дайри.

Поеживаясь от холода, Джура решила вернуться в шатер. Руан спал, как младенец. Шум, вызванный приходом Джуры, видимо, потревожил его сон, так как он застонал, а его рука потянулась в сторону, словно в поисках чего-то. «В поисках меня», — подумала Джура, улыбаясь. Она потушила свечи и забралась под одеяло.

Проснувшись она, чувствуя, как что-то легонько щекочет ее нос. Подпрыгнув от неожиданности, Джура открыла глаза, увидев Руана, наклонившегося над ней и державшего в руке прядь ее собственных волос. На мгновение Джура замерла, глядя на мужчину в своей кровати, затем вспомнила предыдущую ночь и густо покраснела.

Руан понимающе улыбнулся.

— Доброе утро, моя любимая женушка. — Он нежно поцеловал Джуру. — И какие развлечения ты планируешь для меня на сегодня? Могу поспорить, тебе не удастся переплюнуть вчерашний день, когда ты надела вельветовое платье. Знал бы я, что ты возьмешь пример с Бриты, обязательно познакомил бы тебя с королевой вательцев еще на нашей свадьбе.

Джура не привыкла к поддразниваниям.

— Я вовсе не планировала вести себя, как Брита, — сухо сказала она. — Твоя сестра посоветовала мне стать похожей на англичанку, чтобы... чтобы... — Джура слабо улыбнулась.

— Чтобы что? — невинным голосом осведомился Руан.

— Брита не имеет к этому никакого отношения. А если ты хочешь бегать за этой старухой, словно ее комнатная собачка, — твое личное дело. — Джура повернулась, стараясь встать, но Руан удержал ее.

— Брита не старая. Она красивая, могущественная женщина, и ее чары весьма привлекательны для муж-чип, особенно для королей, подобных мне.

— Она не такая красивая, как я! — гневно закричала Джура, но тут вдруг заметила довольную ухмылку на лице Руана. Ее голос стал спокойнее. — Брите еще повезло, потому что я спасла ее от очень скучной ночи. — Джура зевнула. — Возможно, она нашла себе сильного любовника, такого же красивого и живого, как Дайри.

— Дайри! — возмутился Руан. — Да я с легкостью возьму вверх над этим маленьким, уродливым... — он остановился, осознав, что ему оплатили той же монетой. — Я знаю, как наказывать такую непослушную жену, — заметил он с преувеличенной суровостью. В следующий момент Руан уже навалился на нее, щекоча Джуру, пока она не завизжала от смеха, барахтаясь под ним.

Эти движения заставили Руана забыть, что он собрался «наказывать» жену, и через мгновение молодые супруги уже целовались так, словно не виделись год. За поцелуем последовала длительная любовная игра, после чего оба провалились в глубокий сон.

Проснулись они от бурчания в животе Руана.

— Не хотел бы уходить отсюда, — признался Руан, прижимая Джуру к себе. — Но придется. Боюсь, что Брита уже объявила войну ирлианцам, и это моя вина.

Руан выглядел таким расстроенным, что Джура, не удержавшись, чмокнула его в нос. Неожиданно она насторожилась.

— Кто-то приближается к шатру. Руан мгновенно спрыгнул с кровати, накинув одеяло, чтобы скрыть наготу, и выхватив меч.

— Оставайся здесь, — приказал он Джуре. Он вышел на улицу, ожидая приближения одинокого всадника, который, заметив Руана, пришпорил коня.

Это был Ксант. Он с улыбкой разглядывал представившееся ему зрелище — короля Ланконии с мечом в руках и в наброшенном на одно плечо одеяле, свисавшем до земли.

— Хорошо, что я не враг, — заметил Ксант, — тебе потребовалось много времени, чтобы заметить мое приближение.

— В чем дело? — голос Руана был суров. — Что случилось?

Ксант помедлил, стараясь подавить смешок.

— Все в порядке. Просто твоя сестра послала тебе еду и одежду для Джуры. Лора почему-то решила, что ее невестке требуется новое платье. — Ксант ухмыльнулся, поглядывая на

покрасневшего Руана.

Руан проклял свою светлую кожу.

— А как Брита? Она не рассердилась из-за того, что я оставил ее прошлой ночью?

— К ней в шатер вошел молодой Джералт и до сих пор не выходил. Мы, ланконцы, способный народ, брат?

— Брат? — недоуменно переспросил Руан. Лицо Ксанта скривилось, словно он приготовился к негодованию своего короля.

— Прошлым вечером я женился на твоей сестре, — произнес он с вызовом. Руан широко улыбнулся.

— Кажется, и мы, англичане, люди не промах. Ты бегаешь, выполняя поручения Лоры, уже на следующее утро после свадьбы. Разве ты не мог удержать ее в кровати?

Теперь наступила очередь Ксанта смущаться.

— Э-э... Еды хватит на два дня. Тебе нет необходимости возвращаться. Все... э-э... слишком заняты друг другом. Могу поспорить, через девять месяцев родится небывалое число детей. Желаю вам доброго утра и прошу разрешения уйти, так как мне необходимо позаботиться о своих будущих отпрысках. — Ксант махнул рукой, прощаясь, и ускакал.

Джура покинула шатер, надев на себя тунику Руана.

— Так. Ты перетянул на свою сторону и капитана королевской гвардии, — задумчиво протянула она. — Интересно, знает ли об этом Джералт?

Руан приложил свой указательный палец к ее губам.

— У нас же перемирие, Джура. Пожалуйста, не говори сегодня о своем брате. Давай есть, заниматься любовью, плавать и петь.

— А мы действительно можем делать что угодно? — спросила Джура, улыбаясь. — Никакого объединения народов или других не менее важных проблем?

— Мы будем делать то, что делают влюбленные. Хочешь, я достану лютню и буду петь для тебя?

— Лучше покажи, как ты бросаешь нож. Я пробовала повторить твой прием, но ничего не получилось. Если бы я могла с помощью ножа так быстро убивать противника...

Руан снова коснулся ее губ своей рукой.

— Час — военная тренировка, час — пение, а оставшееся время — занятие любовью, — предложил он весело.

Джура задумалась.

— Ну, что ж, это достаточно справедливое деление, — заметила она. — Мы сначала поедем или пойдем купаться?

— В первую очередь, пища насущная, — решил Руан, пытаясь схватить Джуру, но та, расхотавшись, легко увернулась. Одеяло упало, давая возможность заметить, что Руану требуется нечто большее, чем содержимое корзинки, оставленной Ксантом, но Джура сделала вид, что ничего не видит.

Это был божественный день, первый, который они провели как близкие люди, а не враги. Руан с некоторым опасением показал Джуре, как метать нож, но скоро понял, что у нее врожденный талант к использованию подобного оружия. А через час тренировок Джура бросала нож не хуже него.

— Тебе стоит поучить моих людей, — предложил Руан.

— Только не Нейла, — отозвалась Джура. — Мне он не нравится.

Руан хотел возразить, но, подумав, решил, что Нейл, возможно, с презрением относится ко всем ланконцам, а не только к Джуре.

Обоим влюбленным день показался слишком коротким. Хотя их брак длился уже несколько недель, они почти ничего не знали друг о друге, а накопившийся гнев мешал доверять партнеру.

Они провели день, пытаясь угодить друг другу, хотя ни один не знал, что же его супруг ждет от брака. Джура захотела пострелять из лука — в конце концов, именно на одном из подобных состязаний Дайри предложил ей свою руку и сердце. Но Руан почему-то не выказал особой радости. Взамен он решил поучить жену играть на лютне. Однако Джура, твердо зная, что ее слух далек от абсолютного, не собиралась выглядеть идиоткой перед Руаном и отказалась.

Поэтому они ели, занимались любовью, говорили и снова занимались любовью. Руан с интересом выслушал рассказ Джуры о ее детстве. Вначале сама идея женской гвардии показалась ему отвратительной, но сейчас, вспоминая, как Джура билась во время стычки с разбойниками, он изменил свое мнение.

— Но когда же вы танцевали и играли? — недоумевал Руан. — Когда собирали цветы?

— Тогда же, когда и ты.

Этой ночью они снова занимались любовью, а потом заснули, крепко обняв друг друга.

Утром их разбудил топот копыт, раздавшийся недалеко от шатра. Джура и Руан в одно мгновение спрыгнули с кровати, оделись и одновременно схватились за мечи. Руан, как обычно, приказал Джуре оставаться сзади, но она и не шелохнулась, замирая в боевой стойке рядом с мужем и ожидая приближения всадника.

Это оказался Джералт. Его смуглое лицо казалось почти черным от ярости — а поперек седла лежала связанная королева вательцев. Во рту у нее был кляп.

Глава 13

— Ты проклятый дурак, — прошипел Руан, осторожно снимая Бриту, глаза которой яростно сверкали.

— Что она сделала? — спросила Джура у брата.

— Неважно, что она сделала! — закричал Руан. — Ты погубил всех нас своими глупыми мальчишескими выходками!

Джералт, спешившись, схватился за меч, но Джура быстро встала между мужем и братом.

— Я не допущу, чтобы вы сражались из-за этой женщины, — твердо сказала Джура. — Сейчас мы поговорим и решим, что делать.

Руан отнес Бриту в шатер. Злость, полыхавшая в ее глазах, ярче всех слов говорила о крахе его мечты объединить два народа. И все из-за невыдержанного мальчишки! Джералт жаждал власти ради самой власти, а вовсе не старался сделать с ее помощью что-то хорошее для людей.

— Я услышал, как она планирует напасть на ирлианцев, — буркнул Джералт, глядя с ненавистью на Руана. — Она покинула нашу кровать — глупая женщина думала, что я сплю. — Он бросил презрительный взгляд в сторону Бриты. — Требуется нечто большее, чем может дать такая старая женщина, чтобы меня сморил сон. Я последовал за ней. Она направилась к одному из своих стражников, приказав тому убить вас обоих. Я зарезал стражника, а ее связал.

— Мой брат спас тебе жизнь, — обратилась Джура к Руану. — Ты не должен был сомневаться в его преданности.

— Он начал войну, потому что не смог удержать женщину рядом с собой в постели, — злился Руан.

— Ты! — закричал Джералт и бросился на Руана. Руан уже собирался опустить Бриту и защищаться, но здесь снова вмешалась Джура.

— Мы все вместе должны предотвратить войну! — закричала она. — Если вательцы обнаружат исчезновение своей королевы, они нападут на ирлианцев. Мы должны действовать — и действовать быстро.

Руан стоял, не обращая внимания на попытки Бриты высвободиться, и смотрел в глаза своему шурина. Мечта всей его жизни рушилась из-за этого юноши, обиженного тем, что женщина покинула его кровать.

— Руан! — Джура старалась привлечь внимание мужа. — Мы должны что-то сделать.

Руан не чувствовал ничего, кроме гнева, и едва ли мог связно мыслить.

Он медленно повернулся к Джуре.

— Ты заодно с ним.

— Сейчас не время говорить о том, кто на чьей стороне, — возразила Джура. — Джералт думал, что спасает твою жизнь, и, между прочим, так оно и было. — Она повернулась к своему сводному брату. — Что ты сделал с телом убитого стражника?

— Сбросил в воду.

— Найди его, — приказала Джура. Джералт даже не шевельнулся. — Иди и найди тело, потом привяжи его к лошади. Затем мы отвезем королеву вательцев в деревню, и она сообщит своим людям, что едет с нами к Яну.

Брита, даже через кляп, умудрилась издать громкое «Ха!»

— Иди! — Джура почти визжала от ярости. — Надо действовать быстро, пока никто ничего не заподозрил.

Джералт нехотя взобрался на лошадь и поскакал по направлению к деревне. Джура направилась к шатру.

— Мы должны одеться, — сказала она Руану. Руан, все еще держа на руках Бриту, последовал за ней.

— Проклятье. Джура, ты что, собираешься сама отдавать мне приказы?

Джура быстро шнуровала ботинки.

— Нет, я должна была стоять в стороне и смотреть, как вы двое сражаетесь из-за этой негодяйки? — Она бросила гневный взгляд на мужа. — Тебе нравится держать ее на руках?

Руан быстро опустил Бриту на кровать, подошел к Джуре и обнял ее.

— Разве мы не можем жить в мире? Неужели ты вечно будешь сражаться на стороне моих врагов?

— Я уже говорила тебе, что не выбираю ту или иную сторону. Что сделано, то сделано. А сейчас наша задача — не позволить вательцам догадаться, что их королеву удерживают тут силой.

— Хорошо. Я отвезу Бриту в деревню, и она скажет, что едет с нами к фаренцам, чтобы предложить им породниться с вательцами и ирлианцами.

Со стороны Бриты сновка раздались злобные, хотя и приглушенные, протесты.

Джура наклонилась над лежащей на кровати женщиной и сказала ласковым голосом:

— Тебе в спину нацелят луки, так что ты повторишь то, что мы прикажем. Но если ты каким-то образом ускользнешь, я лично проберусь к тебе, когда ты будешь спать и отрежу кончик носа. И никогда больше мужчины не станут восхищаться королевой вательцев. — Джура холодно улыбнулась и дотронулась кончиком пальца до носа Бриты.

Руан в отчаянии всплеснул руками.

— Надо найти Дайри. Вательцы с большей охотой поверят нам, если с Бритой отправится ее сын. А через два часа мы уже будем скакать в сторону земли фаренцев.

Одевшись, Джура покинула шатер, направляясь к своей лошади. Руан последовал за ней, едва успев схватить за руку.

— Жаль, что все так быстро закончилось. Наше перемирие, я имею в виду.

— Мой брат спас тебе жизнь, — ответила Джура серьезно. — Он удерживал эту лживую, тщеславную королеву, чтобы она не могла понять, что ты соврал ей, когда обещал жениться. Джералт убил гвардейца, которого она послала за нами. Если бы кто-нибудь заметил это, Джералт был бы уже мертв. И мы тоже. И тогда война оказалась бы неизбежной. Джералт рисковал многим ради тебя, а ты облил его презрением.

— Ты принимаешь убийство как единственное решение всех проблем. Ланконцы живут, готовясь к войне. Сомневаюсь, что вы способны поддерживать мир. Вы плетете интриги друг против друга...

— Если ты так нас презираешь, то почему не вернешься в свою мирную Англию? — накинулась на него Джура. — Нам не требуется король, который постоянно напоминает, как же мы плохо себя ведем, как не соответствуем его высоким понятиям истинного рыцаря. Мы прожили столетия без таких, как ты, и выживем в будущем.

— Все, что вы делаете, так это стремитесь выжить, — рявкнул Руан. — Каждый народ Ланконии находится словно в своей тюремной камере. Нет ни дорог, ни торговли между племенами, нет ничего, кроме оружия и постоянных войн. И вы пользуетесь любой возможностью, чтобы сопротивляться мне, вашему королю. Мы прожили всего два мирных дня и вот — королева вательцев лежит связанная в моем шатре.

— Джералту стоило оставить того стражника-убийцу в покое! — бушевала Джура. Человек, стоящий рядом с ней, был англичанином. Он думал и действовал, как чужак.

Руан отшатнулся.

— Ты серьезно? — прошептал он.

— Слушай меня, англичанин. Я всегда ставлю судьбу своей страны выше собственного счастья. Я умру, если это поможет Ланконии. Мой брат, которого ты оскорбляешь, такой же. Ты отобрал у него трон, принадлежавший ему по праву, а он убил, чтобы спасти тебе жизнь, потому что тоже хочет мира. Мы лучше тебя знаем, сколько препятствий ждет нас на этом пути, а ты презираешь нас.

— Я презираю лишь вашу несдержанность, — отпарировал Руан. — Вы думаете только с боевым топором в руках. Джералт разозлился, потому что королева вательцев угрожала жизни одной из ирлианок. Джералт думает лишь о ирлианцах, а не о всей Ланконии. Он бы стал хорошим королем одного из племен, но он не ощущает себя частью всего народа Ланконии. Ему следовало бы прийти ко мне и предупредить. Он не должен был похищать Бриту, рискуя развязать войну. — Руан надвигался на нее. — Или. может быть, Джералт только того и ждет? Ирлианцы, без сомнения, убьют меня, узнав, что вательцы, которых я привел на их землю, напали на деревню. Тогда Джералт станет королем.

Он поймал ее руку, прежде чем Джура смогла ударить его.

— Иди, — сказал он устало. — Найди Дайри и Сайлин. Мы сейчас же отправляемся к фаренцам.

Руан проследил, куда направляется Джура, затем вернулся в шатер. Брита по-прежнему лежала на кровати, следя за его перемещениями. Он выпил вина, стараясь успокоиться. Руан проклинал Джералта за его глупость. Он собирался по-хорошему уговорить Бриту уехать с ними, и, что более важно, ждал прибытия гонца с известием, что Ян признает нового короля.

А сейчас Джералт вынудил Руана изменить свой план, да и, кроме того, теперь у него на руках оказалась разъяренная королева вательцев и, с грустью подумал Руан, жена, которая ненавидит его больше всего на свете. Он ничего не смог доказать Джуре, как ни пытался. Она считает, что се пустоголовый братец действовал во славу Ланконии, а муж — чужак, не желающий никому добра.

Руан выругался, опуская бокал. Ему придется взять Джералта с собой. Джура может считать своего сводного брата радеющим за судьбы страны, но Руан не доверял этому человеку. В его глазах иногда сквозило что-то слишком похожее на жадность и властолюбие. Интуиция Руана подсказывала, что Джералт был бы только рад приближающейся войне. С изрядной долей цинизма Руан подумал, что Джералт, возможно, пытался договориться с Бритой объединить их силы против короля Ланконии, а та отказалась. Бриту не устраивал юноша, пусть даже королевских кровей, ей нужен был король, который подходил бы ей по силе и могуществу.

— Будь он проклят, — пробормотал Руан. Джералт разрушил все, что мог, а теперь ему предстоит тащить этого мальчишку с собой. И вдобавок постоянно следить за ним, опасаясь удара в спину.

— В спину, — повторил Руан, поморщившись. Джура никогда не станет защищать своего мужа от стрел брата.

Он повернулся к Брите, выдернув кляп из ее рта.

— Пора ехать.

Брита плюнула ему в лицо.

— Мои гвардейцы убьют вас! Мне не стоило приходиться сюда и верить моему сыну. Дайри — глупец, что так легко попал в плен к Талу. И что мне делать с таким трусом вместо сына?

— Насколько я знаю, тогда Дайри был всего лишь мальчиком, да и то он попытался атаковать Тала.

— Но проиграл, — возразила злобно Брита. — Он недостойный сын своего отца. Мой муж был замечательным человеком, мужчиной, вательцем, а не ирлианцем, как этот слюнявый юноша, которого ты прислал ко мне в шатер.

Руан развязал ей руки.

— Что бы ты ни думала об ирлианцах, сейчас тебе придется нам помочь.

— Ты считаешь, что угрозы этой ничтожной ведьмы, твоей жены, испугают меня? Руан схватил Бриту за горло.

— Тебя нельзя даже сравнивать с Джурой, а если ее слова недостаточно страшны, то позволь сообщить тебе, что если ты не выполнишь мой приказ, я отрежу тебе не только нос, но и всю голову. Брита злобно уставилась на Руана, но замолчала, открыв рот только, когда он закончил ее развязывать.

— Какое отношение ко мне имеет Ян?

— Я хочу, чтобы ты вышла за него замуж, — спокойно объяснил Руан, помогая королеве вательцев подняться с кровати.

Брита расхохоталась.

— Ты еще больший дурак, чем я думала. Выйти замуж за такого коротышку? А если и так, то я стану править фараонами и вательцами, а потом уничтожу тебя.

Руан вывел Бриту из шатра.

— А может быть, это Ян считает, что он будет править фаренцами и вательцами.

— Я убью Яна, если он попытается отнять у меня власть, — прошипела Брита.

Руан приподнял ее и посадил к себе в седло.

— Может быть, вы двое так увлечетесь борьбой между собой, что именно я останусь в выигрыше. Слышал, что у Яна есть очень хорошенькая дочь. Возможно, она выйдет замуж за Дайри.

— Ты ублюдок!

Руан вскочил в седло позади Бриты.

— Мое происхождение слишком хорошо известно. Думаю, кличка «дурак» лучше подходит.

Он пришпорил лошадь, надеясь, что Брита не слышит, как громко стучит его сердце. Если эта женщина сделает хоть одно неверное движение, ее придется убить, и тогда рухнут все надежды на мир.

Навстречу им ехала Джюра в компании Сайлин и Дайри.

— Мы готовы. — Ее голос звучал очень сухо.

— А где Джералт?

Джюра махнула рукой в сторону леса. Джералт делил седло с вательским стражником, вернее его трупом, который на расстоянии выглядел, как живой человек.

Слова Бриты о том, что она уезжает с Руаном в страну фаренцев, были встречены криками протеста со стороны ее гвардейцев. Это-то и спасло Руана. Бриту разъярило, что ее подчиненные не верят в способность их королевы постоять за себя.

— Я учила тебя воевать, — накинулась Брита на двадцатилетнего юношу. — А ты хочешь сказать, что я слабая и беззащитная?

— Ты наша королева, и мы любим тебя, — быстро ответил тот, — но путь до деревни Яна слишком долог.

— Получается, я слишком стара, чтобы одолеть это ничтожное расстояние, — от злости Брита шипела, как кошка. — Я стара?

— Прости меня, моя королева. Я не хотел... Брита повернулась к Руану.

— Я еду с вами. Мы отправляемся немедленно. Я встречу с этим Яном и посмотрю, насколько он стар.

Она гордо прошествовала к своей лошади, оставив позади молчащих стражников.

Джюра ехала третьей, в цепочке всадников. Первым был Руан» затем Брита, за Джурой — Джералт, Сайлин и Дайри. Прошло уже несколько часов с того момента, как Джералт привез связанную Бриту к шатру Руана.

Джюра слабо улыбнулась, вспомнив шатер и те две ночи, которые они с Руаном провели там.

Но затем улыбка исчезла, так как Джура не могла себе позволить, чтобы воспоминания об испытанном удовольствии повлияли на ее решение помочь Ланконии.

Джералт действовал слишком поспешно, когда решил похитить Бриту, но Джура не видела, что еще можно сделать в подобной ситуации, кроме, может быть, того, что предложил Руан — то есть сначала предупредить их. Джура тряхнула головой, отгоняя сомнения. Она не знала, кому верить. Но Джералт ланконец, а Руан нет.

Они скакали, стараясь как можно дальше удалиться от деревушки ирлианцев, где остались сейчас их люди.

им придется два дня ехать по землям вательцев, но они не могли рисковать, передвигаясь в открытую. Вательцы в южной части страны еще не слышали о заключении мира, и Руан не хотел подвергать опасности жизни своих спутников.

Маленький отряд остановился на привал, только когда стемнело. Брита была единственной, кто выглядел уставшей. Последние годы она вела слишком изнеженный образ жизни, и это начало сказываться.

Она попыталась отойти в сторону, но Руан поймал ее за руку.

— Тебе не разрешается ходить одной.

— Я королева... — Брита помедлила, и выражение ее лица изменилось. — Составишь мне компанию? Руан поспешно отпустил ее руку.

— Джура, пройдишь вместе с королевой. Джура оставила лошадь, которую распрягала, и последовала за Бритой.

— Он не собирается отдавать меня Яну, — зашептала Брита, как только они оказались вдали от остальных. — Он хочет, чтобы рядом с ним была королева, а ты...

— Молодая, здоровая и способная подарить наследника, — закончила Джура раздраженно. — Ты можешь оттачивать свои стрелы на ком-нибудь другом, Брита. Если бы мой муж хотел тебя, он давно бы уже воспользовался предоставленными возможностями. Неужели ты не видишь, что его единственным желанием является мир на земле Ланконии?

Брита на секунду замолчала, стараясь оценить услышанное.

— Чтобы править всей Ланконией... Даже мне не пришла в голову подобная мысль. А как он планирует убрать остальных королей?

— Он не собирается никого убивать! Этот мужчина отличается странной ненавистью к любым формам насилия. Он даже не убил зернанцев.

Эта новость поразила Бриту настолько, что она даже заговорила своим обычным голосом, отбросив притворство в сторону.

— Он собирается соединить нас с Яном и думает, что за этим не последует ни одной смерти?

На короткое мгновение Джура почувствовала себя заодно с Бритой.

— Он твердоголовый англичанин. Я совсем не понимаю его, но Тал сделал его королем, и вся власть останется у Руана, пока... пока...

— Пока кто-нибудь не убьет Руана. Впрочем, этого ждать не так долго, — уверенно предрекла Брита. — Хорошо, что я не стала выходить за него замуж.

Джура вновь осознала, что перед ней враг.

— А он и не хотел жениться на тебе. Пора возвращаться. Ночью за тобой будут следить, и хотя мой муж ненавидит насилие, я-то с нетерпением жду возможности опробовать новый прием обращения с ножом. Я убью тебя, если ты попытаешься сбежать.

Брита ничего не ответила, пробираясь сквозь кусты к лагерю. Она села в стороне, ожидая, пока другие приготовят еду, внимательно разглядывая англичанина, который называл себя королем Ланконии, а на самом деле правил лишь ирлианцами. Он смотрел только на Джуру, и Брита не могла не пожалеть такого глупца. Влюбился в девчонку, став таким образом очень уязвимым. Чтобы править людьми, нельзя отвлекаться на любовь. Она-то знала это достаточно хорошо. Ее научил этому отец Дайри. Тогда она влюбилась в молодого человека, а ее муж приказал убить его. Не потому что ревновал, а просто преподнося наглядный урок своей молодой супруге. Когда человек любит, он становится слабым. Брита оказалась примерной ученицей и больше никогда никого не любила, ни мужа, ни сына. Никого.

Брита перевела взгляд на других членов группы. Сайлин она отмела сразу же. Это была «хорошая» женщина — справедливая, добрая, честная — и совершенно бесполезная для Бриты. Джура казалась более опасной. Она не испытывает угрызений совести, когда убивает, — она просто натренирована убивать. Брита знала, что ей надо быть постоянно настороже в отношении Джуры.

Брита долго смотрела на своего сына Дайри. Симпатичный молодой человек. Похож на отца, но только внешне. Брита сомневалась, что уговорит сына выступить вместе против Руана. Нет, Дайри больше ирлианец, чем вателец.

Наконец, ее взгляд упал на Джералта. Вот то, что ей нужно. Человек, полный ненависти. Брите даже пришлось скрыть улыбку, когда она вспомнила поведение этого мальчика — а он был именно мальчиком. Джералт появился в шатре Бриты, словно щенок, выпрашивающий ласку. Он хорохорился, но не мог скрыть страха, что ему откажут.

Сначала Брита разозлилась, но, заметив неприкрытое желание в глазах Джералта, решила, что легко выудит из него желаемую информацию.

Джералт оказался энергичным, хотя и неумелым любовником, но немного позже Брита поняла, что ему в первую очередь требовалась не женщина, а мать: стоило погладить его по шерстке, как Джералт тут же принялся изливать душу. Он часами рассказывал, как ненавидит Руана, потому что Тал всегда ставил того в пример.

— А ведь отец давно не видел Руана! — кричал Джералт. — Он сравнивал меня с мальчишкой, которого не видел! Этот Руан всегда был лучше, потому что Тал любил его слабую английскую мать. Но это я законный король Ланконии, и меня бы выбрали, если бы... — Джералт отвернулся.

— Выпей еще вина, — ласково предложила Брита. — Так почему править стал англичанин?

С некоторым удивлением она услышала историю о воротах Святой Елены, которые открыл Руан.

Джералт проговорил почти всю ночь, лишь к утру забывшись тяжелым сном. Брита рассеянно

слушала, прикидывая в уме, что если Руан умрет, Ланконией будет править вот этот глупый юнец. Как легко выйти за него замуж и стать королевой вательцев и ирлианцев. А потом уничтожить зернанцев и фаренцев. Другие два племени, поленцев и ултенцов, можно будет потихоньку вытеснить за пределы страны, и тогда Брита станет полновластной хозяйкой всей Ланконии.

К сожалению, мальчишка проснулся и последовал за ней. Убив одного из лучших гвардейцев, он разрушил ее планы, действуя, как малыш, обиженный своей мамочкой. Только этот мальчик на самом деле был сильным, большим мужчиной.

Он допустил ошибку, привезя ее к Руану. Будь проклят король Ланконии! Он, может быть, и твердоголовый, но он безусловно умен. Брита хотела дать знать своим гвардейцам, что ее увозят насильно, но позволила гневу ослепить себя. Ничего. Когда она вернется, то примерно накажет того гвардейца, который счел ее слишком старой. Брита злобно улыбнулась, предвкушая его мольбы о прощении.

Сейчас надо заставить этого принца Джералта встать на ее сторону. Если ей удастся найти нужные слова, они будут вместе править Ланконией. Но сначала надо каким-то образом уничтожить Руана и эту проклятую Джуру. И здесь ей поможет Джералт.

Джура проснулась за час до рассвета, кивнула стоящей на страже Сайлин и тихо спустилась по склону холма, на вершине которого они разбили лагерь, к текущему у его подножия ручью. Вволю поплавав, Джура выбралась на берег. Она уже принялась одеваться, когда услышала сзади тихий шорох. Джура потянулась за ножом.

— Пожалуйста, не надо бросать нож, — донесся из темноты голос Руана.

Джура швырнула нож на землю и замерла, глядя, как Руан медленно встает на ноги. Он, очевидно, сидел на берегу уже довольно долго. Мысль об этом почему-то обрадовала Джуру.

Руан неспешно подходил к ней. Его огромное тело и темно-русые волосы напомнили Джуре истории, которые путешественники рассказывали о львах. Подумав, как же Руан похож на этих удивительных зверей, Джура почувствовала, как участилось ее дыхание.

Когда Руан оказался на расстоянии шага, Джура протянула к нему руки, и он мгновенно схватил ее в свои объятия. Его ладони скользнули вниз к ягодицам, и он поднял Джуру, заводя ее ноги себе за спину. Затем Руан прижал ее спиной к стволу растущего поблизости дерева, одной рукой стянул свои рейтузы и быстро вошел внутрь нее.

В силу своей позиции Джура не могла свободно двигаться, так что Руан сам поднимал и опускал ее тело. Их соитие поражало яростью, ни один не сдерживал своего желания.

Когда наступило долгожданное освобождение, Руан обессиленно навалился па Джуру, но она и тогда не расцепила руки.

Через несколько минут Руан поднял голову и быстро поцеловал ее в губы.

— Доброе утро, — прошептал он.

— И тебе тоже, — ответила Джура, улыбаясь. — Ты долго следил за мной там, у ручья? Я тебя не заметила. Если ты...

Руан еще раз поцеловал жену, заставив ее прервать свою тираду.

— Нет. Я приказал Сайлин не выпускать никого из лагеря, кроме как к ручью, где я могу наблюдать за ними.

— Но я бы защитила себя без... — не сдавалась Джура, но ей вновь пришлось замолчать, отвлекаясь на поцелуй.

— Может быть, стоит снова искупаться? Мне бы понравилось быть с тобой вместе в воде.

Джура почувствовала, как краснеет. Так странно обсуждать столь интимные отношения с чужеземцем. Когда Руан отодвинулся, она опустила ноги, но Руан все еще обнимал ее, ласково поглаживая по спине.

— Долг превыше всего, — сказал он грустно. — Скоро проснутся наши спутники. — Руан легонько опустил Джуру на землю и подтолкнул ее к ручью.

Джура сняла тунику и вновь вошла в воду. За своей спиной она услышала прерывистый вздох Руана и удовлетворенно улыбнулась. Руан последовал за ней, стараясь держаться подальше, чтобы не поддаваться искушению.

Первые лучи солнца заиграли на золотистых волосах Руана.

— Ты... — осторожно начала Джура, — знаешь столько способов любви между мужчиной и женщиной. У тебя было много... учителей?

Руан рассмеялся, довольный тем, что их разговор не связан с войной и политикой.

— Не больше десятка, — бросил он самодовольно. — Принц, даже если он из страны столь отдаленной, как Ланкония, привлекает к себе внимание в Англии.

— Значит, женщины желали тебя, потому что ты принц?

— Был им, — поправил ее Руан, — сейчас я король. Но, нет, их привлекал я сам.

— Понимаю. Женщины восхищались твоим боевым мастерством. Здесь то же самое. Вот Дайри, например, отличный боец.

— Ты ошибаешься, — резко оборвал ее Руан. — Женщинам нравилась моя... — Он помедлил.

— Что?

— Моя внешность, — быстро ответил Руан — Джура, некоторые из них считали, что на меня приятно посмотреть.

— Ты такой же высокий, как все ланконцы, но к твоей бледности очень трудно привыкнуть. Впрочем, может быть, все англичане бесцветные.

— Я не бесцветный, — рявкнул Руан, затем в недоумении покачал головой. — Джура, неужели у тебя другие мужчины будут всегда более сильными, красивыми и умелыми, чем я? Наступит ли время, когда ты последуешь за мной, не задавая вопросов, просто потому, что веришь в меня?

— Боюсь, что нет, — ответила Джура после минутного размышления. — Человек всегда должен сам принимать решения. Мы, ирлианцы, так воспитаны с детства. А ты сам последуешь за мной, ничего не спрашивая? Пока я что-то не замечала ничего подобного.

— Разумеется, нет. Но ты ведь женщина, — в голосе Руана зазвучали гневные нотки.

— У меня что, меньше мозгов, чем у тебя? — кинулась в атаку Джура. — Я буду идти за тобой, только когда сочту твои действия правильными. И никогда не стану следовать за мужчиной лишь из-за того, что солнце так красиво золотит его волосы.

Казалось, Руан готов сорвать на ней свой гнев, но вдруг выражение его лица изменилось, и он довольно улыбнулся.

— Значит, ты считаешь меня красивым?

— Внешность не имеет значения.

— Разве? Тогда почему ты позволила ласкать себя в ту самую первую нашу встречу? Не думаю, что ты разрешала другим мужчинам прикасаться к себе. Даже твоему драгоценному Дайри. Я же вижу, как он на тебя смотрит. А вот он-то, без сомнения, выбрал тебя, потому что ты лучше других женщин справляешься с оружием.

— Именно поэтому я выиграла тебя, — напомнила ему Джура, поворачиваясь, чтобы вернуться на берег. Руан схватил ее за руку, притянув поближе.

— Ты боишься влюбиться в меня, не правда ли, Джура?

Джура попыталась высвободиться.

— Это глупо. Нам лучше вернуться в лагерь. Скоро все проснутся.

— Почему ты боишься? — допытывался Руан, не выпуская ее руки. — Неужели ты считаешь, что таким образом потеряешь свое «я»?

— Какие вы, англичане, романтичные. Да, ты прав: я не хочу любить тебя. И не хочу из-за того, что ты скоро умрешь. Ты попадаешь в ситуации, с которыми твой английский ум не может справиться. Пока наивность, а может быть, помощь Бога, уберегала тебя, но так долго не продлится. Если тебя не убьет Ян, то это сделает кто-нибудь другой.

Руан смотрел на Джуру, словно она ударила его.

— Никак не могу привыкнуть к твоей прямолинейности. — Он отпустил Джуру. — Я собираюсь удивить тебя и прожить долго. И не просто прожить, но и достичь своей цели: прежде чем я умру, я увижу, как племена Ланконии станут одним народом.

Джура успела лишь надеть тунику, когда Руан вновь схватил ее в объятии.

— Ты можешь отрицать, но это пустые слова, Джура. Твое тело сразу признало во мне свою недостающую половину, только твой ум все еще сопротивляется. — Руан принялся осыпать поцелуями лицо Джуры. — Ты должна была выйти замуж за Дайри — которого ценишь так высоко, — но могу поспорить, он-то ни разу не вызвал у тебя те чувства, что ты испытываешь ко мне. Твой разум смирится, Джура. Это лишь вопрос времени.

Джура отворачивалась от его поцелуев, но она была бессильна освободиться из кольца его рук.

— Ты не должен был стать королем, — прошептала она. — Ты лишь наполовину ланконец. Я не понимаю тебя, Руан. И другие ланконцы тоже. Тебе следует вернуться в свою страну прежде, чем твое вмешательство вызовет войну.

— А ты поедешь со мной в Англию? — спросил Руан. — Поедешь туда, где женщин ценят за умение вести домашнее хозяйство, а не за способность побеждать своих соперниц?

Джура резко толкнула Руана в грудь.

— Я останусь здесь. Я ланконка.

Но пока она говорила, острая боль вдруг прошла сердце: никогда больше она не увидит улыбку Руана, его горящий взгляд, никогда не почувствует его ласковые руки. Вид огромного мускулистого тела ее мужа, покрытого светлыми волосами, вызвал отчаянное желание дотронуться до напряженных мышц.

Джура резко выпрямилась. Она должна контролировать себя. Она должна заставить разум взять верх над телом. Она — солдат женской королевской гвардии, а не какая-то полоумная девчонка, влюбившаяся в первого попавшегося красивого парня. Она не может вслепую следовать за англичанином. На кон поставлены судьбы ее страны. То, что делают они с Сайлин, Дайри и Джералтом, окажет влияние на всю Ланконию. Если их поступки будут глупыми или поспешными, погибнут тысячи людей. Она может любить Руана, но только не той безрассудной любовью, о которой он говорит. Она никогда не пойдет за ним просто потому, что ее любимый сказал: «Пошли». Она должна наблюдать и ждать. И никогда, никогда не позволять любви влиять на свои мысли.

— Пора возвращаться, — тихо сказала Джура, поправляя одежду.

— Проще завоевать Ланконию, чем свою жену, — вздохнул Руан. — Ну что ж, пора взбираться вверх. Я боюсь оставлять Бриту вместе с Джералтом, а то она уговорит твоего братца перерезать мне глотку во сне.

— Ты ошибаешься! — возмутилась Джура. — Его, как и меня, с самого детства приучали действовать только в интересах Ланконии.

— Я могу легко распознать такое чувство, как ненависть. А будешь ли ты защищать меня от ножа своего сводного братца? Кого ты оставишь в живых, если тебе придется выбирать между мной и им?

Джура не смогла ответить. Впрочем, зачем об этом думать, если Руана, а может и остальных тоже, убьют еще до того, как они доберутся до города фаренцев. Представив возможную смерть мужа, Джура снова почувствовала боль в сердце. Что ж, ей придется свыкнуться с подобной мыслью.

Глава 14

Чем ближе маленький отряд приближался к стране фаренцев, тем больше чувствовалось напряжение. Дорога шла по таким глухим местам, что лошади с трудом преодолевали препятствия. Они двигались на восток, вдоль гор, за которыми к северу скрывались поселения поленцев и ултенов.

Все молчали. Джура дважды замечала голодные взгляды, бросаемые Бритой на Джералта, и про себя подивилась неумному аппетиту этой женщины. Сначала она хочет Руана, затем Джералта. Возможно, именно слова мужа пробудили у Джуры сомнения в сводном брате, но она поймала себя на том, что внимательно следит за ним и за Бритой.

В эту ночь они сделали привал в излучине реки, являвшейся границей территории фаренцев.

Огня не зажигали, обойдясь холодным ужином. Затем стали устраиваться на ночь. Первым сторожить выпало Джералту.

Джура быстро погрузилась в сон, но через несколько часов она вдруг проснулась. Шум воды заглушал звуки, но интуиция подсказывала, что в лагере что-то происходит. Джура приподнялась на локтях, оглядываясь вокруг. Брита и Сайлин крепко спали. Джура посмотрела в сторону камней, где должен был находиться Джералт. Тишина. Руан решил устроиться на ночь в стороне от всех, поэтому его она не видела. Джура перевела взгляд на Дайри и увидела, что он тоже не спит.

Дайри махнул рукой сначала в ту сторону, где предположительно находился Руан, затем в сторону дороги, ведущей к фаренцам. Джура почувствовала, как лихорадочно забилось сердце. По какой-то неведомой причине англичанин решил в одиночку добраться до Яна.

Джура тихонько выскользнула из-под одеяла, сделав знак Дайри оставаться с Бритой и Сайлин, затем пробралась к лошадям. Она знала, что Руан выберет кратчайший путь до города фаренцев, поэтому, не раздумывая, направила коня по дороге, скача все быстрее и быстрее по мере того, как удалялась от лагеря.

Она проехала не так и много, когда из-за деревьев выскочил пылающий от гнева Руан.

— Проклятье, Джура, — буквально заорал он. — Ты хуже, чем любвеобильная мамаша. Возвращайся сейчас же к остальным!

— Ты уехал без охраны, — бросила Джура, с трудом успокаивая танцующую под ней лошадь. А ведь ты на вражеской территории. Люди Яна убьют чужака, не спрашивая, благородная у него цель или нет. Руан попытался немного обуздать свой гнев.

— Я ищу гонца, которого послал к фаренцам.

— Фаренцы не оставят твоего гонца в живых — если он вообще добрался до их короля.

— Я король фаренцев, а Ян... Черт, Джура, у меня нет времени спорить с тобой. Я знаю, что ты не вернешься в лагерь, так что поедем вместе. И охраняй меня со спины.

Джура улыбнулась, двигаясь вслед за мужем. Возможно, в конце концов, ему удастся понять некоторые ланконские привычки.

Они скакали по каменистой дороге уже в течение часа, когда Руан вдруг внезапно остановился. Они спешили и как можно тише отвели лошадей в сторону, привязав к одному из деревьев.

— Я вижу впереди свет костра, — прошептал Руан. — Держись поближе и не вздумай совершить какую-нибудь глупость.

— К вопросу о глупости, это ведь ты в одиночку отправился к врагам, а не я, — ехидно напомнила Джура.

Для такого огромного мужчины Руан двигается удивительно легко, думала Джура, следуя за мужем. Да и кроме того, он отлично видит в темноте, если сумел разглядеть маленький огонек на таком расстоянии.

Спрятавшись за деревьями, они всматривались в представшую их глазам картину. Около огня

находились три человека, занимавшиеся приготовлением ужина. Они казались усталыми; одежда порвана и испачкана, словно ее не снимали много лет.

Мужчины были маленькими, на полголовы ниже ирлианцев, с темными волосами и характерными для фаренцев кривыми ногами. Говорили, что детей в этом племени сажают на лошадь в три года. Болтали также, что они любят лошадей больше, чем своих родственников, и если ирлианец встретился с фаренцем, сидящим на лошади, он должен молить Бога, чтобы его смерть была быстрой.

Джура повернулась туда, где в темноте стоял Руан. Он наклонил голову, указывая в сторону одного из деревьев на другой стороне от костра. Джуре с трудом удалось разглядеть там человека, видимо, привязанного к дереву. Она вопросительно посмотрела на Руана, и тот кивнул. Очевидно, это и есть его гонец, попавший к фаренцам в плен. На таком расстоянии Джура не могла понять, жив он или нет.

Ни говоря ни слова, Руан отвел ее в сторону, а сам исчез в темноте, двигаясь по направлению к пленнику.

Джуре показалось, что прошли часы, и она даже подпрыгнула от неожиданности, когда Руан словно материализовался из темноты.

— У них Кеон.

Джура не могла различить его лица, но знала, о чем думает Руан. Кеон был сыном Броейна, властителем зернанцев. Джура посчитала глупостью выбор такого ценного заложника в качестве гонца, но не стала об этом говорить Руану. Пока она попридержит свой непослушный язык.

Руан знаками показал ей, что собирается захватить фаренцев и освободить мальчика, и на мгновение Джуре показалось, что он опять прикажет ей держаться в стороне. Бросив на Руана уничтожающий взгляд, она заметила, как он поморщился. Затем Руан прошептал:

«Никаких убийств», и исчез за деревьями.

Джура замерла, ожидая сигнала к началу боя. Ее сердце отчаянно билось, как это бывало каждый раз перед сражением, но сейчас к этому примешивалось и кое-что иное. Ее волновала безопасность Руана. Джура молилась, чтобы он остался в живых.

Она обратилась к христианскому Богу, а потом, просто на всякий случай, и к ланконскому богу войны Наосу, умоляя их пощадить ее мужа.

Однако Руан не стал сражаться. Вместо этого он отправился напрямик к фаренцам, держа меч в левой руке.

— Я король Ланконии. Опустите свое оружие. Все трое мужчин вскочили на ноги, бросаясь к прищельцу. Джура выбежала из своего укрытия, ударив одного из нападавших обухом боевого топора по голове. Он упал, но прежде, чем Джура смогла повернуться, ее со спины схватил второй фаренец.

Он был силен, даже очень, вынужденно признала Джура, старавшаяся стряхнуть душившие ее руки. Джура отклонилась, со всего размаху ударив фаренца локтем под ребра, но жесткая хватка не ослабла.

Слева доносились удары мечей — Руан сражался с третьим фаренцем.

Мужчина опять сжал свои руки, и Джура почувствовала, что задыхается. Она теряла силы. Ее глаза закрылись, и она провалилась в темноту.

— Джура! Джура!

Джура очнулась, почувствовав, что лежит головой на коленях Руана, который кричит и бьет ее по щекам. Она застонала, пытаясь встать. Руан тут же обнял ее.

— Джура, с тобой все в порядке?

— Да, — ответила она нетерпеливо. — Если, конечно, ты не раздавишь меня. — Джура потеряла горло. — Я не могу дышать.

— Ну почему я позволил женщине сражаться рядом? — слегка запоздало спросил Руан, не выпуская однако Джуру из рук.

Джура оттолкнула его, с трудом садясь.

— Потому что я вывела из строя одного нападавшего и отвлекла на себя внимание другого, пока ты все еще возился с первым. Если бы мы просто выстрелили в них...

Руан поднялся, глядя на потерявших сознание фаренцев.

— Они мои люди, такие же, как и ирлианцы. Он повернулся к дереву, где находился Кеон, и Джура последовала за ним.

Сначала им показалось, что мальчик мертв, но при ближайшем рассмотрении выяснилось, что он крепко спит. Руан нагнулся. Кеон не был привязан к дереву, как они думали. Джура также склонилась над бесчувственным телом, и резкий запах алкоголя ударил ей в нос.

— Он пьян! — презрительно заметила она. — Он не пленник, а просто напившийся мальчишка.

Руан встряхнул Кеона, приводя того в чувство. Кеон закатил глаза, облизал губы, затем, глупо улыбаясь, уставился на Руана.

— Мой отец будет гордиться мной, — пробормотал он заплетающимся языком. — Я был у Яна.

— И Ян не убил тебя? — удивилась Джура. Юноша ухмыльнулся, на мгновение закрыв глаза.

— Сказал, что я смелый. А я описал ему Бриту. — Кеон развел руки, очерчивая в воздухе контуры женской фигуры. — Он сказал, что женится на ней. Они будут смешной парой. Король фаренцев очень маленький, но, с другой стороны. Брита уже не такая красивая и молодая, как ты, Джура. Если у тебя есть сестра, то я женюсь на ней. И стану тогда родственником королю.

Джура вопросительно подняла брови.

— Королю? Ты имеешь в виду своего отца Брокейна?

Кеон криво улыбнулся.

— Короля Руана. Короля всей Ланконии. Короля...

— А где Сиомун? — вмешался Руан, не замечая удивленного взгляда Джур, опешившей от такого мальчишеского обожествления своего героя. — Я же послал Сиомуна, чтобы он доставил письмо Яну.

— А я связал Сиомуна. Я не могу находиться со всеми этими ирлианцами. Мой отец хочет, чтобы я стал мужчиной — как ты. Мои три брата погибли в бою. — Кеон склонился к Джуре. — Я напал на ирлианского короля, но остался жив. А сейчас я хочу большего. Я должен доказать, что я такой же мужчина, как и мой отец. Разве я это не сделал?

Руан опустил руку на плечо Кеона.

— Ты порадовал меня, да, я верю, что ты настоящий мужчина.

— Ты отправился один к фаренцам, — заметила Джур, затем бросила быстрый взгляд на Руана: — Твое легкомыслие заражает нас всех. — Она вновь повернулась к Кеону. — А почему Ян не убил тебя?

Внезапно на лице Кеона появилась грусть.

— Они очень бедные. Ян говорит, что остальные племена воруют их лошадей, поэтому приходится все время перемещаться с места на место. Они не могут сажать пшеницу и прошлой зимой чуть не умерли с голоду. Им нужны женщины. — Лицо Кеона вдруг посветлело. — Мой отец отдаст всех своих женщин, только попроси. А мы возьмем ирлианок.

— Значит, Ян примет нас? — спросил Руан. Голова Кеона качнулась в сторону, он почти засыпал.

— Эти трое отведут тебя к Яну. Ты их случайно не убил? Хоть и маленькие, но умеют пить, это точно. — Кеон закрыл глаза, проваливаясь в сон.

Джур осторожно устроила юношу поудобнее.

— Никогда раньше не замечала, какой он симпатичный.

— Не такой бесцветный, как некоторые из нас? — окрысился Руан. — А сейчас, когда ты перестала изображать мать этого мальчишки, нам надо поговорить с фаренцами. Слава Богу, что я никого не убил.

Джур улыбнулась, потрепав Кеона по щеке.

— На самом деле, он почти моего возраста, так что не стоит называть его мальчиком. И он очень смелый, раз отправился к Яну в одиночку.

— Он смелый, когда идет в одиночку, а я глупый, — проворчал Руан и отошел, направляясь к фаренцам.

Джур улыбнулась, наслаждаясь ревностью. Несмотря на свои недостатки, этот английский муж умеет заставить ее чувствовать себя... ну... красивой. Не то чтобы красота имела какое-нибудь значение для Джур, но все равно приятно.

Один из фаренцев застонал, обхватив голову руками. Руан послал Джур принести воды. Вернувшись, она увидела, что Руан стоит над лежащими фаренцами, угрожая им мечом и в то же время не переставая что-то говорить. Как она и ожидала, после короткой речи Руана

фаренцы присмирели. Джура подумала, что Руан может своими сладкими речами отогнать и мух с сахара.

Когда она вошла в круг света, отбрасываемого костром, один из мужчин вскочил на ноги. Джура догадалась, что это тот, с кем она боролась. Они оба явно испытывали огромное облегчение, что остались живы.

Джура присела к костру, расположившись позади фаренцев так, чтобы сразу же заметить, если они решат схватиться за оружие. Усталость после боя, а больше всего голос Руана клонили ее в сон. Джура легла, прикрывшись одной из лошадиных попон, и мгновенно уснула.

Проснулась она только, когда Руан поднял ее на руки, унося подальше от лагеря фаренцев. Мгновение Джура боролась с ним, но потом успокоилась. Где-то в глубине души Джура знала, что она в безопасности. На ее глазах Руан сделал несколько поступков, которые она считала глупыми, но ему каким-то образом удалось добиться успеха. Он подружился с Броейном, вынудил королеву вательцев дать разрешение на браки ее людей и ирлианцев, а сейчас фаренцы слушали его.

— Ты действительно разговаривал с Богом? — спросила Джура сонно.

— Я всего лишь простой человек и нуждаюсь в помощи, неважно от кого.

Джура снова заснула, открыв глаза уже в середине следующего дня и обнаружив рядом с собой крепко спящего Руана. Медленно, стараясь не потревожить мужа, Джура попыталась встать.

— Не уходи из моего поля зрения, — предупредил ее Руан, не открывая глаз.

— Но мне надо отойти.

— Тогда до того дерева и обратно. Я не собираюсь сегодня больше сражаться за тебя.

Джура проглотила рвущийся с языка дерзкий ответ и послушно направилась к указанному дереву. Когда она вернулась, Руан все еще оставался на том же самом месте.

— Надо возвращаться к остальным, — заметила Джура. — Дайри и Сайлин станут волноваться. А где фаренцы и сын Броейна? Ты собираешься задержаться здесь на целый день?

Руан протянул руку и схватил Джуру за лодыжку.

— Джура, тебе никогда не хотелось лежать день напролет на берегу реки, наблюдая за бабочками?

— Я-то не прочь, но только не сегодня, — улыбнулась Джура. — Джералт...

— Боже мой! — крикнул Руан, мгновенно вскакивая на ноги. — Я совершенно забыл о твоём брате. Он убьет фаренцев, не дав им возможности и рта раскрыть в свое оправдание. Надо торопиться!

Они побежали в сторону лагеря. Минуту спустя Джура увидела, что опасения Руана оказались верными. Проклятье, ей было неприятно даже себе признаться, что муж прав.

Джералт всегда сражался отлично, но, разозлившись, он становился страшным. Ему удалось захватить в плен всех троих фаренцев, без сомнения, напав на них во время сна, и сейчас он угрожал им смертью, допытываясь, как они убили его сестру.

Увидев, что Руан швырнул нож к ногам Джералта, Джура бросилась вперед, но опоздала. Даже годы спустя она не могла в точности вспомнить, что же произошло тогда. Фаренцы, на которых за этот день нападали уже дважды, разъярились не на шутку. Они вскочили, сжимая в руках оружие. В этот момент рядом показался только что проснувшийся Кеон. Не разобравшись, кто на кого нападает, он решил, что угрожают его любимому королю.

Выхватив меч, Кеон кинулся, закрывая своим телом Руана. Один из фаренцев сделал выпад в сторону Джералта, промахнулся, так как тот отпрыгнул в сторону, и попал в грудь Кеону. Если бы не юноша, меч, без сомнения, поразил бы Руана.

На мгновение показалось, что остановилось время. Кеон медленно опускался на землю, а остальные замерли на месте.

Первым отреагировал Руан, опустившись на колени и подхватив Кеона на руки.

— Ты передашь моему отцу, что я умер не напрасно, — прошептал тот.

— Конечно.

Юноша с трудом приподнял руку, коснувшись плеча Руана.

— Я умер за своего короля. — Безжизненное тело обмякло на руках Руана.

— Это означает войну, — равнодушно сказал Джералт, пряча свой меч.

Джура повернулась к брату, с негодованием замечая злорадство в его глазах. Джералт радовался смерти мальчика! Радовался тому, что придет война и Броейн убьет Руана. В этот момент Джура поняла, что Джералт думает не о Ланконии, а лишь о себе и своей будущей власти.

Она перевела взгляд на Руана, но тот склонился над телом Кеона, и она не могла увидеть его лицо.

Очень медленно Руан поднялся и понес Кеона в лес.

— Нам лучше возвращаться, — начал Джералт. — Броейн...

— Ты останешься здесь и будешь ждать Руана, — в голосе Джуры был лед. — А если причинишь кому-нибудь вред, я сама убью тебя.

— Но, Джура...

Не оглядываясь, Джура пошла вслед за Руаном. Сайлин крикнула ей, чтобы она оставила его в покое, но Джура решила, что должна обязательно поговорить с мужем.

Ей пришлось пройти достаточно долго, прежде чем она нашла его. Джура остановилась, не решаясь подойти ближе. Руан положил тело Кеона на камень, словно на алтарь, а сам стоял рядом на коленях.

Джура замерла, но Руан так и не повернулся к ней, слегка раскачиваясь и закрыв глаза руками. Джуре потребовалось несколько минут, чтобы понять, что он плачет.

Она была поражена. Джура никогда раньше не видела плачущего мужчину, но звуки, доносящиеся со стороны Руана, нельзя было спутать ни с чем иным.

Джура спряталась за деревом. Она не знала, что ей делать. Неужели Руан боится угрозы Броейна? Или это приближающаяся война так испугала его?

Она вздрогнула, когда Руан вдруг начал говорить. Он обращался к Богу, которого, видимо, считал своим другом. Джура прислушалась.

— Я потерпел поражение, — тихо произнес Руан. — Я не оправдал доверия моего отца, моей страны и даже моей жены.

Джура нахмурилась, стараясь не пропустить ни слова.

— Я умолял освободить меня. Я говорил тебе, что недостойн быть королем. Я слишком труслив и ленив, как мне часто напоминал мой наставник. И я не смогу объединить страну. — Руан опустил голову и снова заплакал. — Джура сразу поняла это. — Она знала, что я неудачник. О, Господь, лучше бы кто-нибудь другой был рожден сыном Тала. А сейчас умер этот мальчик, пытаюсь спасти мою бесполезную жизнь. Я вернусь в Англию и оставлю Ланконию ее жителям. Прости меня, отец, что я так подвел тебя.

Джура прислонилась к дереву, чувствуя, как у нее самой на глаза набегает слезы. Она и не подозревала, что за решительными поступками короля скрывается неуверенность в себе. Почему Руан считает, что он трус? Он же один выступил против зернанцев.

А как она могла сомневаться в муже, спросила Джура себя. Почему она не поддерживала Руана? Она гордилась своим умом, но ни разу не подумала о Руане, а лишь боролась с ним. Может быть, как и говорил Руан, это из-за того, что она боялась любить его? Может быть, она любит его с той самой первой встречи на берегу ручья? Может быть, она сразу почувствовала, что только Руан способен завладеть ее душой?

Руан все еще плакал, и неожиданно Джура поняла, что должна что-то сделать, чтобы не позволить ему покинуть Ланконию. Если королем станет Джералт, то их страна вновь погрузится в войну...

А сама Джура... Она подумала, что умрет без этого англичанина. Она так привыкла к его мягкому, нежному обхождению. Так привыкла к его силе. Ну почему она не помогала ему раньше?

Она должна помочь ему сейчас!

Но как? Англичанка, несомненно, подбежала бы и приласкала мужа, и Джура, к своему удивлению, поняла, что хочет положить его голову к себе на плечо и дать выплакаться.

Нет, предложить свое сочувствие — это самое худшее, что можно сделать. Надо каким-то другим образом вернуть Руану веру в себя.

Джура тихонько прошла назад, затем повернулась, направляясь к Руану и следя за тем, чтобы произвести как можно больше шума. Но Руан не пошевелился, стоя над телом Кеона.

— Что ты тут делаешь? — громко спросила Джура. — Мы должны ехать к фаренцам. Что это такое? — повторила она, указывая в сторону тела Кеона. — Ты оплакиваешь мертвого зернанца? Когда дело дойдет до войны, мы, ирлианцы, выиграем.

— Не будет никакой войны, — тихо ответил Руан. — Я пойду и сдамся Броейну. Надеюсь, это успокоит его.

Джура поморщилась, но продолжила:

— Хорошо! Тогда Джералт станет королем. Руан никак не отреагировал.

— Как и следовало ожидать, — не сдавалась Джура. — Ответь мне, пожалуйста, идем мы все-таки к фаренцам или нет? Ян ведь ждет Бриту.

— Это больше не моя забота. Я не ланконец. Симпатия, испытываемая Джурой к Руану, начала потихоньку таять.

— Это точно. Ланконец никогда бы не затеял глупость с объединением племен.

— Возможно, преуспеет кто-то другой, — грустно согласился Руан.

— Не сомневаюсь. Джералт добьется большего успеха, чем ты. — Джура внимательно следила за лицом мужа.

Руан быстро повернулся к ней.

— Джералт будет объединять племена?

— Разумеется. Он с легкостью выполнит столь важную миссию. Брита уже заметила, как он силен.

— Брита заметила силу Джералта? — переспросил Руан. — Но Брита...

— О да, это отчетливо заметно по ее поведению. Она боится моего брата.

— Она собирается приручить его. Брита выйдет замуж за этого глупца и станет править Ланконией. — В глазах Руана опять появился огонь.

— А тебе какое дело? Ты ведь уже будешь мертв к тому времени. Ты же собираешься принести себя в жертву.

Руан посмотрел на Кеона, его лицо вновь осунулось.

— Да, это правда. Думаю, из Джералта получится отличный король.

— Если он выиграет.

— Выиграет???

— Побывав королевой, я почувствовала вкус к власти. Я, пожалуй, выйду замуж за Дайри и вместе с ним мы победим Бриту. Возможно, именно я стану королевой всей Ланконии. — Джура широко улыбнулась. — Мне эта мысль нравится.

Руан посмотрел на свою жену. Грусть в его глазах растаяла, но появилась ненависть. И эта ненависть была направлена на Джуру.

— Война, — прошептал он. — Опять война и власть. Ты собираешься бороться со своим братом, чтобы завладеть тронem, неся смерть тысячам людей. Нет, тебя не волнует судьба Ланконии.

— А тебя? Ты готов бросить своих подданных и отдать себя в руки Броекейна?

— Я должен. Я дал ему слово. А слово рыцаря крепче стали.

— Ты англичанин! — от отчаяния Джура сорвалась на крик. — Ты англичанин до мозга костей, и я рада, что ты умрешь! Нам не нужны трусы. Иди. Иди к Брокейну. Убирайся назад в Англию. Иди к самому дьяволу, мне все равно! — Джура развернулась и бросилась бежать.

Ее душили слезы. Она рыдала, словно пытаясь выплакать слезы, скопившиеся за всю ее предыдущую жизнь. Джура остановилась, опустила па колени, затем упала лицом в землю. Она умрет, если Руан отдаст себя на волю Брокейна, но она не могла сказать это мужу. Мужчине в подобной ситуации не нужна симпатия, напротив, он должен рассердиться. Но только Джура оказалась не готова к выражению ненависти на лице Руана.

Через некоторое время Джура поднялась, решив вернуться к остальным. В лагере к ней подошла Сайлин, но Джура отвернулась.

— Ты... ты плачешь? — недоверчиво спросила Сайлин. — Что с Руаном?

Джура не могла рассказать даже такой близкой подруге, как Сайлин, что она видела плачущего короля. Ланконцы скорее всего посмеялись бы над подобной слабостью. Но ведь сама Джура не стала смеяться. Может быть, она уже не полностью ланконка?

— Дым попал в глаза. А Руан скоро вернется.

И действительно через несколько минут в лагере появился Руан. Отдав приказ садиться на лошадей, он подошел к фаренцам и долго о чем-то беседовал с ними. Джура заметила, как Руан показывает рукой на разных людей, видимо, гарантируя их безопасность своей собственной жизнью, как горько подумала она.

Джура внимательно следила за ним, отмечая некоторую пустоту в глазах, которой там раньше не было. Тем не менее, Руан снова принял командование на себя.

Она ждала, пока он посмотрит в ее сторону, чтобы улыбнуться мужу, показать, как она рада.

Но Руан не посмотрел.

За весь день их бешеной скачки Руан так ни разу и не бросил взгляд на свою жену. Неужели он не понимает, что ее слова были сказаны специально, чтобы разозлить его? Сегодня ночью, думала Джура. Сегодня ночью останемся вдвоем, и Руан коснется ее снова, может быть, даже займется любовью с ней.

Но этого опять не случилось. Джура даже попросила Руана погулять с ней, но он ответил, что не может бросить фаренцев.

— Я боюсь оставить их с твоим братом, — сказал Руан, равнодушно глядя на нее. — Или мне стоит называть Джералта настоящим королем Ланконии? — Прежде чем Джура смогла что-то сказать, Руан ушел.

Сайлин заметила Джуру, потерянно стоящую посреди лагеря, и позвала ее расседлать лошадей.

— Ты обидела Руана, — прямо заметила Сайлин.

— Я помогла ему, только он этого не знает. — Джура посмотрела на Руана, устроившегося у

огня точить меч. — Я была...

— Дурой, — гневно закончила Сайлин, беря свое седло и бросая подругу в одиночестве.

Джуру пронзила жалость к себе. Неужели никто не видит, как ей плохо?

Эту ночь Джура просидела у огня вместе с остальными, заступив на дежурство перед рассветом. Но Руан не сделал ни малейшей попытки поговорить с ней наедине.

Никто, кроме Сайлин, не заметил разницы в их отношениях. Руан теперь обращался с Джурой так, как ланконец обычно обращается с женщиной: как с равной. Но Джура уже слишком привыкла к заботе Руана, привыкла видеть себя в его глазах слабым и нежным существом.

И ей так недоставало их любви.

Рано утром она увидела, что Руан покидает лагерь. Джура последовала за ним, найдя мужа на берегу ручья.

Он даже не обернулся.

— Что тебе надо, Джура?

Джура заставила себя подойти ближе.

— Мы не разговаривали несколько дней, и я думала... — Джура протянула руку, чтобы коснуться мужа. Но Руан так поглядел на нее, что она замерла.

— Я и не знал, что мужчины разговаривают с женщинами. Мне казалось, что предназначение последних — это защищать мужчин во время боя.

Джура нахмурилась, чувствуя себя очень неуверенно.

— Но мы же женаты.

— Понимаю. Значит, ты соскучилась по плотским наслаждениям. И муж требуется только для этого.

— Если ты хочешь верить подобной глупости, то пусть так и будет, — гневно крикнула Джура и оставила Руана одного. Он что, ждал, пока она объяснит свое поведение там в лесу? Неужели он действительно думал, что она бы обрадовалась его смерти?

На глаза набегали слезы, но Джура яростно смахнула их. Будь проклят этот Руан! Ну почему она любит мужчину, который заставляет ее плакать?

Глава 15

Руан больше не смотрел на нее. Это было больно, словно ее ударили. Ворочаясь, Джура так и не уснула в ту ночь, и единственная заметила появление в лагере таинственных фигур. Сначала Джура подумала, что они — плод ее воображения, бестелесные существа: они бесшумно двигались, появляясь из темноты и снова исчезая. Джура увидела, как одна из завернутых в плащ фигур наклонилась и положила что-то в рот Дайри. Но прежде чем Джура смогла вскочить на ноги, что-то ударило ее по голове и она потеряла сознание.

Очнувшись, она почувствовала сильную боль в затылке и шее. Не открывая глаз, Джура

попыталась поднять руку и не смогла.

— Джура, Джура.

Джура с трудом разлепила словно налитые свинцом веки и увидела рядом с собой Сайлин. Они находились в фургоне, лежа на мешках с чем-то, сильно напоминавшим камни.

— Джура, с тобой все в порядке? — прошептала Сайлин.

Джура решила сесть, но обнаружила, что связана по рукам и ногам.

— Да, — удалось прохрипеть ей. — Где мы? Кто нас захватил? Где остальные? — Джура поморщилась, так как в это время колесо фургона попало в яму, и содержимое мешков, на которых она лежала, со всей силы врезалось ей в спину.

— Не знаю, — ответила Сайлин. — Я спала, а когда проснулась, то была уже здесь. Джура попыталась высвободиться.

— Я должна спасти Руана. Он опять решит поговорить с этими людьми, и они убьют его. Сайлин криво усмехнулась.

— Боюсь, что в первую очередь мы должны волноваться о себе самих. Если они взяли нас в плен, то так же поступили и с остальными. Мы сейчас должны поспать, чтобы сохранить силы.

Джура засыпала с трудом, так сильно было ее беспокойство за Руана — и за других, как она сурово напомнила себе. Она молилась, чтобы ее муж остался в живых. Ему слишком рано умирать. И ему надо, чтобы кто-то защищал его.

В конце концов она заснула, но ей снилось, что Руан мертв, и во сне Джура понимала, что виновата в этой смерти, потому что никогда не говорила Руану, что любит его.

Разбудила ее резкая остановка фургона. Чьи-то руки грубо схватили Джуру за лодыжки и вытащили наружу.

Ултены, подумала она, глядя на маленьких худых людей, толпившихся рядом. На память пришли ужасные истории, которые рассказывали об этом народе. Родители обычно пугали детей ултенами.

Никто ничего не знал о них, за исключением того, что они грязные, жадные, вороватые, непорядочные, и у них отсутствует само понятие чести. В течение столетий другие племена старательно избегали ултенов. Те жили в высокогорье северной части Ланконии, и ни один путешественник не испытывал желания посетить их город. Тем не менее, ходили упорные слухи, что это город неисчислимых богатств.

Сейчас Джура стояла в грязном углу, глядя на своих похитителей, чьи лица не могла рассмотреть под низко надвинутыми капюшонами. К ней подошел старик, протягивая кусок хлеба и чашку с водой. Джура взяла хлеб, оглядываясь по сторонам. Всего здесь находилось четыре фургона, около каждого из которых суетились молчаливые фигурки, закутанные с ног до головы в плащи, но ни одного из других пленников не было видно.

— Где остальные? — Джура с трудом выговорила слова, страх сжал ее горло.

Неожиданно из темноты показался еще один человек, который с силой ударил Джуру по лицу

— ей явно приказывали молчать. После короткой еды их с Сайлин опять загнали в фургон.

Путешествие казалось бесконечным, дни сливались друг с другом. Первый день Джура и Сайлин почти не разговаривали. Джура казнила себя за глупость. Если бы только у нее было время, чтобы объяснить с Руаном. Если бы она поговорила с мужем, то сейчас бы ее не преследовали ужасные видения его смерти. Может быть, ей стоило обнять его, когда он плакал. Может быть, это был бы лучший способ. Если только...

— Как ты думаешь, они убили наших мужчин? — прошептала Сайлин.

Джура почувствовала комок в горле.

— Они, без сомнения, хотят иметь женщин-рабов, — продолжила ее подруга. — Брита слишком стара, поэтому они схватили нас.

Джура сглотнула, но это не помогло.

— Да, — ответила Сайлин на свой же вопрос. — Думаю, что они убили мужчин. Иначе они бы поспешили нам на помощь.

Сайлин подождала, пока ответит Джура, но та молчала.

— Никто не слышал, как появились ултены, даже фаренцы, которые стояли на страже. — Сайлин на мгновение закрыл глаза. — Броекейн объявит войну ирлианцам, когда услышит, что его сын мертв. А кто теперь поведет ирлианцев в бой, если и Руан, и Джералт погибли?

Джура зажмурилась, и перед глазами появилась светловолосая голова Руана. Она вспоминала его улыбку. Она вспоминала, как он щекотал ее в их первую брачную ночь.

— Теперь мы никогда не объединим племена, — грустно рассуждала Сайлин. — Вательцы потеряли Бриту, погиб сын Броекейна. — Она сглотнула. — И наш король тоже мертв.

— Остановись, — закричала Джура, — я больше не выдержу!

Сайлин бросила на подругу удивленный взгляд.

— Это что, горе делает тебя такой странной? Смерть Руана...

— Пожалуйста, не надо, — прошептала Джура. Сайлин помолчала.

— Мы должны беречь силы, — наконец проговорила она, стараясь привлечь внимание Джуры к насущным проблемам. — Надо найти способ сбежать от этих людей и вернуться домой. Мы должны рассказать ланконцам, что произошло. Мы объединим племена, чтобы уничтожить ултенов. Мы отомстим за смерть Руана. Мы... — Сайлин поражение остановилась, так как со стороны Джуры вдруг донеслись звуки рыданий. Она никогда еще не видела, чтобы Джура плакала.

Джура пыталась остановиться, но не могла. Она вспоминала каждую минуту, проведенную с Руаном.

— О, Руан, — прошептала она в темноту, — если бы я только могла сказать, как люблю тебя.

Утром четвертого дня фургон наконец остановился. Сайлин открыла глаза, бросив предупреждающий взгляд на подругу. Сайлин пыталась бороться со своим страхом, но Джура

выглядела так, словно она уже сдалась. Они не знали, какую участь готовят им ултены: смерть или рабство, но Джуре, видимо, было все равно.

— Мы скоро сбежим, — Сайлин пыталась уговорить и себя, и Джуру. — Может быть, договоримся о выкупе.

Джура молчала.

Им больше не удалось поговорить, так как их вытащили из фургона. Морщась от яркого солнца, девушки оглядывались вокруг. Сайлин была очень удивлена. Судя по тем ултенам, которых они видели, она ожидала, что их город будет таким же грязным. Но реальность оказалась иной.

Они стояли на площади, окруженной опрятными зданиями, между ними пролегали чисто выметенные каменные дорожки. На первых этажах домов находились магазинчики, из дверей которых выходили люди. Чистые, аккуратно и богато одетые люди.

Нет, не люди, подумала Сайлин. Женщины. Везде были одни только женщины, очень мало детей, да и те девочки.

— А где их мужчины? — прошептала Сайлин на ухо Джуре.

Ответа она не получила. Одна из стороживших их ултенок подтолкнула ее вперед, указывая на мешки в фургоне. Сейчас-то было видно, что и стражниками здесь служили женщины.

— Что вы сделали с нашими мужчинами? — спросила Джура.

— Они мертвы, — ответила ултенка на плохом ирлианском языке. — Нам не нужны здесь мужчины. Она снова подтолкнула Джуру и Сайлин.

Обе девушки сильно ослабли после многих дней, проведенных в фургоне, когда они получали всего несколько кусков хлеба в день, но им пришлось перетаскивать мешки из всех четырех фургонов. Пока они работали, рядом то и дело останавливались ултенки, глаза на чужестранок и переговариваясь на своем странном наречии.

— Я чувствую себя, словно скот, которого оценивают по силе, — заметила Сайлин. Ей не удалось ничего больше сказать, потому что одна из ултенок выхватила хлыст, поднеся его к самому лицу Сайлин.

Они затратили почти весь день на разгрузку, затем их отвели в пустой каменный сарай, в котором валялись два соломенных тюфяка. Здание окружали по крайней мере несколько десятков ултенок.

— Джура, — позвала Сайлин, — мы должны попытаться сбежать. Надо объяснить людям, что произошло, пока не началась война. Мы должны найти Яна и... Джура, ты меня слушаешь? Сейчас я не вижу, как можно отсюда выбраться, и я слишком устала, чтобы думать.

— Зачем ты собираешься искать Яна?

— Чтобы закончить то, что начал Руан, — ответила Сайлин удивленно, словно Джура должна была сама догадаться. — Мы обязаны найти способ, чтобы объединить наши народы. Хотя бы для того, чтобы убить этих подлых ултенов.

К ужасу Сайлин, Джура опять заплакала. Сайлин не знала, что делать. Слезы — это то, с чем так редко сталкиваешься в Ланконии. Подумав, Сайлин повернулась на другой бок, стараясь заснуть. Возможно, завтра ей удастся поговорить с Джурой и обсудить побег.

Джура также пыталась заснуть, но мешали слезы. Сейчас для нее ничего не значили ни Ланкония, ни Джералт или ултены. Все, о чем она думала, это о потере того единственного мужчины, которого любила.

— А я ведь даже не сказала ему, — шептала Джура сама себе. — О, Боже, если бы у меня была еще одна возможность. Я бы стала настоящей женой Руана.

Громкий хохот Джералта отозвался эхом во всех комнатах ултенского замка. Три красивые женщины, стоящие перед ним, улыбнулись, глядя на шахматную доску.

— Ты снова выиграл, хозяин, — промурлыкала одна из них. — Которую из нас ты выберешь сегодня ночью?

— Всех, — Джералт никак не мог успокоиться. — Или, может быть, возьму себе новых.

— Мы твои, только скажи, — вмешалась другая женщина.

Дворец ултенов являлся результатом многих веков «заимствований». Мрамор, из которого были сделаны стены, направлялся на строительство собора в Англии. Перерезав стражу, ултены отогнали повозки с камнем к себе в горы. Также они «одолжили» камнетесов, которых после завершения работы сбросили с горы. Ултены ходили на муравьев. Они участвовали в каждой битве, и пока сражавшиеся оплакивали мертвых, растаскивали все, что можно унести, а потом отвозили украденное своему королю. В результате дворец оказался набит красивыми вещами.

Руан и сопровождавшие его мужчины устроились на низких кушетках, наблюдая, как молодые и красивые женщины бесшумно перемешаются по комнате, спеша выполнить любую прихоть мужчин.

Джералт откинулся на подушки, окруженный пятью девушками, которые обмахивали, массировали и кормили своего повелителя. На лице Джералта застыло выражение небесного блаженства.

Дайри сидел поодаль, беседуя с изумительной красавицей и явно наслаждаясь собой.

И только Руан, не обращая внимания на хлопчущих вокруг ултенок, угрюмо смотрел в окно.

Дайри, извинившись, подошел к своему королю.

— Все еще волнуешься за Джуру? Руан не повернул головы, продолжая разглядывать раскинувшийся внизу город.

— Они же поклялись, что оставили наших женщин на том самом месте, — Дайри говорил, словно человек, повторяющий прописную истину в сотый раз. — Ултены не любят крови. Они могут украсть что угодно, включая и короля Ланконии, но они не убийцы. Ну почему ты сомневаешься? Им же не требуются женщины, как ты можешь сам легко заметить. — Дайри улыбнулся. — Они хотят только мужчин. Мы дадим им то, что они желают, и продолжим свой путь. Впрочем, стоит взять несколько женщин с собой. Руан бросил на Дайри холодный взгляд.

— Они тебя соблазнили.

— А я и не протестовал. Руан снова отвернулся к окну.

— Я не доверяю этому Мареку, — сказал он, имея в виду человека, провозгласившего себя повелителем ултенгов. — И мне не нравится быть пленником, даже сидя в золотой клетке.

— Ты собирался объединить народы. А самый лучший способ...

— Это спать с их женщинами, — хмуро закончил Руан. — Я всегда считал себя чем-то лучшим, чем просто быком-производителем.

Дайри, пожав плечами, вернулся к своей собеседнице.

Руан остался на месте, проклиная свою беспомощность. Как он мог сражаться с женщинами, особенно такими хорошенькими? Шесть дней назад он очнулся в обитом шелком фургоне. Выбив несколькими ударами дверь, он был встречен шестью маленькими прелестными девушками, умолявшими не сердиться на них. Гнев Руана немного поутих, когда он заметил, что остальным мужчинам не причинен вред, но снова разгорелся, потому что ни Джуры ни Сайлин или Бриты в фургонах не оказалось. Ултенки уверили его, что оставили женщин в лагере.

Потребовался день, чтобы вернуться в лагерь, но он оказался пустым, словно ирлианки и Брита покинули его несколько дней назад. Руан забеспокоился и решил отправиться вслед за Джурой.

И тут ултенки заплакали. Они обещали Руану все, что угодно, если он вернется с ними. Они сказали, что знают о его мечте объединить Ланконию, но он наверняка забыл об ултенах. О них все забывают, их все ненавидят. Ултенки даже пообещали послать гонца к ирлианцам, если Руан поедет с ними.

Руан разрывался на части. Как король Ланконии он действительно хотел посетить этот таинственный народ, но как мужчина он не мог не тосковать о Джуре. В течение их долгого путешествия Дайри рассказал ему, что Джура последовала за ним в тот день, когда он хоронил Кеона, и наверняка видела, как он плачет.

Руан знал, что ланконцы не плачут. Его собственное чувство потери обернулось ненавистью, которую он направил на Джуру.

Руан склонялся к тому, чтобы сначала найти жену, но тут Джералт закричал, что им надо следовать за ултенами. Замечание Руана, что весь разум Джералта лежит ниже пояса, чуть было не вызвало драку. Вмешался Дайри, и его спокойные слова помогли победить Руану-королю. Дайри сказал, что они находятся близко к земле Яна, куда, наверняка, и направились Джура с Сайлин и Бритой. Да и кроме того, Руану может никогда больше не представится возможность побывать в этом уединенном уголке Ланконии.

Так, несмотря на свои сомнения, Руан принял решение ехать с ултенками.

В течение нескольких последних дней, он, единственный кто знал язык ултенгов, разговаривал с женщинами. Руану не нравились слишком свободные нравы, царящие здесь, и если бы он был в Англии, то запретил бы своим рыцарям общаться с подобными женщинами, но фаренцы, Джералт и даже Дайри с удовольствием выбирали себе все новых и новых подруг на ночь.

Пока остальные развлекались, Руану удалось выяснить кое-что из истории этого народа.

Пятнадцать лет назад разразилась эпидемия странной болезни. Женщины выздоравливали быстро, но мужчины умирали один за другим, так что в живых осталась лишь четверть мужского населения. Да и то от них теперь рождались только девочки.

— Почему вы не обратились к другим племенам, приглашая к себе мужчин? — недоумевал Руан.

— Король Марек запретил, — последовал простодушный ответ.

По прибытии в город худшие опасения Руана подтвердились, когда он встретился с Марекком — жирным, сальным, беззубым мужчиной, окруженным целым гаремом красивых девушек. Руан проклял себя за глупость. Возможно, женщины и сами верили своим словам о том, что они отпустят чужестранцев, как только забеременеют от них, но Руан понимал, что Марек не собирается делиться своей властью ни с кем. И их, скорее всего, ждет смерть.

Если бы только здесь была Джура, в который раз повторял себе Руан. Ее скептицизм и цинизм заставили бы его подумать дважды, прежде чем последовать за ултенками. Сейчас сопровождавшие его мужчины могут думать лишь о ночных удовольствиях, но что их ждет впереди? Мареку едва ли понравится, если они расскажут ирлианцам, что ултены — это женщины, живущие в городе, полном сокровищ. Марек старался представить ултенов бедняками, заставляя тех одевать грязные тряпки, как только они пересекали границу своих земель.

Руан смотрел в окно, тревожась все больше и больше. Что ултены сделали с Джурой? Ну почему он был так простодушен, поверив слезным заверениям нескольких женщин? Если бы мужчины усыпили его, а он бы потом обнаружил пропажу Джуры, то Руан, не раздумывая, выхватил бы меч, заставив тех признаться, куда они дели ирлианок. Но как баран, идущий на бойню, он позволил провести себя хорошеньким женщинам, послушно следуя за ними и оставив Джуру на произвол судьбы.

«Если бы на произвол судьбы», — горько подумал Руан. — Они могли и убить Джуру». В отличие от Дайри он верил, что ултены способны на грязные дела. Им нужны сыновья, и они крадут короля и нескольких принцев, используя их как животных на развод.

Его лицо окаменело. «Я отдам этих женщин зернанцам, — решил он гневно. — Посмотрим, смогут ли эти дьяволицы манипулировать мужчинами Брокейна».

Погруженный в свои мысли, Руан не сразу заметил толпу на улице. Одна из ултенок подняла хлыст и опустила его на другую женщину, наполовину скрытую за углом здания. Из дома выбежала высокая девушка с черной гривой волос и накинулась на ултенку с хлыстом.

— Джура, — неуверенно прошептал Руан. Он уже готов был выпрыгнуть из окна, горя желанием броситься к жене, но остановил себя. С пылающими щеками и сильно бьющимся сердцем он смотрел, как дюжина ултенок окружили Джуру, избивая ее. Через мгновение ултенки отвели обеих ирлианок в дом.

Руан обессиленно прислонился к стеклу, тяжело дыша. Он, как последний дурак, попался в западню.

Сегодня ночью он должен каким-то образом ускользнуть из дворца и найти Джуру. И он должен придумать план, как им всем убежать от ултенов.

— Болит? — участливо спросила Сайлин. Джура в ответ лишь пожала плечами, хотя на самом деле боль от ударов хлыста была весьма ощутимой.

Их наконец-то оставили в одиночестве, в виде предосторожности удвоив охрану снаружи здания. В этот день пленницы впервые попытались сопротивляться. Сайлин упала под тяжестью мешка с зерном, а когда одна из ултенок замахнулась хлыстом, Джура вцепилась той в горло. Непокорную рабыню тут же исхлестали плетью, и Сайлин долго потом выговаривала Джуре за то, что та так глупо дала себя наказать. После этого их заставили работать дольше положенного и лишь теперь, к вечеру, позволили уйти в дом.

— Мы должны сбежать, — никак не могла успокоиться Сайлин. — Я видела, две женщины болтают друг с другом вместо того, чтобы охранять ворота, и если нам удалось бы как-то отвлечь их внимание...

Сайлин остановилась на полуслове, заметив, как изменилось выражение лица Джуры. Она повернулась, чтобы выяснить причину. В дверях стоял призрак — высокий, светловолосый призрак.

Джура моргнула, но призрак не исчез.

— Джура, — прошептал он.

Сайлин пришла в себя первой. Несмотря на усталость, она быстро вскочила с тюфяка и бросилась к Руану, обнимая и целуя его.

Обычно Руан не одобрял поведения ланконцев по отношению к своему королю. Вместо «слушаюсь. Ваше Величество» он получал в ответ лишь колкие замечания. Но сейчас он был счастлив, что его принимают на равных.

Руан обнял Сайлин, чувствуя, что впервые за долгое время касается чего-то чистого. Как, оказывается, приятно получать честные ответы вместо покорного согласия ултенских женщин.

— С тобой все в порядке? — спросил Руан.

— Устала, но невредима. Джуре досталось больше всего.

Руан посмотрел на жену, которая по-прежнему сидела на своем матрасе. Сайлин быстро отошла в сторону.

— Ты ничего не хочешь сказать мне? — спросил Руан тихо.

— Почему ты жив? — в голосе Джуры слышался неприкрытый гнев.

Руан, однако, не обиделся. Улыбнувшись, он шагнул к ней.

— Ты рада видеть меня?

— Нас захватили в плен и превратили в рабов, — не успокаивалась Джура. — Я думала, ты погиб, иначе ты бы пришел к нам на помощь. Но ты не умер. — Ее слова звучали как обвинение. Джуре казалось, что ее предали. Последний раз, когда она видела мужа, он смотрел на нее с выражением жгучей ненависти, и многие дни она ничего не делала, только плакала, считая, что Руан мертв. Но вот он стоит, не только живой, но, очевидно, свободный.

Руан подошел ближе, опустив руки ей на плечи. Джура вскочила, прижимаясь всем телом к мужу.

— Ты не умер, ты не умер, — почти бессвязно повторяла она.

— Нет, моя любовь, — шептал Руан, глядя ее израненную спину. — Я не умер.

Через несколько минут он нехотя отодвинулся.

— Мы должны поговорить. Сайлин, подойди сюда. Мне нужны вы обе. У нас не так много времени.

Полуобняв каждую из женщин, Руан принялся рассказывать о том, что происходило несколько последних дней с ним и другими мужчинами из их группы.

— Ты послушался их? — спросила Джура, не веря своим ушам. — Эти женщины пробрались в лагерь, усыпили нас, а ты поверил им? Ты...

Руан быстро поцеловал ее.

— Я так скучал по тебе, Джура. Однако я завел вас сюда, я и должен помочь нам выбраться.

— Ты? — накинулась Джура на мужа. — Да ты — причина всего происшедшего. Если бы не...

— Она думала, что ты погиб, — вмешалась Сайлин, — и ничего не делала, только плакала. Я никогда не видела, чтобы Джура плакала. Она жалела, что не помогала тебе объединять племена Ланконии и что ни разу не призналась в своей любви.

— Это правда, Джура? — прошептал Руан. Джура быстро отвернулась.

— Мало ли что люди говорят в горе. Руан приподнял кончиками пальцев ее подбородок и нежно поцеловал в губы.

— Я пытался принять решение как король Ланконии. Я пошел с ултенками, потому что король Руан хотел объединить их с другими народами, но Руан-мужчина сожалел о принятом решении. Я был дураком, Джура, как ты и говорила раньше.

— Но у тебя были благие цели, — прошептала Джура.

— Так же, как и у тебя в тот день, когда погиб Кеон, — ответил Руан, с удивлением заметив, как при этих словах на глаза Джуры набежали слезы. — Ты придала мне силу...

— Руан, — раздался тревожный окрик, и в комнату вошел Дайри. — Надо уходить. Даже Джералт уже не выдерживает.

— Не выдерживает? — переспросила Джура, отталкивая Руана и вставая на ноги. — Мы с Сайлин поможем вам.

Руан нервно прочистил горло.

— Джура, их слишком много. Я смог пробраться к вам только потому, что фаренцы и Джералт, хм... задерживают стражу... э-э... занимая их. Джура, не смотри на меня так осуждающе. Я вытащу вас отсюда, но ты же не думаешь, что я развяжу войну против слабых женщин?

— Слабых женщин, — презрительно фыркнула Джура. — Эти нежные создания заставляли нас с Сайлин таскать тяжелые камни, грузить повозки и чинить стены. Мы работаем, как лошади, покуда вы... ты утомляете себя в кровати с этим «слабыми» женщинами.

— Я нет, — умоляюще сказал Руан. — Клянусь, я не прикоснулся ни к одной из них. Думаю, они нас не тронут, пока я, король Ланконии, отказываюсь заниматься с ними любовью.

Глаза Джуры побелели от ярости.

— Боже, как много ты приносишь в жертву ради нас! — она почти кричала.

Руан попытался обнять ее, но Джура вырвалась.

— Джура, пожалуйста, верь мне.

— Так же, как ты верил ултенам? Ты просто ушел с ними, бросив и меня, и Сайлин, и Бриту.

— Это неправда, я... — Руан был смущен и обрадован одновременно. Джура шипела на него, как обычная ревнивица. Перед ним была не женщина-гвардеец, а сердитая жена, укоряющая мужа, что он спит с другой. Джура действительно любит его, а не Ланконию!

— Руан, — снова позвал его Дайри. — Мы должны идти. Марек заметит, если мы долго задержимся здесь.

Руан с сожалением отошел от Джуры. Никогда еще он так сильно не хотел ее.

— Дайте мне два дня, — прошептал он быстро. — И я вытащу вас отсюда.

Руан вышел. Сайлин попыталась заговорить с Джурой, но та молчала, слишком разозленная, чтобы слушать.

Джура ворочалась, не в состоянии заснуть. Если бы она вышла замуж за Дайри, их брак никогда бы и не мешал благополучию Ланконии. Ну почему ее так раздражает, что Руан поставил интересы страны выше ее собственных?

Перед рассветом Джура подошла к двери, глядя на дворец Марека. Мысль о том, что Руан сейчас спит, возможно, рядом с другой женщиной, привела ее в ярость. Нельзя думать как англичанка, одернула себя Джура. Она должна в первую очередь помнить о Ланконии.

Джура прислонилась к косяку двери и постаралась мыслить здраво, но ничего не получилось. Она хотела, чтобы Руан вернулся к ней. Она не могла ждать, пока ему наскучат ултенки или пока насытится ее сводный братец. Джура была готова поспорить, что Джералт и не вспомнил о Сайлин и Джуре. Джералт вообще мало думал о других.

Когда Джура считала, что Руан погиб, она сожалела о том, что не помогала ему. Сейчас ей представилась эта возможность.

— Джура, — позвала ее проснувшаяся Сайлин. — Ты что, не спала всю ночь?

Джура резко развернулась лицом к подруге.

— Мы сами выберемся отсюда. И используем оружие Руана: слова. Мы скажем этим женщинам, что Марек скрывает от них существование сотен, тысяч свободных мужчин в других частях Ланконии и что каждая женщина сможет выбрать себе одного мужчину и

рожать от него сыновей.

— Но мы же не знаем языка, — возразила Сайлин, — да и, кроме того, Руан сказал, что через два дня освободит нас. Может быть, стоит подождать?

— Нет, мы должны помочь ему.

Среди охраны лишь одна женщина понимала язык ирлианцев, и Джура потратила большую часть дня, чтобы заставить ултенку выслушать ее. Та отмахивалась, повторяя, чтобы Джура вернулась к работе. Благоприятная возможность представилась лишь в полдень, когда в воротах дворца показалась королевская процессия. Впереди ехал Марек, окруженный со всех сторон красивыми женщинами. В двух других повозках находились Руан, Дайри, Джералт и фаренцы. Джура увидела, как заблестели глаза стоящих рядом женщин при виде здоровых сильных мужчин. Когда мимо проезжал Руан, Джура с силой сжала ладони в кулаки: маленькая хорошенькая ултенка практически сидела у ее мужа на коленях.

— Какими слабыми выглядят эти мужчины, — заметила Джура словно невзначай.

Ултенка, говорящая на языке ирлианцев, удивленно посмотрела на нее.

— В моей стране мы, женщины, не стали бы даже смотреть на подобные ничтожества, а отослали бы их прочь, — продолжила Джура, позевывая. — Не пора ли возвращаться к работе? Я лучше буду работать, чем глазеть на подобных слабаков.

Ее слова попали на благодатную почву: ултенка подошла к своим соотечественницам, что-то быстро рассказывая им.

Через несколько минут она вернулась и забросала

Джуру вопросами. Ее интересовало, где живет Джура, и особенно, какие там мужчины.

Джура стерла пот со лба и принялась говорить о браках между одним мужчиной и одной женщиной. Она помедлила, ожидая, пока, эти слова переведут другим ултенкам.

К полудню они с Сайлин сидели в тени раскидистого дерева, попивая охлажденный фруктовый сок и в тысячный раз повторяя о тысячах свободных мужчин в центральной части Ланконии. Ултенкам особенно нравилось слушать про сильных мужчин-зернанцев, которым досталось по одной большой и уродливой женщине.

На следующий день Джуру и Сайлин за пределами домика поджидали уже сотни женщин. Большинство из них были слишком молодыми, чтобы помнить те времена, когда и у их народа было достаточно мужчин, поэтому рассказы Джуры казались им чудесными сказками.

На этот раз Джура не стала рассуждать о мужчинах в других частях Ланконии, а заговорила о том, как тяжела участь женщин, вынужденных преклоняться перед ултенами-мужчинами. Джура в красках описала свои собственные споры с мужем, не упоминая, впрочем, его имени. Под шум удивленных восклицаний ее попросили даже повторить рассказ.

— И он тебя по-прежнему любит? — спросила одна из слушательниц. — Тебе не приходится становиться истинным совершенством, чтобы удержать мужчину?

Вопросы сыпались со всех сторон.

— И ты можешь говорить, что думаешь, не боясь наказания?

— И ты можешь сердиться на мужчину?

— Да, — отвечала Джура твердо. — И твой муж должен быть верным тебе, иначе ты можешь пожаловаться на него в суде. И ты можешь выгнать мужа.

К ночи от бесконечных разговоров у Джуры разболелось горло, но она знала, что ее усилия не пропали даром. Возможно, способ борьбы, столь любимый Руаном, и имеет в конце концов некоторые преимущества. Она бы не смогла внести большую смуту в городе, если бы даже напала с отрядом вооруженных до зубов солдат.

Руан только что проснулся, когда до него донесся неясный гул. Накануне вечером он долго не мог уснуть, думая, как же выбраться из города. Его спутники собирались остаться здесь навсегда, но Руан, к своему удивлению, обнаружил, что его раздражает раболепие ултенков. И ему с большим трудом удалось уговорить женщин, что он будет спать один. Не то чтобы Руан был против внимания столь прелестных женщин, но он побаивался гнева Джуры.

— Завоевать Ланконию очень трудно, а завоевать Джуру практически невозможно, — в который раз за последний месяц пробормотал Руан, думая, как же уехать, не оскорбляя Марека и не обижая ултенков.

Сначала Руан не обратил внимания на звуки разъяренных женских голосов. Он успел привыкнуть к темпераментным ирлианкам и воспринимал крики как нечто вполне обыденное. Но вдруг Руан вспомнил, что находится среди народа, где в борьбе за обладание мужчиной орудием служили тихие голоса и вежливые улыбки.

Руан рывком сел на кровати.

— Что на этот раз придумала Джура? — произнес он вслух, не сомневаясь, что гнев ултенков спровоцирован его женой.

Руан быстро оделся, затем пробежал по коридору, заглядывая в комнаты других мужчин и приказывая им немедленно явиться в тронный зал.

Дворец заполняла толпа сердитых женщин, несущих в руках то, что можно было использовать как оружие: прялки, топоры, вязальные спицы. Они представляли собой очень забавное зрелище — но Руану почему-то было не до смеха.

Схватив за руку одну из женщин, он спросил, что случилось.

— Нам лгали! — закричала она. — Говорили, что все мужчины, кроме тех, кто живет в городе, умерли во время эпидемии, но Джура сказала, что это не так!

Руан застонал и отпустил женщину, поворачиваясь к своим друзьям, чтобы перевести им слова ултенки.

— Джура! — фыркнул Джералт. — Так и знал, что она разрушит нам рай.

— Твоя сестра была рабыней, пока ты развлекался, — резко ответил Руан. — А сейчас надо прекратить беспорядки.

— Пусть они убивают старого Марека, — обрадовался Джералт. — Мне все равно. Я стану

править ултенками. Ты отнял у меня ирлианцев, так позволь остаться здесь.

Пробивающаяся через толпу Джура услышала последние слова своего брата.

— Ты не можешь управлять самим собой, не говоря уже о народах Ланконии! — закричала она. — Ты думаешь только о себе! Не мог провести ночь с Бритой, чтобы не развязать войну. Сомневаюсь, что эти женщины пойдут за тобой, они слишком разозлены. И могут убить не одного, а всех мужчин. Нам надо уходить отсюда. — Джура повернулась, но Руан успел схватить ее за рукав.

— Почему ты не стала поддерживать своего брата? — удивленно спросил он.

— Мой брат — ирлианец, а не ланконец, — ответила Джура, слегка раздосадованная этим глупым вопросом. — Отсюда есть другой выход? Пожалуйста, Руан, не пытайся поговорить с ними. Эти женщины жаждут крови.

Руан нежно провел пальцем по ее щеке, затем повернулся к остальным.

— Следуйте за мной, — приказал он. Единственным, кто послушался, был Джералт. Руан схватил его за плечо, толкая к выходу.

Джералт кинулся на него с кулаками.

— Эти женщины не тронут меня!

Джура спокойно взяла вазу с ближайшего стола и опустила ее на голову брата. Он медленно свалился на пол.

Руан недовольно посмотрел на жену.

— И что теперь?

— Ты понесешь его. Торопись, у нас осталось мало времени.

Без дальнейших споров Руан взвалил Джералта себе на плечо, следуя за Джурой по коридору. Он остановился около окна, под которым находился амбар.

— Дайри, — приказал Руан, — надо взять кровать и перекинуть ее так, чтобы образовался мостик.

— Я пойду первой, — сказала Джура.

— Нет, — остановил ее Руан. — Присмотри за братом, он приходит в себя.

Джура быстро взглянула на Джералта, сидевшего на полу и обхватившего голову руками. Руан за это время успешно перебрался на крышу другого здания. Один за одним ирлианцы и фаренцы последовали за ним.

Однако Джералт отказался.

— Я останусь здесь, — капризно заявил он Джуре. — Я не собираюсь возвращаться и быть вторым после англичанина.

— Он больше ланконец, чем ты, — последовал резкий ответ. — Тал знал, что делал.

— Меня предали со всех сторон, — сердился Джералт. — Иди с ним. А я останусь здесь и наведу порядок.

Джура уже ступила на «мостик», когда увидела, что ее брат бежит назад к тронному залу.

— Джура, поторопись, — раздался голос Руана. Но она уже приняла решение.

— Я должна помочь Джералту, — крикнула Джура, бросаясь вслед за братом.

Несколько секунд Руан ругался на чем свет стоит, затем взобрался по шаткому настилу обратно. Дайри и Сайлин умоляли его не делать этого, но Руан лишь отрицательно качнул головой, приказав им как можно быстрее выбираться из города.

Ни Джуры, ни Джералта не было видно, в коридоре стояло лишь несколько женщин, срывавших ковры со стен.

Руан несмело улыбнулся им, протискиваясь по направлению к тронному залу. Там он сразу же заметил ирлианцев, возвышающихся над толпой благодаря своему большому росту: Джура прикрывала собой брата, пытаясь объяснить с женщинами, но ни одна из них не понимала ее.

— Марек уносит золото! — прокричал Руан на ултенском языке, однако никто и не шевельнулся. — Марек уводит ваших детей! — Руану пришлось повторить это несколько раз, прежде чем внимание толпы было отвлечено от Джуры и Джералта.

— Я знала, что ты придешь, скачала Джура радостно. — Ты должен был уходить с остальными, но я все равно знала, что ты придешь.

— Иди за мной, — приказал Руан, — и не делай глупостей. — Он бросил гневный взгляд на меч, который Джура сняла со стены. — Не порань моих людей.

— Эти люди пытались убить меня, — заявил Джералт. — Я думаю...

— Замолчи! — прикрикнула на него Джура. — Следуй за королем Руаном!

Услышав слова жены, Руан застыл, несколько раз моргнув, но потом оправился и повел их через толпу. Как только ултенки останавливались, глядя на ирлианцев, Руан кричал: «Марек» и махал рукой в сторону башни замка.

Им удалось добраться до городских ворот, прежде чем женщины осознали что к чему.

— Здесь двое мужчин! — закричала одна из ултенок. — Они держали нас как пленниц. Убить их!

Часть женщин бросилась закрывать тяжелые ворота.

— Бежим! — приказал Руан. — Но никого не убивать!

Джуру не тронули, но мужчины подверглись яростному нападению. Инстинктивно Джура закрывала своим телом Руана, пытаясь оградить его от ударов. Руан шел, прикрыв голову руками, и не видел, как Джералт сбивал с ног одну женщину за другой.

Пробившись сквозь ворота, они долго бежали, отрываясь от погони, и остановились только через час, чтобы перевести дух.

— Мы должны найти остальных, — сказала Джура и только тогда взглянула на Руана. Он побледнел, а на рукаве расплывалось ярко-красное пятно.

Джура по-матерински обняла мужа, заставив его сесть.

— Я должен...

— Нет, — тихо сказала она, — ты уже и так сделал достаточно. Пора дать другим возможность помочь королю. — Джура подняла глаза на брата. — Иди и найди Сайлин и других. Скажи, что король ранен и что Дайри должен отыскать Бриту. — Джура вновь перевела взгляд на Руана. — Если ты не возражаешь, конечно. Я имела в виду...

Руан нагнулся и поцеловал ее.

— Ты читаешь мои мысли.

— Джура, я... — начал Джералт.

— Иди! — рявкнула Джура. — Ты принес нам достаточно неприятностей. А завтра поблагодаришь короля, спасшего тебе жизнь.

Джералт нехотя повернулся и пошел по тропинке.

— Джура, я ранен не настолько серьезно, — тихо сказал Руан. — Как только ты сделаешь перевязку, я смогу идти дальше.

Джура осторожно обрезала рукав туники, рассматривая рану.

— Ты назвала меня королем Ланконии, — Руан коснулся рукой ее щеки. — Означает ли это, что ты любишь меня? Или ты ждешь, пока я умру, чтобы выйти замуж за Дайри?

Джура прямо и открыто встретила взгляд мужа.

— Тал воспитал меня так, что я в первую очередь думала о войне, и я любила Дайри, потому что с ним было спокойно. Рядом с ним я всегда бы ставила интересы Ланконии прежде интересов семьи. Но ты все время смущал меня. Ты показал мне настоящую любовь: любовь к стране, которая не обязательно связана с войной, и любовь к мужчине, которая...

— Которая что?

— Которая проникла мне в сердце. — Джура обняла мужа. — Руан, моя любовь, если ты умрешь, погибнет и моя душа тоже. Эта... эта боль, которую я испытывала рядом с тобой... Я не знала, что это на самом деле любовь.

Руан нежно поцеловал ее в губы.

— Я знал, что завоюю твою любовь, Джура, хотя мне и пришлось страдать.

— Все было не так, — запротестовала Джура, но потом улыбнулась. — А это стоило того?

— Да. Я думал, что мне нужна женщина... как эти ултенки, которая бы украсила мою жизнь, но ты сделала больше, Джура. Ты помогла мне. Ты помогла мне понять Ланконию.

— Помогла тебе? Да я столько раз спасала твою жизнь! Ты бы не справился в одиночку. Ты

слишком доверчивый. Считаешь, что люди — это ходячие кладези добродетелей.

— За исключением тебя, Джура. Ты же полна огня и упрямства. Но это я объединил Ланконию. Я...

— Только с моей помощью! — твердо стояла на своем Джура.

Неожиданно Руан улыбнулся.

— Подозреваю, что мы отлично справимся вдвоем. А сейчас ты собираешься позволить мне истечь кровью или мы останемся здесь, давая твоему глупому брату возможность найти Бриту и развязать очередную войну?

— Джералт не глупый. Он...

— Да? — Руан заинтересованно поднял одну бровь.

— Возможно, нам стоит пожаловать ему небольшую часть Ланконии, где он мог бы править. Джералт может причинить много вреда, и я не хочу, чтобы он раздражал мужчин-зернанцев, когда мы приведем к ним ултенков.

— *Что?* Отдать этих нежных женщин зернанцам?

— Эти «нежные», как ты говоришь, женщины чуть не уморили нас с Сайлин, а одна из них исхлестала меня плетью.

— Да, однако... — запротестовал Руан, но Джура поцеловала его, и, как всегда, он тут же забыл о Ланконии. Руан любил Джуру с той самой первой встречи. А сейчас у них впереди были годы, чтобы объединять народы, ссориться и любить друг друга. Руан улыбнулся и прижал Джуру крепче к себе. Он был счастлив.

Дайри и Сайлин остановились, услышав сердитые голоса Руана и Джуры.

— Думаю, они не ранены, — с усмешкой заметила Сайлин.

— Джура любит его, — сказал Дайри спокойно и без сожаления. — Она отдаст свою жизнь за Руана. Сайлин бросила на него косой взгляд.

— Тебе тяжело, что ты потерял Джуру?

— Я чувствую себя, словно старший братец, расставшийся с маленькой сестренкой. Сейчас-то я понимаю, что никогда... не хотел Джуру, — Дайри улыбнулся, что-то вспоминая, — в отличие от ултенков.

— Ах так! — холодно бросила Сайлин. — Ты любишь этих мягких женщин, которые не отличат меч от расчески?

Дайри удивленно повернулся к ней, затем его глаза потеплели.

— Сайлин, мне нравится, как колышется твоя грудь, когда ты натягиваешь тетиву лука. Не пора ли нам подойти к королю и королеве? Чем быстрее мы это сделаем, тем быстрее сможем пожениться.

С этими словами Дайри пошел в ту сторону, где находились Джура и Руан. Сайлин, мгновение

приходившая в себя, широко улыбнулась и последовала за ним.

ЭПИЛОГ

Брокейн не стал требовать жизнь Руана взамен жизни его погибшего сына Кеона. К тому времени, когда Руан встретился с ним, почти все народы были объединены под властью короля Ланконии, так что Брокейн понимал, что, нанеся вред Руану, приговорит к смерти себя и всех зернанцев. В виде компенсации он взял сотню самых красивых ултенок.

Брита стала женой Яна, и эти двое с таким отчаянием боролись за власть между собой, что не причиняли ни малейшего беспокойства Руану. После смерти Яна его земли унаследовали Дайри и Сайлин.

Правители племен стали герцогами и по сей день входят в правящую элиту Ланконии. Ариа в книге «Принцесса» является потомком Руана, а Дж. Т. — потомком Монтгомери де Варбрука.